

Александр Жданов

Все события и имена в романе случайны, но вполне ожидаемы.

ПАПАРАЦЦИ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Только самые большие проблемы дают нам самые большие возможности. Так говорили древние китайцы. В чем-то они были правы. Вот только с возможностями китайцы немного погорячились. Что же касается проблем...

Моя самая большая проблема сидела напротив и лениво потягивала Camus Grand VSOP неизвестно какого года выпуска. Подозреваю, что лет тридцать выдержки у этого коньяка все же было. Впрочем, мне-то какая разница – я же не пью.

Со стороны мы выглядели, наверное, странно. Он – в потертой джинсе, с ежиком волос и шрамом на щеке – живое воплощение скромности. Я же в Dolce & Gabbana, в руках камера стоимостью несколько тысяч баксов, стильная стрижка, модный загар – эдакий московский мажор с питерскими корнями.

И только посвященные знали, что джинса – от Levi's – сшита по индивидуальному заказу и по стоимости равна докризисному годовому окладу столичного топ-менеджера. А добиться столь совершенного бритого затылка можно только в лучшем салоне Москвы. Даже Сергей Мерин, и тот будет в шоке от стоимости парикмахерских услуг.

Демократичность тоже имеет свою цену, и порой немаленькую.

Бизнесмен и папарацци.

Осторожные улыбки и неспешный разговор. Встретились случайно в частном клубе, решили выпить и поговорить.

Идиллия...

Скулы свело от этой идиллии.

Тот, кто был в курсе истинного положения дел, мне сейчас не завидовал. Готов поспорить на свой лучший кадр.

Андрей Разумовский.

Первое лицо в российском шоу-бизе.

Бог и царь в одном лице.

Одним щелчком он мог уничтожить даже самую раскрученную звезду. Была звезда и вышла. Тем же самым щелчком – вознести на звездный олимп очередную марионетку, чтобы в свое удовольствие подергать за смешные ниточки. Ну-ка, кланяйся, звезда, кланяйся, тебе говорят! И звезды кланялись – никому не хотелось проблем.

Иногда, повинувшись мимолетному капризу, Разумовский доставал из архивов чье-то полустертое имя и шлифовал его, напевая старые песенки. Шлифовка придавала артисту новый звездный лоск и известность. Вскоре забывались нищета, неблагодарность публики, им на смену приходила сытая уверенность в том, что вот теперь настали те самые, долгожданные времена. Оп! Новый щелчок – и звезда снова скатывалась на дно, чтобы уже никогда не подняться на олимп успеха.

Если звезды падают, значит, это кому-нибудь нужно.

Разумовскому нравилась подобная клоунада, как и собачья преданность шоу-буратин, готовых на все ради славы и денег.

Разумовского уважали, к нему прислушивались, ему подражали. Но еще больше – боялись.

Судьба столкнула нас не в самый лучший период моей жизни, и теперь от этой встречи зависело очень многое.

Я посмотрел в светлые прищуренные глаза. Глаза не человека, но хищника, умного и очень опасного.

– Ты влип, парень! – сказал мне этот холодный взгляд. – И влип очень серьезно.

Хрустнув позвонками (бизнес, бизнес, не до походов к массажисту!), Разумовский потянулся. Теперь он мне напомнил сытую и потому – ленивую кобру. Однако насчет лениости я не стал бы обольщаться.

– Может быть, коньячку?

Само добродушие. Таким тоном приговоренному к смерти предлагают последнюю сигарету.

– На работе не пью, – голос предательски дрогнул. – Разве что воды.

– Перье? – он был прекрасно осведомлен о моих вкусах.

– Да.

Стакан с водой появился незамедлительно.

Очень кстати.

Вот только руки дрожат. Но, с другой стороны, мое состояние можно понять: не каждый день тебя приглашают в клуб, чтобы... убить.

– Пейте, пейте...

Глоток воды дал несколько секунд для передышки. Разумовский, похоже, никуда не торопился. Я тоже.

– Вам нравится этот клуб, Александр?

Я пожал плечами.

– Неплохое местечко. Димати постарался.

Уголки губ дрогнули. То ли он искренне улыбнулся, то ли я его раздражал уже одним фактом своего существования.

– Вы тоже постарались.

– В том, что произошло, моей вины нет.

– Иными словами, вас подставили.

– Именно так.

Он выпил коньяку и задумчиво посмотрел на мою камеру.

– Детский сад какой-то.

Кому детский сад, а кому и последнее слово.

Терять мне было нечего.

– Еще раз повторяю – моей вины здесь нет. Я честно выполнил свою работу. Пришел на закрытую вечеринку и снимал весь вечер. Наташа получилась бесподобно.

– Да, хороша Наташа, – в голосе Разумовского прозвучала отеческая усталость. Но я не спешил обманываться. Самое худшее было впереди.

– Хороша Наташа, – повторил Разумовский. – Особенно на обложках всех желтых газет.

Мы синхронно посмотрели на ворох печатной макулатуры. Восходящая звездочка Наташа Минор вышла очень натуралистично. На коленях. Лицо в мужской ширинке.

«И зачем я все это снял?» – в который раз мысленно упрекнул себя. Привычка, наверное. Стоит мне только расчехлить камеру, как я забываю обо всем. Палец плавно нажимает на кнопку, словно на гашетку. Получаются убийственные снимки. Камера вообще беспристрастна, она редко кого любит и редко кому подыгрывает. Хочешь увидеть, какой ты в жизни, встань перед фотообъективом. Только не в студии, где свет и гений мастера творят чудеса, а в реальной жизни, в реальных обстоятельствах.

Я снова вспомнил ту злополучную вечеринку, и меня затошнило. Не от того, что пришлось там увидеть (как раз такими сценками меня не удивишь), а от того, что до того праздника Наташа считалась официальной невестой медиамагната. Свадьба была назначена на конец лета и обещала стать самым громким светским событием года.

Теперь на планах Наташи Минор можно смело ставить жирный крест. Три мохито и два Б-52 сделали свое дело. Девочка перепила и решила показать всем, какая она смелая и крутая. И даже Разумовского не боится. Что ж, показала и доказала – под аплодисменты нетрезвой публики и вспышки моей фотокамеры.

На следующий день эти кадры попали во все газеты, и в Интернете загорелись тоже. Мечта Наташи сбылась: она стала звездой, правда, звездой на час.

Я до сих пор не знал, кто же вынул из моей камеры флэш-карту и слил в СМИ весь архив. Кто-то получил за это неплохие бабки, а я – большой и страшный геморрой в лице Разумовского. Мда, скаламбурил, но от этого не легче.

Он выжидающе смотрел на меня. Я снова сделал глоток воды и подумал: надо что-то сказать. Неважно, что именно, главное говорить, убалтывать, нанизывать слова на леску логики. Нежданов, ты же умный, ты все можешь, соберись! Не молчи – говори. Не позволяй страху завладеть тобой.

Сомнительный аутотренинг.

Разумовский насмешливо ждал.

– Андрей... Константинович... Ну, вы сами подумайте, зачем мне подставлять себя же?

– Интересный вопрос. Причин может быть несколько. По глупости. По жадности. По неопытности.

– Я не первый год в шоу-бизе и знаю, что бывает с теми, кто играет не по правилам.

Разумовский оживился.

– И что же?

– Их убирают.

Он помолчал.

Пауза раздражала.

– Что ж, этот урок вы выучили, Александр. Допустим, вас подставили, и что же теперь мне с вами делать? Убрать?

– Ваше право, – в животе появился неприятный холодок. – Можете и убирать. Тогда вы никогда не узнаете, кто это сделал.

– Логично. Подставили ведь не вас, а меня.

Спорить я с ним не стал. Чревато. Но Разумовский был прав – для шоу-биза я пока что фигура не очень значимая. А вот Разумовский... Вместо короны царь примерил рога. На радость всем его врагам. Мужчина, ставший всеобщим посмешищем, уязвим. Рогоносец – не та роль, на которую бы согласился Разумовский.

То, что он не торопился прервать со мной этот тяжелый разговор, свидетельствовало лишь об одном – я ему нужен. Пусть и на время, но нужен. Зачем? Хотя бы для того, чтобы выяснить: кто же из светской тусовки осмелился бросить вызов. Гостей на вечеринке было не меньше сотни, и все себеды, все друзья-товарищи, партнеры.

Если так, то у меня есть шанс выйти если не сухим из воды, то, по крайней мере, лишь с чуть подмоченной репутацией. Нужен тайм-аут, а там я придумаю, что делать... Голова у Саньки Нежданова всегда работала хорошо, особенно в условиях форс-мажора. Это я вам как Нежданов говорю.

Он снова посмотрел на фотографию Наташи.

– Красивая стерва. И чего бабам неймется, не пойму. Ведь все было... Хочешь Ниццу – будет Ницца. Хочешь клип – будет клип. Хочешь замуж – будет свадьба... И на тебе – горячий привет... У вас есть подруга?

Я вспомнил о непростых отношениях с Вестой и кивнул.

– Есть.

– И вы ее любите?

– Она думает, что нет.

– А вы?

– А я думаю, что да.

– Что тут думать? – он грузно и устало поднялся из кресла. – Любовь не думает. Любовь действует. В пубертатном возрасте мы думаем, что любовь

– это слова. И только после первого предательства понимаем: любовь – это поступки.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

– Даю вам ровно неделю. Найдите того, кто это сделал. И...

– И?

– У вас все будет хорошо.

– А если не найду?

– Тогда ваша подруга так и не узнает, любили вы ее или нет.

Четко и ясно.

Семь дней.

Это много или мало?

ПОНЕДЕЛЬНИК

5.00–9.00

Вообще я по характеру типичная «сова», раннее утро не для меня. Особенно утро понедельника, но этот понедельник стал исключением. Когда на кону твоя собственная жизнь – тут уж не до сна.

Я проснулся задолго до звонка будильника. Рядом на подушке тихо поспывал мой кот – корниш-рекс по кличке Рекс. Когда я придумывал ему имя, то разрешил себе не быть оригинальным.

Рексу явно что-то снилось: он нервно мявкал и дергал передней лапой. Я осторожно подул в холодный нос. Рекс открыл сонные глазенки.

– Плохие сны, малыш?

– Мяу! – он широко зевнул и прижался ко мне.

– Спи, еще рано.

В ответ теплое урчание. Минут через пять он затих. Спит.

Я перевернулся на спину. Бешеный стук сердца.

Вдох-выдох. Вдох-выдох. Я не большой поклонник модной нынче йоги, но в свое время послушался совета умных людей и научился правильно дышать. В экстремальных ситуациях эта методика хорошо помогает: снимает стресс и волнение.

По потолку бегали суетливые тени. Самое время отбросить эмоции и проанализировать сложившиеся обстоятельства.

Главный вопрос: кому выгодно такая ситуация?

Если верить, что хотели подставить Разумовского, а не меня, то заказчика и исполнителя надо искать среди гостей той вечеринки. Охрана Разумовского передала мне список гостей, но я и так знал, что список этот далеко не полный. Наташа тогда выступала в одном из столичных клубов и после своего номера позвала на вечеринку много людей – знакомых и незнакомых: «Это мои самые преданные поклонники, как я могу им отказать?!» Наивная

девочка! Преданные поклонники не лезут тебе под юбку и не предлагают трахнуть, чтобы было о чем вспомнить.

Итак, площадка для вечеринки была забита под завязку. Икру с шампанским смели быстро, это я точно помню, потому что тогда не ел целый день и надеялся заморить червячка на фуршете. Как бы не так! Размечтался! К тому моменту, как я освободился, сделав сотни две снимков, на столах осталась водка и жалкие листики салата. Публика в тот раз оказалась весьма голодной и жадной до зрелищ.

Стоп, Нежданов, куда тебя несет? Тебе не о еде думать надо, а о том, как спасти свою шкуру.

Гостей было много, но суть не в этом. Суть в другом.

Теоретически любой из гостей мог воспользоваться удобным моментом и вынуть карту из камеры. Теоретически. Но теория тем и хороша, что не всегда совпадает с практикой.

Камеру за весь вечер я оставлял только один раз и ровно на десять минут. На втором этаже арендованного особняка, куда доступ был разрешен только кругу избранных лиц. Мне нужно было получить гонорар у пресс-секретаря Разумовского и уточнить время встречи – по условиям договора я должен был сам отпечатать снимки и принести в офис медиамагната. Исходники – на диске. Все как обычно.

Гонорар я получил – толстый белый конверт. В нем новенькие и хрустящие купюры, пахнувшие типографской краской. Этот запах был настолько явным, что я на мгновение решил – деньги фальшивые. Отвык я получать гонорары налом – как правило, их переводят на мой личный счет. Однако в условиях наступающего кризиса – иметь наличные намного спокойнее, нежели счет, который в любой момент может стать недоступным.

Я получил деньги. Вытащил из конверта. Пересчитал (никаких рефлексий – меня уже не раз обманывали). Сунул в карман. Конверт разорвал пополам и бросил в мусорную корзину.

Почему я так подробно вспоминаю? Тут любая мелочь важна. После того, как денежные вопросы были улажены, мы с секретарем обговорили время: завтра, в три часа дня. Нас то и дело отвлекали.

Я вновь напряг память, пытаюсь вспомнить, кто там находился одновременно со мной. В голове мелькали имена. Помню точно, что там была Слава – PR-менеджер многих звезд, был Костик – коллега и конкурент, фотокор молодежного журнала «Твоя тусовка», и еще одна коллега – Мила, с которой у меня сложились очень непростые отношения.

Были и звезды...

Филипп Корольков...

Эпатажная Лилитта...

Интеллигентный Сергей Эксмешев...

Возможно, кто-то из них что-нибудь и видел. Беда в том, что у меня слишком мало времени, чтобы опросить каждого...

С кого бы начать?

Я осторожно встал, стараясь не потревожить Рекса. Котяра приоткрыл левый глаз, видимо, раздумывая, вставать или нет, и перевернулся на другой бок.

Я босиком прошлепал в ванную.

...

В этой квартире я живу совсем недавно. В Питере – снимаю. В Москве, наконец-то, смог купить свое жилье. Когда встал вопрос, в какой из столиц иметь недвижимость, я долго думал. Питер – родной город, там мама, брат, друзья. Москва – это бизнес и реальные деньги. В итоге (кто бы сомневался?) победила Москва. Снимать квартиру – одно, покупать – совсем другое. Я-то думал, что все просто: пришел, посмотрел, если вариант понравился – купил. Но на одной из тусовок меня великодушно просветили: квартиру надо покупать в престижном районе.

– Подобное тянется к подобному, – слегка горячась, сказала мне Светлана Моноген. И ее собачка Туся твякнула в подтверждение слов своей хозяйки. – Ты не квартиру выбирай, а район.

– Центр?

– Банально, – скривилась телеведущая. – Кто у нас в центре? Ну, Вилан. У него квартира возле «Октябрьской». Там еще музыкальная студия есть. У «Войковской» Дмитрий Утюжев обретается, и квартирка у него небольшая. На Волоколамском – Александр Буйный, у него хоромы. Ничего район, можно что-то пристойное купить. Охотный ряд и Тверская – для актеров, там едва ли не весь МХАТ обитает. Я тебе даже имена не буду называть – какой смысл? Все там!

– Исключительно актеры?

– Ну почему? Звезды шоу-бизнеса тоже встречаются. Кристина Отбيراите, Валерий Пижонтьев, Ирина Шахтакова.

– Неплохой звездный десант!

– А я тебе про что? Так, кто там у нас еще есть? Дай-ка вспомнить! Сахароза живет в районе ВДНХ. Если будешь выбирать квартиру там, ищи такую, чтобы в окна Останкинская башня была видна. По ночам феерический вид! А секс какой!

– Секс?

– Ну да, ты, твоя половина и Останкинская башня, – не смутилась моя собеседница.

– А что в этом такого?

– Секс на фоне телевидения – это комильфо, по-европейски! Рекомендую! Не пожалеешь!

– А проспект Мира?

– Правильно мыслишь! На проспекте Мира – Лидия Аросеева-Хукшина и Сергей Мигунов.

– Вместе? – изумился я.

Она игриво ущипнула меня за щеку.

– Шутник! По раздельности! Лилитта живет у метро «Курская», на Покровке – Феерия, у Филиппа – двухэтажная квартира на Земляном валу. Тоже неплохой вариант. Но думаю, семь комнат тебе все-таки не потянут.

– Правильно думаете.

– У Ларисы Обдолоиной тоже семь комнат, она где-то в районе Серпуховской обретается. В Черемушках у нас Ирина Валегрова, Максим Алкин, с ними рядом – певица Серафима, хоккеист Павел Дурре, чуть южнее живет Наташа Царева, в Кузьминках – Сергей Многоруков.

– Ну и где мне квартиру покупать? – спросил я, устав от изобилия звездных имен и квартирных возможностей.

Светлана дала Тусе хлебнуть шампанского. Собака быстро и вполне профессионально вылакала вино. Глаза у Туси были пьяные.

– А я откуда знаю? Ты по деньгам смотри.

Логика шоу-бизнеса – вне конкуренции. Она даже не может соперничать с женской логикой.

В итоге я плюнул на все и купил двухкомнатную квартиру недалеко от ВДНХ. Видимо, советы насчет Останкинской башни сыграли свою роль. Останкинская башня, правда, в окна ко мне не заглядывает, но и без нее мое жилище довольно уютное и интересное.

Поначалу я решил сделать в квартире супер-пупер ремонт. Это было моей большой ошибкой. Нашел бригаду, внес задаток и уехал в промо-тур с Димой Виланом. По возвращении нашел гору грязных бутылок и посуды. И ни единого следа ремонта. Пришлось взять ситуацию в свои руки: для начала пригласил знакомого декоратора. Вместе мы подумали, как сделать квартиру уютной и стильной.

В моем доме доминирующим элементом стал цвет. Благодаря светильникам, умело подобранным шторам и дорогим обоям – в квартире царствует игра света и теней. Ты словно переходишь из одного визуального пространства в другое. В спальне все нацелено на отдых, в гостиной на творчество. Но настоящая моя гордость – это ванная комната, образчик роскоши и безупречного вкуса (сам себя не похвалишь, никто не похвалит!).

Девушкам нравится... Как сказала одна из моих недавних пассий:

– Нежданов, в тебя можно и не влюбиться, но не влюбиться в твою ванную комнату просто невозможно. Давай договоримся: ты на мне не женишься, у нас с тобой не будет детей, возможно, у нас даже не будет секса, но ради всего святого – хотя бы иногда разреши мне принимать ванну у тебя...

В тот момент я разрешил, но после – передумал.

Это моя ванная.

Во всем, что касается моего личного пространства, я жуткий собственник.

После холодного душа я в одном полотенце прошел на кухню. Включил чайник, телевизор.

Оказывается, утреннее телевидение на удивление уныло. Стандартные новости, дурацкие кулинарные рецепты: «Как приготовить ногу молодого барашка во вчерашнем кефире и без соли», гороскопы, психологические советы, встречи со звездами. Я лениво переключал каналы.

– И у нас в гостях известная певица Кристина Отбирайте. Кристина, сегодня многие говорят о том, что женщины и мужчины поменялись социальными ролями. Вы согласны?

– Отчасти. Я должна была родиться мальчиком. Раньше ведь не было УЗИ, и маме все говорили, что у нее будет мальчик. Родители даже придумали мне имя: Стасик, Станислав. И когда все счастливо закончилось, маме сказали: «Мы вас поздравляем. У вас – дочка!» Мама вдруг растерялась и говорит: «А как же Стасик?!» Поэтому теперь, когда во мне проявляется что-то мужское, друзья говорят: «Включила Стасика!» На самом деле в любой девушке есть такой Стасик – в каждом человеке есть и мужское, и женское начало.

Щелк.

– Мы приветствуем певицу Ладу Бэмс. Лада, что вы думаете о любви?

– Любовь – она как огонь. Надо ее не только разжечь, но и постоянно поддерживать. Выживают только те браки, в которых помимо любви и желания быть вместе есть нечто большее. Пусть это будет вера в Бога. Но если вы построили семью, сделайте все, чтобы она не разрушилась. Ходите к психологам, семейным консультантам. Иногда двое не могут разобраться в своих проблемах, стесняются раскрыться, и с этого начинается разрыв. Все зависит только от самих людей – умрет любовь или нет.

Щелк.

– С нами в студии борец за эстрадную правду Александр Словигов. Александр, почему вы так не любите российский шоу-бизнес?

– Потому что идет жутчайшая деградация. Посмотрите, у нас на экране нет образа национального героя. А этой шушеры – пруд пруди. Сплошные Дючки и иже с ними! Кто может вырасти из мальчика, когда он с детства лицезреет таких персонажей? А из девочки, которая видит на экране борделетипажных телок, демонстрирующих нижнее белье? Да, на Западе тоже есть такого рода клипы и певицы, но там их не показывают в прайм-тайм на государственном канале! У нас есть такие жабы, которые ползают по кровати и изображают эротику так, что потом две недели не хочется ничего!

Скучно-то как! Я выключил телевизор, налил себе зеленого чая и полпелся к компьютеру.

В почте оказалось до полусотни новых сообщений. Сегодня они вызвали раздражение, но делать нечего, придется ответить. К счастью, не на все.

Угрозы и оскорбления отправились в корзины, их авторы – в игнор. Меня всегда удивляло, у скольких людей я вызываю неприкрытое и искреннее раздражение. Казалось бы, живите своей жизнью и оставьте меня в покое, ан нет! Я действовал и действую на них, как красная тряпка на быка. Каждый норовит зайти в мой мир и оставить там кучку словесного дерьма.

Что интересно: в реальной жизни большинство моих виртуальных обидчиков серые, малоприметные мышки – тихие и вежливые. Интернет – забавная штука, он вскрывает комплексы и обнажает истинную суть человека, если хочешь узнать кого-то поближе, пообщайся с ним какое-то время в Интернете. Как знать, возможно, в реальной жизни тебе встречаться с ним и не захочется.

Ну вот, что я говорил? Очередная порция гадостей. Я равнодушно пробежал взглядом по заголовкам и первым фразам. Может, что-нибудь новенькое? Хоть какая-то претензия на оригинальность? Нет, оригинальностью здесь и не пахнет. Одно и то же. Сознательные провокации, призванные вывести меня из равновесия.

Если верить сообщениям, я полное дерьмо: не умею снимать, не умею любить, не умею жить, не умею быть скромным и одновременно популярным. И самое главное – нет у меня способностей: так, как я фотографирую, может каждый. В общем, я никто и звать меня никак. Собственно, именно это мне каждый день сообщают девочки-мальчики-тетеньки-дяденьки из всех уголков нашей необъятной родины.

Пусть так.

Допустим, для вас я никто. Тогда какого черта вы ко мне лезете?! Что за странная манера самоутверждаться за чужой счет? Впрочем, если Бог не дал ума, с годами он вряд ли появится. Когда ты споришь с дураком, то сам им становишься.

Однако было время, подобные сообщения меня злили, заставляя ощериваться и защищаться. Я вступал в ненужные беседы, что-то доказывал, пытался объяснить. К счастью, вовремя остановился. Помог мне в этом один человек, с которым я познакомился в Сети. Любопытно, я ни разу его не видел, не знаю, как его зовут в реальности, но доверяю ему безраздельно. Он бережно охраняет свое личное пространство. И я уважаю его право. Все, что мне о нем известно, это ник – Watchman.

– Не тратьте свое время на тех, кто не хочет его тратить на вас, – сказал он мне, когда я в запале вступил в очередную словесную баталию. – Тот, кто хочет вас услышать, услышит. Тот, кто не хочет, останется глух. То, что важно для вас, не всегда имеет значение для других. Самое главное, Саша, это честность перед самим собой. Когда это есть, все остальное неважно.

– Мне бросили вызов, – возражал я, словно новобранец, рвущийся в свой первый (а может, и последний) бой. – И я должен ответить! Иначе...

– Иначе что? – Watchman сразу же включал убийственную иронию. – Что произойдет, если вы, вместо того, чтобы вступать в утомительные

дискуссии, нажмете кнопку «delete»? Как минимум, вы сэкономите собственное время. Запомните, Саша, говорить нужно только с равными себе. Не стоит бежать за человеком только лишь для того, чтобы сказать ему: вы неправы. Не факт, что он вообще хочет с вами разговаривать. К сожалению, у многих вполне банальные цели – причинить вам боль и станцевать джигу на ваших нервах.

– А как вы справляетесь с негативом?

– Спокойно. Я всегда помню о 33 процентах.

– Как это? – заинтересовался я. – Какие 33 процента?

– Если угодно, расскажу. Вы никогда не задавались вопросом, Саша, почему одни люди преуспевают, а другие ходят в неудачниках? Все дело в критике. Разница между преуспевающим человеком и обычным лишь в том, сколько критики они могут воспринять. Обычный человек обижается, начинает что-то доказывать, сердится, раздражается. В общем, тратит свое время на глупости. А зачем? Психологи давно вычислили: 33% людей будут любить вас, невзирая на то, что вы делаете. 33% не будут любить вас, независимо от того, что вы делаете – хорошее или плохое. И 33% людей не будут обращать на вас внимания. Поэтому ваша главная задача, если, конечно, вы хотите добиться успеха, игнорировать те 33%, которым вы никогда не нравились, и сделать все возможное, чтобы убедить 33% безразличных к вам людей присоединиться к тем, которые вас любят. Именно поэтому я спокойно реагирую на критику, точнее не реагирую. Я не отвечаю на нее. Вот и вы не отвечайте.

И тогда я задумался. А действительно, что случится, если я не отвечу? Мир исчезнет, сойдет с ума? Я стану изгоем? Или наоборот, меня занесут в списки самых остроумных и колких людей столетия? Нет, мир останется прежним. И я останусь прежним. Со своими взглядами, убеждениями, чувствами.

И тот, кто позволил себе в отношении меня что-то некрасивое, тоже останется собой.

Так кто выигрывает от этой ситуации? Никто.

А кто проигрывает? Тот, кто ждал определенной реакции, но не получил ее. Бумеранг вернулся, достигнув своей реальной цели. Совершая зло, ты совершаешь его против себя же.

Возможно, человек, не получивший ни слова в ответ, переключится на кого-то другого или будет по-прежнему исходить виртуальной желчью. Но я-то здесь при чем? Виртуальная желчь – не мои проблемы.

Разговор с равными бережет твои нервы.

Наконец, такое общение дарит положительные эмоции, а это, если вдуматься, не так уж и мало.

Впоследствии я научился держать удар, сознательно игнорируя провокации и не замечая оскорблений. Стоит ли опускаться до такого уровня? Я не серебряный рубль, чтобы всем понравиться. Каждому не угодишь, кто-

то все равно останется недовольным. Так что лучше быть самим собой – это единственно верный путь.

С годами число моих недругов (как, впрочем, и поклонников) значительно выросло. Watchman научил меня относиться к ним с уважением:

– Цените друзей – их мало. Цените врагов – их еще меньше. Но выше тех и других цените самого себя. На всех вас может и не хватить. Никому не навязывайтесь и никого не добивайтесь.

Мне очень повезло, когда я познакомился с этим человеком. Впрочем, мне всегда везло. И даже сейчас, оказавшись в цугцванге, я надеюсь, что выкарабкаюсь.

На всех тебя может и не хватить.

... Я снова вспомнил эти слова, наткнувшись на странное письмо. Оно было одним из последних:

«Это только начало, Нежданов. Цветочки.

Ягодки, Нежданов, впереди. Тебя ждет настоящий кошмар. Я сделаю твою жизнь адом! И не спрашивай, за что. Ты знаешь сам. Покопайся в своем прошлом, и ты найдешь ответы на все свои вопросы. Ненавижу!»

И все. Электронный адрес – случайный набор букв и цифр. Бессмысленно отслеживать, откуда пришла весточка, все равно концов не найдешь. Я хотел было удалить письмо, но палец интуитивно замер над кнопкой мыши. Стоп! Не спеши!

Стиль резко отличался от тех пасквилей, которые я получал раньше. В других посланиях автор обходился банальным «сам дурак», здесь же явно прослеживалась обида и реальная ненависть. Кого я мог так задеть?

Да кого угодно! Начиная от Костика, которому в свое время, сам того не желая, перешел профессиональную дорогу, и заканчивая Наташей Минор, которой опять же, сам того не желая, испортил карьеру. И мысли не было, да что там теперь оправдываться... Наверное, если покопаться в собственной биографии, можно найти еще десяток людей, испытывающих ко мне не самые позитивные эмоции. Но так, наверное, бывает у каждого: свои скелетики в шкафу и свой черный список. И ты сам можешь не помнить, кого в свое время разозлил не на шутку.

Я еще раз перечитал анонимное послание.

Но что за дурацкая игра в кошки-мышки? Нет чтобы четко и конкретно высказать свои претензии: «Мол, так и так, Нежданов, в две тысячи каком-то махровом году на гламурной VIP-тусовке ты взял и увел у меня девушку. И несмотря на то, что я даже не помню, как ее зовут, и несмотря на то, что я давно уже женился, растолстел, родил трех симпатичных детишек и сейчас пребываю на грани развода, я все равно не могу тебе простить. Чего? А щас скажу! А простить я тебе, Нежданов, не могу одного, что в две тысячи каком-то махровом году...» И далее по тексту. Так я хотя бы знал, что за проблемы у человека... Худо-бедно вспомнил бы девушку (а может, и не вспомнил бы) и придумал бы, как помочь бедолаге перебороть застарелые

комплексы и воспоминания. ...

А здесь что? Интернетный ребус. Извилины ломаешь, пока поймешь, что от тебя хотят. В конце концов, я же не телепат!

Была бы рядом Веста, мы бы что-нибудь вместе придумали. Как мне ее не хватает! Иногда я даю себе слабину и думаю о том, какими бы мы сейчас стали, если бы не... Но история не терпит сослагательного наклонения. Что случилось, то случилось. Веста приняла решение, и я не стал ее переубеждать. Хотя видит Бог, как мне было тогда больно. Да и сейчас сердце ноет, когда слышу любимые мелодии или улавливаю знакомый аромат духов – тонкий, прозрачный аромат, в котором запах скошенной травы и полевых цветов, нагретых июльским солнцем. Немного солнца, немного моря и очень много нежности, страсти и любви.

Я верю, что в действительности мы любим только раз в жизни, а потом живем притворяясь. Прежде всего перед самими собой. Прошлая любовь со временем тускнет, покрывается пылью воспоминаний, размывается новыми чувствами, обидами, но однажды что-то происходит – и на тебя накатывает... да так, что ни дышать, ни жить, ни умереть...

Если бы кто-то там наверху решил, что моя жизнь ограничена всего лишь несколькими днями, то напоследок я бы хотел увидеть Весту. И спросить: счастлива ли она без меня? Надеюсь услышать «нет», но скорее всего она скажет «да», хотя бы из духа противоречия.

Я отвлекся от меланхолических мыслей и включил аську.

В контакт-листе высветилось знакомое имя. Как вовремя.

Застегнутый Врасплох (7:45)

Доброе утро, Watchman! Что так рано?

Watchman (7:46)

С годами начинаешь по-особенному ценить утренние часы: в них есть своя прелесть. Едва проснувшийся мир невероятно притягателен. И очень добр.

Застегнутый Врасплох (7:47)

Рискую испортить вам благодушное настроение, но мне нужен ваш совет.

Watchman (7:48)

Весь внимание. Рассказывайте.

Вкратце я обрисовал ситуацию. От этого человека у меня секретов не было. Не забыл и про странное письмо, вызвавшее у меня какое-то подсознательное беспокойство. Словно по душе прошлись чем-то липким, скользким и одновременно холодным. Что-то с этим письмом было не так.

Застегнутый Врасплох (8:15)

И что мне делать?

Watchman (8:20)

Прежде всего, не суетиться. Суета – опасный советчик, она туманит разум. Составьте свой список.

Застегнутый Врасплох (8:20)

Список Нежданова?

Watchman (8:23)

Рад, что у вас сохранилось чувство юмора. Значит, не все потеряно. Список – это возможные имена. Те, кому выгодно подставить Разумовского и кому выгодно подставить вас. И сравните. Уверяю, что некоторые имена совпадут. Вот с них и начните свое расследование. Скорей всего, именно в этом – коротком – списке окажется тот, кто вам нужен.

Застегнутый Врасплох (8:25)

Почему вы так думаете?

Watchman (8:30)

Интуиция. Жизненный опыт. Знание правил игры, хотя все вокруг уверяют, что шоу-бизнес живет без правил. Но они есть.

Застегнутый Врасплох (8:32)

И что говорит ваша интуиция?

Watchman (8:33)

Вряд ли это ваш недруг со стороны, скорей всего, это один и тот же человек: тот, кто украл карту памяти, и тот, кто написал вам письмо. Думаю, этот человек поставил себе цель не только дискредитировать Разумовского, но и убрать вас, Саша.

Застегнутый Врасплох (8:34)

Убрать? Но зачем?

Watchman (8:35)

Когда я говорю «убрать», то не имею в виду, что вас хотят убрать физически. К счастью, сейчас не лихие девяностые, когда человеческая жизнь не стоила и гроша. Хотя и сейчас она стоит столь же мало. Расслабьтесь, никто не собирается закатывать вас под асфальт или вывозить в лес с приставленным к виску пистолетом. Все это штампы для сериалов.

Застегнутый Врасплох (8:35)

Но как иначе меня можно убрать?

Watchman (8:41)

Легко! Лишить вас вашей профессиональной репутации. Если шоу-биз что-то и уважает, так это репутацию, Саша. Достаточно того, что после этой истории с вами никто не станет работать. Подмоченная репутация автоматически перенесет вас в черный список. Нет работы, нет контактов, следовательно, нет и Александра Нежданова. И никакого криминала. Живите, но уже вне шоу-бизнеса. Одним ударом наш аноним устраняет двух неприятных ему людей. Письмо – лишнее тому доказательство. К вам у него свои счета.

Застегнутый Врасплох (8:42)

Спасибо за совет. Буду думать.

Watchman (8:42)

Держите меня в курсе. Чем смогу, тем помогу.

Он отключился.

Я достал из кармана куртки смятый лист бумаги – список гостей – и вооружился красной ручкой.

Watchman оказался прав. Не таким уж и большим оказался круг подозреваемых.

Начал я с коллег по цеху.

Как известно, самых больших неприятностей стоит ждать именно от них. Шоу-биз – как большая и бездонная клоака: кто бы сюда ни попал, всех затягивает. Правда, иногда встречаются оазисы, где находишь близких тебе по духу и взглядам людей. Радуетесь, допускаете до себя, но где-то в подкорке все равно свербит мысль: а друг ли это? Стоит ли доверять?

Я не раз обжигался, поэтому со временем выработал удобный алгоритм поведения: я толерантен и приветлив со всеми, пока меня не задевают. Лишнего не болтаю, многого не замечаю, по возможности помогаю. Может, поэтому в тусовке меня считают приятным человеком и отличным профессионалом, с которым стоит иметь дело.

Со Славой, PR-директором крупного агентства, мы познакомились случайно. Я тогда работал в журнале «Леди-Питер» и готовил интервью со звездами. Генеральный директор, помешанный на «энергетике процесса» и «звездном статусе», как-то вызвал меня к себе.

– Нежданов, – сказал директор и указал на меня пальцем, словно в кабинете Неждановых было несколько и он затруднился сделать выбор – какого из моих клонов предпочесть.

Сам он напоминал тучного лысоватого колобка, страдающего одышкой.

Итак, босс произнес мою фамилию и указал на меня пальцем.

– Завтра к нам приезжает Шер!

– Алиса? – ехидно уточнил я.

– Нет, настоящая Шер. Всамделишная. Встретишься с ней, поговоришь о том о сем. Она вроде тетка неплохая. Не откажет тебе. Естественно, надо хорошо попросить. И оденься поприличнее. В костюме там или в смокинге.

Я посмотрел на него как на больного. Какой костюм? Какой смокинг? Где я – и где Шер?

Допустим, об аккредитации еще можно было бы договориться и даже попасть на пресс-конференцию, где есть шанс задать пару-тройку умных вопросов и сделать три десятка удачных кадров. Но интервью? За один день? Нет, он точно больной!

– Что стоишь, Нежданов?! Иди! Трудись!

И я пошел.

За веревкой и мылом. Потому что иного выхода не было. Но по пути свернул к редакционному телефону и позвонил Костику. На тот момент

Костик ходил в мажорах, работая сразу на несколько журналов, исправно снабжая глянцево-страницы разнокалиберными звездными снимками.

– Нежданов, нереально! – сказал Костик, выслушав мою историю.

– Я и сам знаю, что нереально. Делать-то что?

– Топаи к Славе. За пресску она отвечает. Может, сварганишь текст из общих вопросов и ответов. Хотя сам понимаешь, эксклюзив не гарантирую. Журналюги все равно одно и то же напишут. Но если твой шеф дурак, то съест эту тяготию и даже не подавится.

– А если не съест?

– Не съест, будешь искать себе другую работу, – флегматично заметил Костик. – И что самое интересное – найдешь. Пока пипл хавет звезд, мы с тобой, Нежданов, будем в полном денежном эквиваленте. Главное, Саня, в нашем деле – не мешать друг другу.

В его голосе прозвучала угроза. Но я по тогдашней своей наивности ее не уловил. У Костика свои любимые звезды, у меня – свои. Его тянуло к старому поколению, возвращенному на советском фольклоре и комсомольских композиторах. Костика заводило, как быстро звезды, рожденные в СССР, перекалифицировались в европейских артистов. Он часами изучал их райдеры, находя в требованиях только ему понятные несоответствия.

– Ты гляди, Нежданов, – заходил он в ликующем гоготе. – Чего она хочет! Цитирую: «Для встречи в аэропорту должны быть поданы следующие автомашины: машина класса «Лимузин» (разрешен подъезд к трапу самолета), 2 автомашины для сопровождения (первая для личной охраны, вторая для обслуживающего персонала), автобус класса «Мерседес» для коллектива. Если гастроли проходят в городах России или стран СНГ – машины ГАИ для сопровождения».

– Ну и что тут такого? – удивлялся я. – Все вполне пристойно!

– Гаишники – ги-гы! Если бы Кеннеди себе такой райдер отчебучил, то до сих пор бы ходил в американских президентах! Или вот еще... Как тебе это нравится? «В спальне темные шторы, под шторами обязательно завесить черным толстым пледом. Должно быть ощущение темной ночи в любое время суток».

– Костик, угомонись! Когда ты достигнешь такого уровня, то тоже сможешь требовать себе все, что угодно!

– А у меня простые требования, Нежданов: выпить и закусить. Выпить водки, закусить кильками в томатном соусе. Ну и бабу на ночь. Натуральную блондинку.

– Простенько...

– Нет, ты все-таки лох, Нежданов! Допустим, водку они купят. Кильки тоже не проблема. Но где они найдут натуральную блондинку? Блондинки же вымерли!

– Костя!

– Погоди, Нежданов, это еще не все... Слухай сюды: «Первая комната

для артиста должна быть достаточно просторной и оборудована зеркалом в полный рост, косметическим столом с зеркалами, подсветкой, диваном и двумя креслами, обеденным столом, покрытым белой скатертью, четырьмя удобными стульями, шкафом для одежды, рассчитанным как минимум на 20 костюмов, отдельным туалетом с умывальником, цветами (розами, гвоздиками, сиренью, хризантемами), минеральной водой без газа и свежесжатым апельсиновым соком». Ёпрст! Хочу быть звездой! И чтобы мне сирень зимой в умывальном тазу подавали! Фиг с ними, с кильками.

– А вторая комната для чего? – энтузиазм Костика был заразителен.

– Ах да, вторая комната... Стоп! – он лихорадочно шуршал бумажками. – А, вот, нашел! Вторая комната служит звезде гардеробом... Круто, да?

– Неплохо.

– Но самое интересное начинается перед концертом. Звезда требует организовать «фэйс-контроль» и настаивает на присутствии на сцене «хотя бы трех вменяемых и абсолютно трезвых работников». Это как? Они либо вменяемые, либо абсолютно трезвые. Третьего не дано! Трезвые на сцене? Это что-то новенькое. Надо выпить!

Но когда Костя забывал про звездные райдеры, он становился вполне нормальным собеседником и мог дать дельный совет. Такой, например, как пойти на поклон к Славе.

...

Легко сказать – топай к Славе и проси о помощи. В руках этой сексапильной миниатюрной брюнетки были главные ниточки, ведущие к звездам. Вне зависимости от того, где эти звезды проживали: в России или за рубежом. Аккредитацию Слава делала не всем, и в этом была совершенно права.

– Ну, придут сто пять журналистских корочек, – говорила она мне потом. – Ну, зададут положенное количество вопросов, а потом эксклюзивная информация выйдет на какой-нибудь тьмутараканьей подтирке. И меня же в эту подтирку носом и тыкнул: мол, где была, почему проглядела, почему все переверали? Где гламур, в конце концов?! И что я скажу? А ничего не скажу! Потому что сказать будет нечего. Поэтому, sorry, друзья дорогие! Чтобы попасть на аккредитацию, вам придется постараться...

– В чем?

– В доказательстве того, что вы готовы к долгому и плодотворному сотрудничеству.

– И в чем оно заключается?

– В бартерных отношениях, Саша. Весь мир держится на бартерных отношениях. Сделаешь хорошо мне, и я к тебе в ответ отнесусь со всей душой. Нагадишь – сам дурак. Нужные двери перед тобой закроются. Многие думают, что шоу-бизнес – это увлекательная игра. И ошибаются. Шоу-бизнес

– жесткая система. Пусть не всегда четкая, понятная и удобная, но система. И действовать в ней надо по определенным правилам, в заранее оговоренных рамках.

– И какие в шоу-бизе рамки?

Она тяжело вздохнула и спросила:

– Нежданов, ты когда-нибудь в Индии был?

– Был. Три раза. Гоа, Дели, Калькутта.

– И что скажешь?

– Жарко, грязно, интересно. Люди прикольные. И коровы забавные. Священные.

– Вот ты все сам и сформулировал. Шоу-бизнес – как Индия. В нем тоже есть касты. И есть свои священные коровы, которых трогать нельзя. Тронешь – считай себя покойником. Самое неприятное заключается в том, что коровы прекрасно знают, что их трогать нельзя. И наглей просто на глазах. Есть и змеи... Впрочем, змеи везде есть. Есть тигры и обезьяны. А еще есть люди. Самых разных сословий. И твоя задача, Нежданов, доказать остальным, что твое сословие правильное.

Она нервно закурила, поглядывая на свой золотой Vertu.

– Если попадаешь не в ту касту, с тобой никто не станет иметь дело. Ты пустое место, зеро. Был и вышел. Так что в шоу-бизнесе у тебя нет другого выхода: нужно карабкаться в самую высшую касту. Попал туда – ты счастливчик. Ты вытянул свой лотерейный билет.

– Со сроком годности, – добавил я.

Слава помрачнела.

– Да, со сроком годности, а как ты хотел?! Закон джунглей. Если не съешь сам, сожрут тебя. А ты хочешь быть сожранным? Правильно, Нежданов, никто не хочет.

Под глазами у Славы залегли черные тени. Их не смог скрыть даже самый дорогой тональный крем. Тогда я не знал, что тема шоу-биза для нее очень болезненная. История, в общем-то, была банальной. Юная провинциальная девочка приехала покорять Москву и чуть ли не с площади трех вокзалов попала в продюсерский центр. Как – это отдельная история, и она к делу не относится. В центре девушка повстречала звезду эстрады Стефана. И влюбилась в него по самую маковку. В Стефана все влюблялись – вне зависимости от пола и возраста. Красив был чертовски и сексуален. Не сексапильный, а именно сексуален. Как говорят в Одессе – «почувствуйте разницу». Секс был в каждом его движении, слове, улыбке... Камера его просто обожала. Клипы получались невероятными. В общем, не прошло и полугода, как на Стефана обрушилась невероятная, всепоглощающая слава. Бесконечный чes, гастролы, стадионы, толпы поклонниц, кокс, выпивка, деньги. Много денег. И ощущение того, что такая жизнь будет всегда. А значит, можно расслабиться и постараться получить от нее максимально возможное удовольствие.

Вот Стефан и расслаблялся, устраивая одну вечеринку за другой. В прес-се то и дело мелькали сомнительные фотографии, но Стефан был уверен: публика любит его настолько, что готова простить ему все и даже больше.

Смешно, но он не устоял перед Славой. Наивная девочка с восторженными глазами олененка произвела на пресыщенного певца неизгладимое впечатление. При первой встрече Слава сказала: «Вы очень несчастны, и мне от этого больно». Какой мужчина устоит, услышав столь безыскусное признание в любви? Последовал головокружительный роман. Слава переехала в роскошный особняк и стала официальной любовницей, а по совместительству – пресс-секретарем певца Стефана.

Новые связи, новые возможности, любовь, заполнившая дни и ночи, – о таком можно было только мечтать. Однако и сказки бывают разными. В реальной жизни Стефан оказался склочным, капризным и очень комплексующим типом. Слава же идеально подходила на роль девочки для битья. В прямом и переносном смысле.

После трех отвратительных скандалов Стефана прекратили приглашать на телевидение, количество концертов резко снизилось, даже для корпоративов он оказался недостаточно хорош: «Много пьет, мало поет, а понтов... В общем, не по таланту выё...». Слава, как могла, микшировала ситуации, но пристроить вечно пьяно-похмельного, а потому и агрессивного Стефана ей становилось все труднее.

Они выехали из особняка (аренда оказалась не по карману) и поселились в небольшой двухкомнатной квартире. «Новоселье» Стефан воспринял как еще один удар и обвинил во всем Славу.

– Ты сглазила меня! Это ты во всем виновата. Недаром тебя Славой зовут. Пришла и отняла ее у меня.

– Кого?

– Мою славу. Популярность. Раньше мне проходу не давали, а теперь никто не узнает!

– Ты бы поменьше пил и на коксе не сидел, – возражала Слава. – Глядишь, и цвет лица бы изменился... Да и килограммов пять тебе бы не помешало сбросить...

Разговоры в пользу бедных. Меняется только тот, кто хочет измениться.

Стефан медленно, но верно продвигался к касте неприкасаемых.

Славу же, напротив, заметили и дали зеленый свет. Произошло это до одурения просто и банально. На одном из сборных концертов, куда по старинке звали Стефана, Слава оказалась рядом с Примадонной. Та была не в духе, но девушке удалось рассмешить приму импровизированным комплиментом – дерзким и смелым. Примадонна вальяжно потрепала Славу по щеке:

– Хорошая девочка.

Этого оказалось достаточно, чтобы через пару дней Славу пригласили в ведущее PR-агентство. Поначалу девушка совмещала новую работу и

сценическое продвижение любовника. Но в какой-то момент руководство поставило ее перед выбором – либо она бросает Стефана, либо уходит из агентства.

На одной чаше весов был «Титаник» по имени Стефан, на другой – карьера и перспективы. На одной – агонизирующая любовь, на другой – вера в то, что счастье есть и его не может не быть. Слава мучилась несколько дней.

Однако Стефан сам подтолкнул ее к решению. Как-то вечером трудно-го дня Слава вернулась домой. И застала довольно анекдотическую сцену – пьяный Стефан и рыхлая блондинка с наивным вопросом: «А ты кто такая?»

Истории любви, как и любые другие истории, рано или поздно заканчиваются. Очень редко – хеппи-эндом («Они жили долго и счастливо и умерли в один день»), чаще – банальным «Не сошлись характером», и еще чаще – «Извини, дорогая, это совсем не то, о чем ты подумала!» Но каковы бы ни были слова, результат все равно один – расставание.

Слава просидела ночь на кухне, куря одну сигарету за другой. Чуть позже, в минуту откровения она призналась:

– Я уговаривала себя забыть обо всем: не было ничего, мне привиделось. Но логика не работала, а когда под утро они по пьяни стали заниматься сексом, меня и вовсе замутило. Я поняла, что не существую для этого человека: есть я, нет меня – ему все равно. Он давно уже живет в своем собственном извращенном мире. И этот мир на грани катастрофы. Если я останусь, то тоже погибну. А я жить хочу! Да и зачем пытаться сохранить отношения, которые никому не нужны?!

В семь утра на кухне появился похмельный Стефан и равнодушно спросил:

– Кофе нам сварить? Раз уж ты здесь. Хельга просит.

Слава поняла, что Хельга – это новая пассия Стефана.

– Я уйду, – сказала Слава.

– Куда? – он, похоже, удивился. – В магазин? У нас разве закончился кофе?

– Я уйду от тебя.

– Куда? – он тупо повторил вопрос.

– Неважно куда, главное, что от тебя.

В этот же миг ей в лицо полетела табуретка. Слава по чистой случайности успела увернуться.

– Тварь! Ненавижу тебя! – бесновался он с пеной у рта. – Ты разрушила мою жизнь.

«А я сидела, смотрела на него и физически ощущала, как во мне умирает любовь. И этому человеку я посвятила несколько лет своей жизни?»

Стефан не простил предательства. Вместе с вещами он вышвырнул и Славу. Но, судя по всему, вместе с ней от него ушло и желание жить.

Почувствовав, что деньги закончились, исчезла Хельга. В квартире Стефана все чаще появлялись сомнительные друзья и приятели. Через месяц последовала передозировка, потом еще одна, после третьей его не сумели откачать. А может быть, и не пытались. К тому моменту красавчик, которому судьба дала все, кроме терпения и мозгов, стал живым трупом.

Хоронили его с помпой. Слава на кладбище и отпевание не пришла. Зато была Хельга, назвавшаяся гражданской женой певца. Было много передач разного толка и споров о наследстве. Славе пришлось пережить немало неприятных минут: в прессе ее называли черным демоном, погубившим незаурядный талант. Слава молчала, не опускаясь до комментариев, и понемногу все стихло, забылось. Вот только на душе, видимо, остались глубокие шрамы.

Замуж Слава так и не вышла. К моменту нашей первой встречи она разменяла четвертый десяток, стала жесткой и циничной. Поговаривали, что многие из новых звезд были бы не против закрутить с ней роман, но Слава зареклась: на своей территории она больше «не гадила».

– Ты все еще хочешь в шоу-бизнес, Нежданов? – прервала она тогда мои размышления. – Тогда старайся. Как стараются все эти мальчики и девочки. И не ради меня и себя, а ради всего шоу-бизнеса. И тогда вам всем воздастся!

И ведь старались. Ничто не дается так дорого и тяжело, как собственная репутация. Сначала ты работаешь на имя, потом имя работает на тебя. И если ты гарантируешь, что сделаешь хороший и качественный материал, то выдать стопроцентную халтуру уже не имеешь права. Второго шанса тебе никто не даст.

Тот, кто знал и принимал правила закулисной игры, ходил у Славы в любимчиках. Вот им она всегда в первую очередь сбрасывала ценную информацию, приглашала на закрытые вечеринки и приманивала прочими приятными бонусами. В шоу-бизе ведь как? Кто первым получил информацию, тот и в выигрыше.

Тем же, кто был туп на голову, приходилось сложнее. Аккредитовывала их Слава долго, нудно, со скрипом. Доступ к звездным телам ограничивала. На концерты проходки не давала, в общем, ставила палки в колеса как могла.

Я на тот момент не принадлежал ни к тем, ни к другим. От журнала Russian Stars получил корочки, побывал на нескольких прессках, отписался, как положено, сказал при случае пару комплиментов Славе. И все. Чтобы получить возможность задать Шер не два, а пятнадцать вопросов, этого было мало.

Плюнув на все, я поехал на пресс-конференцию. Хотелось верить в чудо. По дороге я думал, чем можно поразить диву, у которой все есть. Цветы? Банально. Плюшевые звери? Еще банальнее. Шелковое атласное сердце? Фу, какая пошлость.

От расстройства чувств я включил плеер.

Не по дням, а по колодам лет,

Я пробираюсь к тебе.

Ползу по спирали и след твой теряю

В ритмах минувших побед.

А мне бы хотелось петь jazz,

Мне бы хотелось петь jazz

В руках твоих!

Дай мне шанс, дай мне шанс...

Как всегда, музыка «Ночных снайперов» меня вдохновила. На мгновение я забыл про сумрак города, его свинцовую тяжесть и слякоть. Стало светло и тепло. Вот и найдено решение. Я был уверен, что против этого Шер не устоит, и я получу то самое, столь важное для меня интервью.

Оставалось только воплотить эту гениальную идею в жизнь.

...

Мое появление на пресс-конференции произвело настоящий фурор.

– Нежданов, ты спятил?

– Нежданов, у тебя день рождения?

– Нежданов, ты ничего не перепутал? Здесь не Макдоналдс. Здесь пресс-конференция.

– Нежданов, ну ты даешь!

Слава сидела рядом с Шер. При виде меня она, казалось, даже не удивилась, только дрогнули уголки губ. Она явно наслаждалась ситуацией и откровенной растерянностью поп-звезды.

Я шел по проходу и держал в руке большой воздушный шарик. С каким-то смешным зайчиком на красном глянцевого боку. Наполненный гелием, шарик гордо парил над головами, словно красное знамя.

Все смотрели на меня. Я – только на Шер.

– Это вам.

Поп-дива недоверчиво посмотрела на подарок. В этот момент она напоминала маленькую девочку, мечта которой вот-вот исполнится.

– Мне?

– Вам! From Russia with love!

Она нерешительно протянула руку и взяла неожиданный презент. В зале воцарилась тишина.

Шер улыбнулась:

– Все русские – сумасшедшие!

И в этот момент я понял, что сорвал свой джекпот.

Слава изучающе смотрела на меня: «Пожалуй, ты далеко пойдешь, Нежданов. С тобой можно иметь дело».

С этого дня мы подружились.

Дружить с женщиной можно только в трех случаях:

- 1) когда испытываешь к ней легкое сексуальное влечение, но на данный момент не собираешься начинать новый роман;
- 2) когда сексуальное влечение прошло, вы расстались, у каждого наладилась личная жизнь;
- 3) тогда, когда не испытываешь к ней никакого сексуального влечения.

Во всех трех случаях гарантированы ровные, хорошие и почти искренние отношения.

Наши отношения со Славой можно было охарактеризовать строчкой из цветаевского стихотворения: «Мне нравится, что вы больны не мной». Такая ситуация устраивала нас обоих: никаких тебе двусмысленностей, надрыва, смутного желания, от которого испытываешь неловкость. Все просто и понятно.

В последнее время Славу тянуло на девушек. Хотя что тут удивляться? Вполне нормальное явление для нашего времени. Как-то за второй «Кровавой Мэри» Слава призналась:

– Достойных мужиков, Санька, становится меньше. Либо они гомосексуалисты, либо безнадежно женаты, либо влюблены в кого-то другого, либо импотенты, либо алкоголики или садисты. Выбор небогатый. Я вообще не понимаю, куда этот мир катится? Как жить? И главное, с кем? Геи мимо, женатые – тоже, чужого мне не надо. Хватит – накушалась. Чужое всегда приходится отдавать. Что такое жить с импотентом, алкоголиком и садистом, я уже знаю.

– И что делать?

– А что делать? Любовью заниматься с себе подобными. Баб по статистике больше, а одиноких и подавно. Что же нам, красивым, скучать в одиночестве? Зачем?! К тому же женщине не надо объяснять, что такое ПМС, целлюлит и чем чулки лучше колготок.

– Про последнее и мы знаем, – пошутил я.

– Зато вы про другое не знаете. Почему мы в одну минуту плачем, а в другую уже хохочем.

– Нашла секрет Полишинеля! Нервишки у вас пошаливают!

Она рассмеялась:

– Типично мужской взгляд на проблему. Ну и как с вами жить? Вы же толстокожие.

В шоу-бизе вообще намного проще в вопросе гомосексуальных отношений. Секс здесь такая же расходная монета, как и протекция. Люди расплачиваются телом, как банковской карточкой. Постоянные стрессы, желание поймать новый адреналин делают сексуальные отношения максимально удобными для обеих сторон. Люди встречаются, выпивают, занимаются сексом, снимают на видео и делают на этом пиар. И после того как

домашнее видео появляется в Интернете, делятся подробностями:

«Она самая горячая девушка из тех, что я встречал. Настоящая секс-бомба. Такие женщины встречаются, возможно, раз в жизни. Ее сексуальная энергия подчиняет полностью. Вряд ли есть мужчина, способный остаться праведником рядом с ней. От нее просто рвет башню...»

«Он просто супер, когда делает это... Вообще-то, мы хотели снять клип, но очень увлеклись сюжетом. На практике это вышло совершенно бесподобно. Я в полном восторге!»

«После того как видео появилось в Интернете, у меня телефон разрывается от звонков. Слава Богу, что моя мама (папа, тетя, дядя, дедушка, бабушка, жена, любовница) ничего не видели. Хотя не могу сказать, что мне стыдно. Что естественно, то не безобразно. Но теперь я буду осторожнее. Хорошо еще, что вторая часть пленки не стала общедоступной: она в целости и сохранности лежит у меня дома (в гостиной, на второй полке слева, ключ от двери под ковриком). То, что записано на ней, гораздо откровеннее. Скажу честно, это был первый эксперимент, когда я записал это на видео, теперь, наверное, этого делать больше не буду...»

После таких откровений только ленивый не зайдет на нужную интернет-страничку и не скачает скандальный ролик. Правда, в реальности окажется, что самые пикантные сцены из видео вырезаны, а сама картинка напоминает легкую эротику, по сравнению с которой даже старушка Эммануэль – порнозвезда.

Секс – хороший товар, и за него дают хорошую цену. При условии, конечно, что ты звезда и пользуешься спросом. Помнится, я как-то снимал новогодний концерт в Кремле и за кулисами увидел восходящую звездочку из какой-то девичьей группы – то ли «Заколки», то ли «Катушки», неважно – все равно через полгода этой группы не стало. Но тогда девчушка плакала горячими слезами. Я подошел и спросил, в чем дело.

– У меня... это... низкая продажность, – сообщила она сквозь рев. – Меня в русский «Плейбой» не берут. Сказали, что все равно со мной спать никто не хочет. Зачем деньги на этот... как его... промоушн тратить?! А я хочу, чтобы на мое тело реагировали!

Если ты сексуален, то ты успешен. Если ты успешен, то ты сексуален. Огромные деньги вкладываются не в здоровье как таковое, а во внешний вид, в оболочку. Тело должно быть стройным, подтянутым, загорелым. Если где-то есть что-то лишнее – это лишнее можно отрезать. Если, наоборот, чего-то не хватает – снова поможет пластическая хирургия. Пипл не просто должен хавать, он должен тебя хотеть!

А для себя лично можно попробовать и кое-что пикантное. Некоторые, как известно, любят погорячее. Я давно пришел к выводу, что так называемые «нестандартные» отношения давно уже стали стандартными. Какая разница, с кем ты спишь и с кем живешь?! Тебе хорошо? Ну так радуйся, что тебе хорошо! Только не надо рассказывать каждому встречному о своей

сексуальной ориентации. Кто-то не поймет и осудит, кто-то позавидует, а кто-то и сглазит. Счастье не терпит посторонних глаз.

В последнее время в квартире Славы жила Марина, президент фан-клуба певицы Лилитты. Именно она и сняла трубку.

– В семь утра Слава подорвалась, – зевнула Марина. – Сначала фитнес. Потом встречи. Сейчас уже в офисе должна быть. Попробуй там ее найти.

– А ты чего не подрываешься? Фитнес не нужен?

– Фитнес – вчера был, у нас со Славой разделение по дням. Раньше обе ходили в один день. Потом стали лениться. А сейчас то я ее, то она меня подгоняет.

– Надо мне с вас пример брать, а то что-то я про свой абонемент в World Class совсем позабыл.

– Тонус лишним не бывает, – она снова сладко зевнула, вызвав зависть: я уже в кои-то веки на ногах, а кто-то еще спит без задних ног.

– Ты случайно не в курсе – что-нибудь интересное намечается?

– Случайно в курсе. Фил презентует новую программу, Сергей Экссмешев сегодня вечеринку устраивает, тоже новый альбом вышел. И у него день рождения. Если ты помнишь, Лилитта новый проект скоро начнет вести на НТВ. Реклама будет – ого-го! Такого еще не было. Ждем грандиозного скандала!

– Не приоткроешь завесу тайны?

– Ну... – Марина помялась. – Ты помнишь, в каком виде Еву изгнали из рая?

– В костюме Евы ее изгнали.

– Правильно! Именно в таком костюме и Лилитта откроет новый телевизионный сезон.

– Ничего себе! Как она решилась?!

Марина засмеялась:

– Ты Лилитту не знаешь? Она же без комплексов! А что касается Славы, то поезжай в офис. Она там.

Собственно, я и так собирался. Офис Славы находился по пути в мою студию. Небольшой крюк погоды не сделает. Тем более, по пути можно было решить несколько организационных вопросов.

10.30–13.30

Что бы мне ни говорили, но московский ритм существенно отличается от ритма других городов. Время здесь словно сжимается, чтобы ближе к вечеру выстрелить сжатой пружиной.

Мне вообще иногда кажется, что в московских сутках не двадцать четыре часа, а все тридцать шесть. В этом городе я успеваю сделать намного больше, чем в Питере.

Питер настраивает на неторопливость, созерцательность, Москва же наоборот прессует: «Скорей, скорей, скорей». И ты несешься, не понимая, куда и зачем.

В данный момент я несся в новеньком «ниссане». К счастью, не моем. Я давно бы мог купить машину и не раз подумывал об этом, но со временем отказался от столь соблазнительной идеи. Сидеть за рулем, простаивая часами в пробках, – это не для меня. В Москве можно тормознуть любую тачку, чтобы без проблем попасть из точки А в точку Б. И это будет намного дешевле, чем бензин и ремонт. А как же понты? – спросите вы меня. Понты, конечно, важны. Но смотря какие.

Я быстро понял, что ничто так не ценится в звездной тусовке, как сознательная беспонтовость. То есть ты понтишь уже тем, что у тебя нет понтов. Казуистика? А шоу-бизнес и есть казуистика. И еще софистика. За считанные секунды тебе докажут, что черное – это белое. А белое – это черное. Если же ты заикнешься, что есть и промежуточный оттенок, скажем, серый или серо-буро-малиновый в крапинку, тебе в считанные разы выдадут расклад: нет такого оттенка, есть белое или черное. В зависимости от той ситуации, которая наиболее удобна на данный момент.

Так что не иметь машину – это понт. Понт – иметь машину, но не уметь водить. Недавно крупная автомобильная компания стала спонсором очередного бродвейского мюзикла, но уже в российской постановке. На главную роль пригласили звезду театра и кино Катю Лебедеву. Естественно, компания презентовала ей в качестве дорогого подарка новенький автомобиль, по стоимости равный однокомнатной квартире в Москве. Не в самом центре, конечно, но и не на задворках Ленинградской области. В процессе торжественного награждения и сопутствующих пиар-мероприятий выяснилось, что Катя не умеет водить машину. Нет, машина у нее есть, но за рулем сидит наемный водитель. Проблемы не возникло, даже из такого казуса сделали ход – мол, теперь Катя дала торжественное обещание, что получит права и сама сядет за руль. Суть не в этом, суть в том, что такой расклад тоже хороший понт.

Когда-нибудь и у меня будет свой водитель. А пока... Пока что я ехал в чужой тачке и не чувствовал себя при этом тусовочно-ущербным. Don't worry, be happy!

Водитель «ниссана» оказался музыкально продвинутым товарищем с весьма недурным вкусом. Под последний альбом Швепса мы пересекли Садовое кольцо. Он с интересом прислушивался к моему разговору:

– Где будет съемка? Дома? Сколько времени? И кого? Рудовскую? Яну? Давай на завтра. В середине дня. Нет, в пятницу не могу, в пятницу «Фабрика». Там кастинг идет. Не поверишь, кто будет продюсером. Даю три попытки. Нет, не Марецкий. Нет, не Понтовый. Ты чего, он же уже был. Ну? Ай, молодец! В самое яблочко! А кто, как не он. Какие еще планы? Завтра вечером пресска и концерт в «Метелице». Подробности сейчас у Славы узнаю. Все,

договорились, встретимся там.

Я нажал «отбой». Водила уважительно оценил мою камеру:

– Папарацци?

– Он самый, – я мысленно планировал день, предчувствуя возможный цейтнот.

– То есть звезд снимаешь? – он перешел на «ты», я не стал поправлять.

«Ты» так «ты». Мне без разницы. А человеку приятно.

– А АБ видел?

Ну вот, начинается. Сейчас пойдем по списку звезд.

– Видел.

– Круто! А какая она?

– Такая же, как в телевизоре.

– Рыжая и в короткой юбке? Обалдеть! – мой рейтинг в его глазах рос стремительно, как индекс Доу Джонса. – А Кристину?

– Видел.

– Ничего себе, у людей жизнь. А Ксению Нунчак?

– Видел.

– Везет же тебе, парень. Таких женщин каждый день наблюдаешь. А я только жену и любовницу. Скуотища!

Я изобразил сочувствие.

– Значит, ты всех звезд знаешь, так? – мы влились в новый транспортный поток и застряли на светофоре.

– Не всех, но многих.

– И что, они тебе даже морду не бьют?

– А зачем?

– Ну как же, положено. Я в газете читал: если ты папарацци, тебе морду бьют. Или по яйцам. Че ты морщишься – больно же! И камеру топчут. Вон Тритни Шприц на фотографа набросилась, или эта... как там ее... Миллионерша... Она еще, как отель, называется. А, Перис Клинтон. Вот как. Она, парень, тоже дерется. И кусается.

– Не кусается. Мне она автограф дала.

– Да ну?!

– Я ей руку поцеловал. А она – автограф.

– Везет же, – с непонятной тоской протянул парень. – Таких девах целуешь. А у меня только жена и любовница.

– Зато у тебя машина есть, – попробовал я утешить.

– Ну и что? Кого сегодня этим удивишь?! А так, представляешь, прихожу я в баню к мужикам, а со мной Перис. В полотенце. Ляпота.

– Так ее в полотенце никто не узнает!

– Почему? – он искренне удивился.

– Потому что, если с нее смыть косметику и снять гламурные шмотки, она будет совсем как твоя жена или как твоя любовница. Ты ведь и в журналах ее узнаешь только потому, что на фотках написано – «Перис Клинтон

идет в магазин» или «Перис Клинтон идет в баню».

– Я ее по собачке узнаю, – сказал после некоторого раздумья водила. Однако мысль, что жена и любовница могут составить внучке миллиардера конкуренцию, его заметно вдохновила. – Собачка у нее прикольная.

– Собачки у всех прикольные. В основном йоркширы.

– Это лохматые и маленькие такие, – обрадовался он. – С хвостиками на голове?

– Если завяжешь, будет и хвостик. Вот у Ксении Родиной есть, у Юлии Качаловой, у Светланы Атлетиковой... Вторая по популярности порода – мальтийский шпиц.

– Слушай, а правда, что у Сахарозы – доберман?

– Правда.

– Во дает! – и было непонятно, кому обращено это восхищение – певице Сахарозе или ее псу.

Так в разговорах и доехали.

От денег парень наотрез отказался: дескать, еще ни разу не подвозил человека, который взаправду видел саму АБ. Вместо фотографии Клинтон я вручил ему фото Кристины Отбирайте. Водила с трепетом закрепил ее на лобовом стекле. Кристина смотрела прямо в глаза – томно и соблазнительно. Я помнил эту съемку, она тогда была в хорошем настроении, и мы отсняли весь материал за считано короткие сроки. Получилось действительно хорошо – я гордился своей работой.

«Ниссан» дал по газам и умчался. Мне почему-то стало грустно. Где-то в глубине души поселилось сомнение, что в ближайшие дни двум женщинам в столице – жене и любовнице – ничего не светит. Да и мужикам в бане тоже... В общем, как в том самом анекдоте: «Мы его теряем, теряем мы его... расслабьтесь, мы его уже потеряли».

А может, это не так уж и плохо? Жить самой обычной жизнью и мечтать о красивой и недоступной женщине, которая поет? Представлять, что именно ты мог бы сделать ее самой счастливой, но... сама понимаешь, работа, дом, жена, подруга... Где уж тут найти время и силы на счастье.

А мечты можно оставить на потом, включить музыку и услышать чарующий голос, обещающий надежду и обыкновенное чудо. Которое, конечно же, не произойдет. Но помечать-то можно.

Впрочем, я не прав. Иногда чудеса сбываются. Взять, к примеру, Лилитту. Когда она развелась с Сашей Цементкало, все ждали, что карьере яркой и шепутной Лилитты придет конец. Как бы не так! Харизма она и есть харизма. Харизму купить невозможно, она либо есть, либо нет. Лилитта записала два удачных альбома и подписала контракт с Первым каналом. Шоу за считанные недели стало популярным. И дело даже не в скандальных темах, которые Лилитта не боялась обсуждать, не в ее откровенных нарядах, подчеркивающих все телесные впуклости и выпуклости, дело было в ее невероятной энергетике и уверенности, что у хороших людей все рано или

поздно будет хорошо. И ей верили. Сразу же и безоговорочно.

Черт, чуть не забыл. Сегодня же съемка в три часа. Один день из жизни теледивы. На прошлой неделе я снял Лилитту в SPA-салоне и дома, теперь остались эфирные съемки. Концертные у меня уже есть. В редакции все удачно скомпануют, то, что не надо, сгладят в фотошопе, и даже самый придирчивый зритель не заметит, что на одних снимках Лилитта моложе на год. Женская красота переменчива, как погода: сегодня в душе царит зима, а завтра весна.

Время года – зима. Ты меня проглядел.

Ты меня, как нон-стоп, просмотрел, как кино, во сне.

Возвращаюсь домой. Начинаю курить.

Сигаретным стволом поджигаю любовь.

Начинаю цедить южные коньяки

И палю по любви виноградным огнем.

Мне всегда было больно от этой песни, она рождала мысли о недосказанности в отношениях. Словно что-то еще очень важное должно произойти.

Повинуясь внезапному душевному порыву, я набрал глупое и бессмысленное sms Весте: «Привет. Это я. Как ты? Почему-то скучаю».

На минуту замедлил шаг. А вдруг ответит. Телефон молчал. Стало обидно за собственную нетерпеливость. Сколько раз себе говорил, что прежде чем что-то сделать, остановись и подумай. Но чувства и логика – вещи несовместимые.

Ладно, не хочет отвечать, и не надо. Еще одна заноза в сердце. Одно хорошо, что за всеми этими мыслями даже забыл, что вскоре меня должны вроде как убить. Как там в песне поется? «Я слишком много знаю. Меня должны убить». Как-то так. За одним лишь исключением – я ничего не знаю, и именно поэтому меня должны убить.

...

Еще древние римляне открыли для человечества одну важную вещь: сначала массам нужен хлеб, а после хлеба народ непременно потребует зрелищ. Спустя пару тысячелетий эта вечная «двойка» стала «тройкой»: до людей дошло, что зрелища должны быть грамотно спланированы и подготовлены, чтобы у сытой массы не оставалось ощущения обмана и того, что им всучили второй сорт. Так появился PR. Впрочем, я не претендую на истину в последней инстанции. Просто опыт работы в шоу-бизе меня давно научил: без грамотной пиар-кампании вы не получите никакого результата.

Беда в том, что PR как таковой появился в России лет двадцать назад. Один мой приятель, который сейчас учится на факультете журналистики, с гордостью говорит: «Я родился в тот год, когда в России появился PR». Так что все эффективные ходы проверялись методом проб и ошибок. Как-то незаметно появилось и отдельное направление – celebrity-маркетинг, то

есть вовлечение знаменитости в рекламную или PR-кампанию. Вроде ничего сложного, все на поверхности, но как же долго мы до этого доходили своим умом. А ведь на Западе celebrity-маркетинг один из самых дорогих и самых старых форматов рекламы товара.

Я был удивлен, когда узнал, что даже старик Гете поддался на этот трюк и согласился, чтобы его портрет штамповали (в условиях того времени, разумеется) на курительных трубках и кофейных чашках. Правда, поговаривают, что гонорар у поэта был так себе, не то что у Олега Большикова за рекламу наручных часов. На мой взгляд, дело не в Гете, а в том, что горе-рекламисты не до конца докрутили фишку – надо было штамповать Гете в образе Мефистофеля. Кружки и трубки расходились бы, как горячие пирожки. И старику опять же радость: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Я объездил 55 стран за последние 4 года. И поражаюсь, как грамотно и эффективно в Европе работает celebrity-маркетинг. Оно и понятно: пипл принимает решение о покупках, прислушиваясь к лидерам мнений. А лидерами мнений в большинстве стран являются звезды. У нас-то и подавно. В общем, пока западные компании нанимали звезд, чтобы повысить продажи и рейтинг, добиться создания лояльного образа бренда и прочая, прочая, наши додумались до другого. Мы, ребята, пошли дальше. Мы создали еще один подвид celebrity-маркетинга, который работает на другого селебрити.

Сложно? Непонятно? Между тем это совершенно гениально. Такое может быть только в России. Чтобы пояснить свою мысль, расскажу историю, которую на какой-то вечеринке мне рассказал пьяный бизнесмен. Как он попал на закрытую вечеринку, могу только догадываться. Подозреваю, что как раз он и был ее организатором.

Итак...

– Решил, значит, отпраздновать Новый год культурно. Не просто, чтобы бухать, а чтобы на утро вспомнить – с кем, когда и по какому поводу. Пошел, значит, на премьеру фильма. Типа «Ирония» или «Дозор», какая разница. Посмотрел. Ни хрена не понял. Ушел в буфет. А буфет ха-ро-ший! Душевный! И люди там веселые. Сижу, значит, глушу вискарь. Подходят две телки.... Ну, типа, туда-сюда: налили-выпили... Общаемся. Время от времени угораем. Вдруг подходит к нам девочка. Говорит: мол, можно ваш автограф? Я в полном угаре.... Смотрю, одна из подруг пишет: мол, типа Вампира... Второй оказалась Лената Ритвинова. Угар, но такие простые!

Вот вам celebrity-маркетинг «два в одном» в чистом его виде. Так сказать, неразбавленном. Кто кого пиарил? Непонятно! Но дивиденды получили обе.

Как только наши звезды сообразили, что можно пиариться за счет других звезд, началось. Тут-то и агентство Славы подоспело, которое хлебом ни корми – дай только придумать тех самых зрелищ.

Неделю назад Слава рассказывала, что с их легкой руки звезды стали

появляться на публике без нижнего белья. Нет, без нижнего белья они появлялись и раньше: видимо, лавры Шэрон Стоун покоя не дают многим. Фишка в том, что без трусов теперь звезды появляются в паре – девочка и мальчик, мальчик и мальчик, девочка и девочка. У кого какой celebrity-маркетинг. И пусть публика мучается: какие отношения связывают эту пару – любовные, дружеские, на грани флирта. Или же они просто страдают склерозом... Или денег нет. Людская фантазия – богата. Недавно бродил по супермаркету, раздумывая, что бы купить на ужин, и услышал разговор двух тетушек:

– А я тебе говорю, сама слышала! Муж Маши Развратутиной запрещает ей носить нижнее белье. Говорит, что его это... возбуждает.

– Ой, бедная. Как же она?

– А что! Будь у меня такой муж, как у Машеньки, я бы сама без трусов ходила! Зачем обижать хорошего человека?

Вполне безобидный пиар-ход вызвал нешуточные рассуждения на телевидении. Неделию назад Слава позвонила мне и, захлебываясь от смеха, сказала:

– Включай телевизор, срочно.

– Слушай, я в магазине!

– Иди в отдел бытовой техники и включай телевизор там. Это надо видеть!

И я пошел. За считанные секунды уболтал менеджера, телевизор мы включили. На экране появился лучший сексолог России – Леонид Свечкин. Лицо у сексолога было мрачным и задумчивым.

– В последнее время наши звезды перестали носить нижнее белье. И если раньше на такое решались лишь единицы, то сейчас подобное явление стало повсеместным.

По ТВ замелькал калейдоскоп обнаженных знаменитостей.

– Я думаю, что причин может быть две. Первая, о которой думать не хочется, – это вуайеризм. Еще недавно вуайеризм считался серьезным извращением. Сегодня он стал культурной нормой.

– Ну, это он загнул, – сказал за спиной чей-то голос.

Я обернулся. За пару минут вокруг телевизора собралась группа зрителей. Леонид будто услышал комментарий и смущенно поправился.

– Когда я говорю о культурной норме, то имею в виду среду с приставкой «шоу».

– То-то же! – похвалил взыскательный зритель. – А то, понимаешь ли, из-за этих звезд и мы извращенцами станем. Да чтоб моя жена трусы забыла надеть! Убил бы!

Леонид Свечки тем временем мрачно продолжал обличительную речь:

– Большинство же опрошенных нами пиарщиков утверждают, что поза «Ой, а я и забыла!» стала самой удачной формой скандала – без семейных последствий и серьезного осуждения в глазах общественности.

Тут же показали опрос звезд. Первой высказалась Тина Какжетак. Она поправила бретельку, которая сползла с плечика, и весело затараторила. Слова привычно вылетали из нее автоматной очередью:

– Как я к этому отношусь? Если кто-то так появляется в Майами, то отношусь к этому положительно. Если же в Москве – здесь очень холодно. Если это публичное мероприятие по поводу демонстрации этого самого места, то, значит, так надо. Но если это мероприятие посвящено чему-то другому, то предпочла бы обойтись. Если это дресс-код, то на здоровье. В каждое время своя мода и свои нравы.

Дрессировщика Гаврилу Бесстрашного сняли на фоне львов и тигров:

– Отсутствие нижнего белья – это легкий, не спорю, легкий способ обратить на себя внимание. Но у меня, любителя женщин, такие откровенные девушки вызывают лишь недоумение. Звезды не должны, а может, в какой-то степени даже и не имеют права так себя вести. Я против пошлости в России!

Дрессировщику слабо заплодировала какая-то сухонькая старушка. Я откровенно развлекался, наблюдая бурное обсуждение темы, как на экране, так и в зале торгового комплекса.

– Я не ношу нижнего белья! – заявила экс-солистка одной из девичьих групп, а ныне одна из самых сексапильных певиц на эстраде. – У меня на копчике сексуальная татуировка. Зачем ее скрывать? Тем более, я очень избирательна в выборе нижнего белья – у меня нежная кожа.

Мужики выразили свой восторг нецензурными комментариями, женщины осудили – с достоинством и цензурно. Мол, негоже все это. Как она потом в глаза своим детям будет смотреть?!

Не обошлось и без кадров звезд на летнем фестивале: у кого платье задралось, у кого из декольте богатство, подаренное природой и пластическим хирургом, вывалилось...

– Странные они какие-то, – тихо и себе под нос сказала девушка. В руках у нее был прозрачный пакет с только что купленной косметикой. – Неужели звезды думают, что там у них – нечто особенное?!

– Наверное.

– Тогда это глупо.

– Глупо – не глупо, но вы же это все равно смотрите! Смотрите и смотрите!

– Я работаю в PR-агентстве, – тихо ответила девушка. – И смотрю из профессиональной солидарности.

– И зависти.

– И зависти, – покорно и грустно согласилась она. – И не знаю, какое чувство сейчас доминирует.

...Телевизоры в тот вечер продавались особенно хорошо.

– Ну, как тебе наш информационный повод, – спросила чуть позже Слава, – понравился? О чем люди говорили? Наверное, полный аншлаг был.

Я тебе специально позвонила. Знаю, что ты всегда сможешь организовать нужную нам фокус-группу и совершенно бесплатно. В этом тебе, Нежданов, равных нет.

– Знаешь, о чем думают люди, когда речь заходит о космосе?

Слава выглядела заинтригованной:

– И о чем же?

– Они думают о двух вещах. Как космонавты ходят в туалет и как они едят, выдавливая еду из тюбиков.

– Ну? И какая связь?

– Да никакой, если вдуматься. Когда люди смотрели этот сюжет, их интересовали тоже две вещи.

– Какие?

– Удобно ли ходить по улицам без нижнего белья. Это раз. А второе – правда ли, что это очень возбуждает.

– На первый вопрос могу тебе сказать – неудобно. А на второй – возбуждает, и сильно.

Я поперхнулся коктейлем.

– А ты откуда знаешь?

Слава трогательно покраснела.

– Мы всегда все проверяем на себе.

Как сказал бы Михаил Зазорнов: «Сейчас вы будете гордиться своей страной». Я бы добавил – и своим пиаром, с его нечеловеческим лицом. Впрочем, и страной, конечно, – с ее нечеловеческим пиаром.

...

Офис PR-агентства, в котором работала Слава, находится в самом центре Москвы. Хотя центр Москвы – понятие условное, если это не Кремль.

Престижный район, ряды однотипных иномарок. Интересно, как они по вечерам находят свои машины? На секунду представил два десятка бизнесменов, синхронно щелкающих кнопкой сигнализации, и рассмеялся. Неплохой бы клип получился. Кому бы идейку продать? Нет желающих?

Желающих не нашлось. Оно и понятно: либо народ спит, либо томится в офисах в ожидании обеда.

Я толкнул дверь и вошел в просторный холл мажорного бизнес-центра. Охранник лениво кивнул: меня здесь знали как облупленного. Это в других организациях требуют паспорт, а потом долго сличают оригинал с фотографией. А если учесть, что в жизни мы очень редко похожи на тот кошмар, который изображен в наших документах, процесс проверки может затянуться.

Я вошел в лифт. Кстати, именно по лифту обычно определяю уровень бизнес-центра. Это как визитная карточка здания. Знаю один новомодный бизнес-центр, владельцы которого решили приколоться: чтобы подняться

наверх, надо нажать кнопку «вниз», и чтобы спуститься – нажать кнопку верхнего этажа. Рядом висит подробная инструкция, на которую люди обращают внимание лишь тогда, когда в сотый раз попадают не на тот этаж. Стремясь достигнуть цели, они жмут сразу на обе кнопки, и... лифт благополучно ломается. Чинят его каждый день, и сотрудники вынуждены подниматься и спускаться по узким неудобным лестницам. Единственный плюс этого бессмысленного наворота – все, кто там работают, находятся в отличной физической форме. Вот только клиентов маловато: редко кто осмеливается повторять подобный эксперимент.

Но в этом бизнес-центре все было в полном порядке: отполированное зеркало, отразившее мою загорелую физиономию (отдых в Доминиканской Республике месяц назад и любимый солярий SunPoint), рыже-серый ковролин, глянцевые кнопки, нажимать на которые одно удовольствие.

Чпок! Двери радушно разъехались, и я оказался на седьмом этаже. Весь этаж занимало PR-агентство Stars Forever. Ноги утонули в пушистом ковре. Здесь все дышало роскошью и негой, созданной специально для селебров. Вкусно, дорого и очень скучно. Евростандарт, одним словом.

Если честно, я никогда не понимал, как в такой атмосфере могло появиться что-то творческое и интересное. Вот если бы по обшарпанному коридору носились взлохмаченные люди в потертых джинсах и с трехдневной щетиной, которые бы еще и креативили на ходу... Если бы они курили, стряхивая пепел на пол, пили кофе из щербатых кружек и покрикивали на музыку: «Не видишь что ли, у нас дедлайн!» Если бы на столах громоздились горы немытой посуды, пустые пластиковые контейнеры из-под вермишели быстрого приготовления, а в банках – разнокалиберные окурки.

Если бы... Звезда была бы в шоке. Причем любая. Звезды любят гламур, шик и блеск. Если ваш офис и его сотрудники – не евростандарт, то дорога в шоу-биз вам закрыта. Будь вы гениальны и семи пядей во лбу, с вами никто не будет работать. Никогда. В лучшем случае к вам подведут охрану и попросят выйти вон. И нет смысла доказывать, что ваша песня имеет все шансы стать стопроцентным хитом, а сценарий нового клипа сорвет «Оскара». Это мир, где встречают по одежке и провожают исходя из размеров вашего банковского счета. Потому что носить с собой портмоне уже не комифо.

Первое, что я увидел в кабинете Славы, были ее ноги. Длинные и стройные, в шелковых чулочках и туфельках от Manolo Blahnik (на зависть Кэрри Брэдшоу). Невольно вспомнилась сцена из «Секса в большом городе», сериала, который меня заставляла смотреть одна из моих подруг: «Вы можете взять мою сумочку, мое кольцо и часы, но не берите мои туфли от Manolo Blahnik!» Женщины помешаны на этой фирме, и, в общем, я понимаю, почему. Красивая и удобная обувь, шитая по ноге, – огромное удовольствие.

Ноги покоились на алом плюшевом пуфике, а сама Слава возлежала в кресле, лениво проглядывая сайт, посвященный звездам. Сегодня она была в костюме от Dior. Простенько и со вкусом.

– Красивые туфли, – отметил я вместо приветствия.

Слава кокетливо потянулась, чуть приподняв ножку, дабы я еще раз оценил это обуюное великолепие.

– Ты знаешь, туфли от Маноло лучше, чем секс.

– Сама придумала?

– Конечно. Не забывай, что я работаю в лучшем PR-агентстве России.

На лучшее PR-агентство Европы она не претендует, уже легче. А фразу нагло украла. И не у кого-нибудь, а у Мадонны. Впрочем, с Мадонны не забудет. Она еще сто таких же придумает. А вот у Славы с креативом полный го-ляк. Впрочем, не мое это дело – тыкать хорошеньким носиком в откровен-ный плагиат.

– Чего пришел?

Вежливость – не Славин конек. Но я не обижаюсь – люблю четко постав-ленные вопросы, пусть и в несколько хамоватой форме.

– Соскучился.

Она довольно улыбнулась:

– Ответ принимается.

Без лишних рефлексий я обошел гигантский стол (на котором, по слу-хам, занимались сексом многие из VIP-клиентов Славы) и присел с ней ря-дом. Слава изучала новости, касающиеся певицы с экзотическим псевдо-нимом: Глюконат Натрия, в миру – Миши Степанова, бывшего трансвестита из клуба «Гей, Россия».

– Хорошее имечко. Жизнеутверждающее!

– И пиплу нравится, – не без досады заключила Слава. Досада заключа-лась в том, что Глюконата Натрия придумала не она, а конкуренты. – В пе-реводе – вещество, обостряющее вкус. Представляешь, какую пиар-кампа-нию можно сделать. Но, увы, клиент уплыл, как та самая золотая рыбка.

– К кому?

– К Ляле Рустамовой. Опять она мне дорогу перебежала, – глаза Славы гневно сверкнули.

Ляля Рустамова когда-то была подругой, а ныне – злейшим врагом Сла-вы. В свое время Ляле повезло в том, что она стала подругой продюсера Гоши Шпица, а по совместительству его деловым партнером. Творческо-любовный тандем оказался на редкость удачным. И такое бывает в шоу-би-зе. Вместе со Шпицем Ляля раскрутила немало отечественных звезд, прав-да, Шпиц по большей части работал с мальчиковыми группами, полагая, что от особ женского пола одни лишь неприятности. А потом Шпиц умер. Злые языки поговаривали, что причину следует искать в порче, которую на него навели недруги. Мол, снялся Шпиц в культовом фильме про вампиров, вот его сердце и запрограммировали. Как бы там ни было, мужик он был интереснейший. Непростой, но дело свое знал хорошо.

После смерти партнера Ляля некоторое время оставалась в тени, потоло-стела, подурнела, от скуки приняла участие в реалити-шоу «Построй хоть

что-нибудь», а затем открыла свое небольшое агентство. По старой памяти к ней пришли знакомые артисты, дело сдвинулось с мертвой точки и за каких-то два-три года превратилось в хороший и респектабельный бизнес. Свой собственный. Именно этого Слава и не могла простить своей бывшей подруге. Та работала на себя, а Слава на чужого дядю. Почувствуйте разницу.

Плюс, Ляле несколько раз удалось перетянуть к себе клиентов Stars Forever. Видимо, пресловутый Глюконат Натрия оказался из числа таких перебежчиков.

– В каком жанре он поет? – не то что бы меня это сильно интересовало, но нужно было поддерживать разговор.

– А в каком жанре у нас поет тот, кто не умеет петь? – парировала Слава.
– Знакомься, Нежданов, это новый король R'n'B.

Она раздраженно ткнула в экран компьютера ручкой, как будто монитор был в чем-то виноват.

– А старого куда дели?

– Какая разница?! Король умер, да здравствует король. Спорить не буду, кривляется он хорошо. И распальцовка у него правильная.

Мы оба посмотрели на фото. Лично у меня этот тип вызывал стойкое омерзение, но, как знать, возможно, пара недель – и я буду снимать это существо и делать вид, что мне этот процесс очень нравится. За что не люблю свою работу, так за это. Иногда приходится делать то, за что потом бывает стыдно. Но, как говорится, кто платит, тот девушку и танцует. В данном случае – Глюконат Натрия.

– В «Метелице» завтра будешь? – Слава сняла ноги с пуфика, выпрямилась и перевела разговор в сугубо деловое русло.

– А что там?

– Фил будет. Презентация альбома. Его и Ани. Приглашаются избранные.

– А я в их числе?

– Вот только ерничать не надо, – разозлилась вдруг она, но, видимо, почувствовав мое настроение, сбавила обороты. – Фил сам попросил, чтобы ты был. Сказал, что ты его снимаешь лучше, чем другие. А мне только качественные фото нужны. Ты когда в отпуске был, я сдуру мальчика наняла. Экономила, блин. Столько проблем на свою голову получила, тебе и не передать.

– А что за проблемы? – я невольно заинтересовался. Приятно, когда тебя считают незаменимым.

– Для начала он опоздал на сорок минут. Как тебе это нравится?

– А как объяснил? Старушку переводил через дорогу?

– Кого сегодня удивишь старушками? – фыркнула Слава. – У него версия более романтичная: шел на съемку, и вдруг снизошло вдохновение. Пришлось отправиться в парк, чтобы посидеть на скамейке и подумать о вечном.

– Лихо! На сорок минут?

– Именно. Дальше – больше. Во время съемки он заявил спонсорам, что они ему мешают. Спонсоры обалдели от такого отношения, а наш гений переключился на звезду.

Я откровенно забавлялся, представляя себе картинку в лицах.

– А кого снимал-то?

– Машу Развратутину. Думаю, ты догадываешься, кто был спонсором презентации.

– Разумеется. Муж – любимый, дорогой и единственный.

– А теперь представь, что любимому, дорогому и единственному сказали между делом: «Вот это фря на сцене! Ей бы похудеть и нанять стилиста!»

– Молодец! А стилиста зачем?

– Чтобы научил одеваться. Мол, ее малиновый костюм на пленке плохо получится.

– А что Маша?

– Сказала, что пока я не уберу это существо, она петь не будет.

– Неужели еще такие ископаемые бывают? – удивился я. – Я, разумеется, псевдоколлегу имею в виду.

– Представь себе – встречаются. И надо же мне, прожженной старой волчице, попасть на такое сокровище!

– А фотографии принес?

– Это вторая часть Марлезонского балета, – Слава тоже не выдержала и улыбнулась. – Принес. Жуткого качества, вне фокуса. Положил на стол и потребовал гонорар.

– Неужели и деньги отдала?

– Да он немного просил, – Слава махнула рукой. – С такими связываться – нервы трепать. Он все равно бы не отстал.

– А откуда ты его вообще взяла?

– Кто-то из звезд посоветовал. Сказал, что очень талантливый мальчик – с богатым внутренним миром. Засунул бы он этот самый мир куда поглубже. Я потом его работы на сайте посмотрела – людей он вообще не умеет снимать. Он их не любит. У него какие-то уроды получаются.

Да, так бывает. Я одно время в Питере работал с фотографом – Женей. Милейший человек, умница большая, философ. Снимали с ним концерты для разных изданий. И никто не понимал: вроде снимаем одно и то же, практически из одной точки, камеры одинаковые, но у меня фотографии получаются на загляденье, а у него какая-то размазанная мертвечина. Не люди, а монстры. В чем тут причина, не пойму. Но Слава уверена – плохие снимки людей получаются только у тех, кто не любит людей, а камера просто передает твоё внутреннее отношение. Возможно, в этой теории что-то есть.

– На презентацию придешь?

– Приду, конечно. Раз Филипп попросил.

- А моя просьба, значит, не в счет?
- Не кокетничай. Завтра – как обычно?
- Как обычно. В двенадцать пресска, вечером презентация.

Возникла пауза – липкая и противная, словно фруктовая жвачка. Мне нужно было задать Славе пару неудобных вопросов, но почему-то я чувствовал себя неловко.

Она сама пошла мне навстречу:

- Сань, у тебя проблемы?
- Можно сказать, что и так. Ты можешь ответить на несколько вопросов?

Это очень важно.

– Конечно. Спрашивай, – она затянулась тоненькой гламурной сигареткой.

– Помнишь вечеринку Наташи Минор?

– Еще бы мне не помнить, – горько усмехнулась она. – Из-за этой дуры такого клиента потеряли!

Приятно, что к дуре она не приплюсовала и одного дурака. Под клиентом, надо понимать, Слава имела в виду Разумовского.

– Помнишь, все гости тусовались на улице, возле бассейна и на первом этаже?

– Ну...

– А на второй этаж доступ был разрешен только избранным. Охранник пропускал по списку или вместе с тобой.

– И правильно делал. Я с самого начала сказала, что на второй этаж могут подняться те, кто включен в VIP-списки. А как иначе? У нас там деньги, ценности, одежда, аппаратура... Той швали, которую она привела с собой, только дай повод...

– Погоди, не заводись. Вещи мы оставляли в комнате, рядом с охранниками. Так?

– Так. Это Разумовский распорядился. В порядке безопасности: сумки, куртки – оставлять у охраны. Он, по-моему, помешан на идее мирового терроризма, который спит и видит, как нанести удар медиамагнату. Хотя в чем-то, конечно, прав: второй этаж – жилой, шут его знает, кто и с чем мог в дом прийти. Лилитта очень возмущалась, когда ее пальтишко вместе с моим оказалось. Мол, не комильфо. Ее в десять раз дороже. Но Разумовскому звонить не стала, хотя и грозилась.

– Кто мог туда зайти? Ты ведь все время около охранника была, значит, видела всех входящих.

– Оставь надежду всяк сюда входящий, – процитировала Слава. – Красивый слоган, надо будет кому-нибудь продать.

– В смысле – оставь надежду?

– В смысле, что ничего не помню. Сначала по низам носилась, потом звезд принимала.

Она вдруг насторожилась:

– А зачем это тебе?

– Понимаешь, кто-то взял кое-что из моего кофра, – я решил не говорить про карту. – Теперь у меня проблемы. Хочу знать, кто мог это сделать.

– Что у тебя взять можно, Нежданов? Пару носков и трусы?

Слава намекала на один из забавных эпизодов в начале моей карьеры. На презентацию альбома Ларисы Обдолоиной я приехал прямо с поезда, с рюкзаком за плечами. В «Метелице» меня остановили два дюжих охранника (из породы «Привет, саксаул» и «Покажите ваш паспорт»). Им не понравился ни я, ни мой рюкзак.

– Открывай, – приказал тот, что слева.

– Выкладывай, – дал новое задание тот, что справа.

Открыл, выложил. Они спокойно осмотрели камеру, пачку журналов, диктофон. На зубной щетке и тюбике зубной пасты заволновались. На дезике и одеколоне явно засомневались – а тот ли я, за кого себя выдаю. Но окончательно их добил прозрачный пластиковый пакет с нижним бельем. Как я потом выяснил, в состоянии культурного шока охрану вогнал факт, что белье было чистым, то есть на смену.

– Это что? – спросил тот, что слева.

– Что это? – продублировал тот, что справа.

Я по наивности решил, что это такой прикол и решил подыграть.

– Трусы и носки.

– Для кого?

Ей-богу, вопрос вогнал меня в ступор. Мы вдвоем оглянулись, словно человек, для которого я вез свои носки и трусы из Питера, был где-то рядом и с нетерпением ждал презента.

Время шло. Мы ждали. Человек не появлялся. Наконец я сжалился над ними:

– Это мое. Для меня.

– А зачем?

У меня началась истерика. Это сейчас бы я с легкостью продал бы эту историю в «Камеди Клуб», но тогда Гарик Непетросян еще играл в КВН, и не было никакого «Камеди Клуб».

– Чтобы носить.

– В клубе?

Возле нас стали собираться зрители. Шоу обещало переплюнуть звездное выступление певицы.

– Нет, после.

– После чего?

Мы снова посмотрели на злополучный пакет, будто он мог дать ответ на самый философский вопрос в моей жизни.

– После всего, – мастерскому броску позавидовала бы даже Шаша Марапова. Зрители сказали «Йо!» и подошли поближе. Мне они напомнили бандерлогов из мультфильма про Маугли.

Но эти два Каа не сдавались, взяв минуту на размышление.

– То есть все будет здесь? – выдал наконец тот, что справа.

Левый вздохнул с явным облегчением. Импровизации ему явно давались хуже.

– Именно.

– Тогда мы не можем вас пропустить.

Нам аплодировали.

Я не знал, плакать или веселиться.

– Почему?

– Потому, что ваши трусы и носки представляют угрозу для общества.

И тут, ребята, я сдался. О чем до сих пор жалею. Набрал номер Славы и попросил ее спуститься вниз. Слава появилась через пару секунд. Холодная, как Снежная королева. Молча выслушала обе версии (зрители подсказывали реплики и хронику событий), молча изучила пакет с предметами моего интимного гардероба. И задала свой контрвопрос:

– А чего так мало привез?

Присутствующие полегли.

Я тоже.

– Так ведь на два дня.

– Он, что, собирается здесь жить два дня? – охранники встали по стойке смирно.

– Пропустите его, – приказала Слава.

– Так ведь угроза, – завелся было тот, что слева.

– Лучше сразу заткнись, – мягко посоветовала ему Слава. – И запомни: у интеллигентного человека даже белье есть про запас. А у неинтеллигентного порой и словарного запаса нет.

Именно эту историю она мне припомнила сейчас.

– Что у тебя брать-то, Нежданов? Трусы и носки? Даже если они у тебя от Vivienne Westwood...

– Вряд ли это кого-то заинтересует, – отшутился я. – Я пока не мировая знаменитость, чтобы мои одежки на сувениры растаскивать. Остановимся на том, что в мою сумку кто-то залез и взял одну ценную для меня вещь.

– Окей, – пропела Слава. – Значит, там был Костик, крутился он там долго. Я его несколько раз звала, чтобы он Наташу пощелкал.

– А я тебе на что?

– Ты мне для гламура. Костик – для периферии. Расслабься, Нежданов, его услуги стоят намного дешевле, чем твои.

– А кто еще был?

– Потом Марина заходила – по телефону трепалась, там музыка меньше слышна. Кто еще? Фил был. Рустамова, будь она неладна.

– А она-то что там делала?

– А я знаю? Лично я ее туда не приглашала. Сама удивилась. И знаешь, что странно?

– Что?

– Они вместе с Костиком появились. Оба красные, потные. Лохматые какие-то... Я тогда было решила, что они там... Ну, сам понимаешь... На таких вечеринках всегда тянет сексом заняться. А сейчас думаю, что не сексом они там занимались.

– А чем?

– Искали они что-то, Нежданов.

Интересный расклад. Я боялся задать Славе еще один вопрос, но не задать его не мог.

– А сама ты была там?

Она лучезарно улыбнулась.

– Где?

– В той комнате?

– Конечно, Саня. Мы с Маринкой там целовались взад-вперед. Накатило, знаешь ли, под пошлые песни Минор. Так что чисто теоретически я тоже могу быть тем самым человеком, которого ты ищешь.

– А практически?

– А это уже тебе решать. Мы с тобой не первый год знакомы... Так что... Думай сам.

Я посмотрел на изящные туфельки от Маноло, и на минуту мне показалось, что это две змеиные головы... Как, однако, подсознание разгулялось. С чего Славе желать мне зла? Мы же друзья...

Слава протянула узкую и сильную ладонь:

– Пока, Нежданов, у меня еще много работы. Жду тебя завтра в «Метелице». Если что, обращайся. Мы же друзья.

Я коснулся прохладных пальцев. Вполне искренне улыбнулся. Поймал ответную улыбку. Вышел. Ноги приятно пружинили в мягком ковре. Мне казалось, что я иду по густой траве. На секунду захотелось все бросить и уехать куда-нибудь, где нет людей, но есть тишина. И где не надо никуда спешить... Лежать бы в траве и смотреть в небо, снимая, как плывут облака.

И только в лифте я вспомнил, что друзей в шоу-бизе не бывает. И Слава вполне могла зайти в злополучную комнату и вынуть флэшку из камеры. Вопрос – зачем ей это было нужно?

13.31–16.20

Я ехал в Останкино. Идея съемки «Один день из жизни теледивы» возникла случайно, в одном из разговоров, что говорится, на бегу. Но мне всегда нравилась спонтанность. Ты можешь строить какие угодно планы, думать, что все произойдет так, как ты сам наметил, но вдруг где-то там, наверху, происходит сбой. И все твои отредактированные и гармонично выстроенные планы летят в тартарары. Удивительно, что как раз такие

импровизированные съемки, как эта с Лилиттой, всегда получались намного удачнее запланированных. В чем тут секрет, до сих пор не пойму.

В отношении Лилитты у меня сложилось двойственное впечатление. С одной стороны, мне не всегда нравилось то, что она вытворяет на сцене. Эпатаж должен быть уместен, и в эпатаже надо знать меру. Иногда Лилитта переигрывала, сознательно вызывая неприятие. Но фишка в том, что именно от негативных чувств она энергетически подпитывалась.

Я заметил, что есть люди, которых стимулируют исключительно негативные эмоции. Эпатируя, они как бы заявляют: да, я такая, я тебе не нравлюсь, я тебя раздражаю, но чем больше ты раздражаешься, тем лучше становится моя жизнь. Мне иногда кажется, что феноменальный успех Ксении Нунчак заключается не в многочисленных пиар-акциях (пиар, как и любое другое действие, рано или поздно приедается), а в аккумуляции негативной энергии, которую к ней испытывают. Негатив дает мощный толчок: народная любовь быстротечна, народная ненависть может длиться годами, становясь лишь сильнее. Со временем к объекту своей ненависти так привыкаешь, что уже не мыслишь без него собственного существования. И даже испытываешь гордость: мой-то (моя-то) что опять отчудил!

Вот и с Лилиттой также. Не всегда принимая ее творчество, я принимал ее как личность. Противоречивую, интересную, невероятно притягательную. И совсем не похожую на тот сценический образ, который она так долго и мучительно трудно лепила. На сцене она была стервой, пусть и знающей себе цену, но, увы, не имеющей простого личного счастья. В реальной жизни Лилитта была мудрее, спокойнее и мягче... По крайней мере, если ей было неприятно общаться с человеком, она все равно давала ему шанс реабилитироваться. Не получалось – виртуозно посылала на небо за солнышком или за облачком, когда как. Но делала это очень тонко и на удивление интеллигентно, от чего посылаемый впадал в культурный шок и молча отправлялся по указанному адресу. И очень часто возвращался с извинениями – в виде солнышка или облачка.

Человеческие отношения и шоу-биз – вещи несовместные. Они, как параллельные пути, – не пересекаются. И уже никогда не пересекутся. Те отношения, которые складываются внутри тусовки, реальной дружбой, любовью или уважением назвать нельзя. Нет, звезды общаются, встречаются, выпивают вместе, бывает, что и романы завязываются... Все бывает. Но нормальными человеческими отношениями я это все равно назвать не могу. Есть в них изначальная червоточинка – зависть.

Говорят, зависть бывает белой и черной. Белая подвигает нас на новые достижения, черная разрушает душу. Говорят, не знаю. Может, где-то и есть белая зависть, но только не в шоу-бизе. Если уж здесь и завидуют, то по-черному. Чужой успех причиняет боль и разъедает радость от собственных успехов. Ты все время сравниваешь, сопоставляешь, пытаешься понять, кто из вас лучше. И делаешь выбор не в свою пользу. На смену зависти приходит

профессиональная и личная ревность, а там уже и до ненависти недалеко. Я не раз видел, как шоу-биз открывал двери молодым и красивым парам. Влюбленные друг в друга, они записывали первую песню, попадали в ротацию... И когда шоу-биз делал ставку на одного, расставались. Кто-то – парень или девушка, неважно, – шел вперед. Кто-то оставался за бортом, вынужденный работать на подпевках у какой-нибудь звезды, а то и у бывшего возлюбленного (возлюбленной). Как сказал бы Watchman, шоу-биз – вечная драма, которой бы позавидовал и Шекспир. В нем нет победителей, в нем все побежденные. Только не все из них об этом знают.

В шоу-бизе не может быть искренних чувств, поскольку все запрограммировано на личный успех. Мантра каждого вновь обращенного: «Шоу-биз – это я! После меня хоть потоп!» И вот идут юные новообращенные, что говорится, по трупам, преступая не только через коллег по цеху, но и через себя. И в итоге проигрывают. Можно потерять все, но нельзя потерять себя. Так говорили древние. И ничего с тех пор не изменилось. Что бы ни произошло, ты должен оставаться человеком. А иначе... А что, собственно, иначе? Иначе просто нельзя, и точка.

В Останкино я прибыл задолго до начала съемок. Как выяснилось в гримерке, Лилитта еще не приехала, и я решил скоротать время в кафе. Благо и обеденное время подошло.

Заказал себе салат, чай и пару бутербродов, присел за одним из столиков. Мимо семенили телевизионные бонзы, звезды и прочие светила. В атмосфере наблюдалась типичная для телевидения нервная суетливость, правда, не без претензии на актерское позерство.

– Нежданов, а ты какими судьбами?

Напротив плюхнулся один из немногих людей, кого я давно и искренне уважаю в шоу-тусовке.

– Привет, Париска. Вот мимо проходил, дай, думаю, зайду. Отобедаю.

Париска хмыкнул и без лишних рефлексий стащил у меня бутерброд.

– Сам голодный, как черт. С утра здесь маринуюсь.

– С кем?

– А клип снимают. Очередная ерунда с сексапильными блондинками. Нашли, кому подsunуть такую работу – самому брутальному фотографу столыцы. Надеюсь, ты на это высокое звание не претендуешь?

– Не претендую. Вот если бы ты стал лучшим метросексуальным фотографом...

Он поперхнулся:

– Ну, Нежданов, ты даешь! Так и гастрит заработать можно! Где я – где метросексуалы?

Несмотря на странное прозвище, Париска действительно выглядел как настоящий мачо и считался одним из самых дорогих профессиональных фотографов в Москве. Ну, и брутальных тоже. Что мне, для друга жалко хорошего слова?!

– Как дела, Нежданыч? – Париска схомячил бутерброд и теперь жадно поглядывал на мой салат. Я быстро смекнул, что к чему: дойти до кассы и сделать выбор Париске было не под силу. Мозги и творческое эго требовали немедленной перезагрузки. Пришлось повторить. Поразмыслив, я взял нам и по хорошему бифштексу. Шут с ним, с отдельным питанием. Будет возможность, сгону лишние кг на тренажере. Впрочем, при таком ритме жизни они мне не грозят. Носишься как савраска...

– Вот и я говорю, – кивнул Париска. – Носишься как савраска, а тебе вместо спасибо норовят в морду заехать. Мол, не так свет поставил, не тот ракурс взял, у звезды ляжки блестят. А что я могу сделать, если они на гриме-ре сэкономить решили? Ляжки действительно блестят, а фотошоп вам на что?! Пара легких движений, и ее фигуре Дженифер Лопес позавидует.

– Лопес теперь всем завидует.

– Да? – Париска сделал заинтересованное лицо. – У нее это самое... тоже что-то блестит, что блестеть в принципе не должно?..

– Типа того. У нее, говорят, фотошоп сломался.

Он улыбнулся. Дав понять, что оценил шутку.

– А ты Лилитту фотать будешь?

– Откуда знаешь?

– Слухами земля полнится, – отмахнулся Париска. – Ты молодец, нашел с ней общий язык, а у нас как-то не срослось. Не мой человек... Энергетика другая, вот и снимки кондовые выходят. Вроде как она, и не она. Понимаешь?

– Понимаю.

С опытом у любого фотографа появляется внутренне чутье: получая заказ на съемку, ты заранее знаешь, будет она удачной или нет. Станет ли звезда капризничать или останется довольной. И если интуиция тебе говорит, что лучше отказаться, перекинь заказ другому – фиг с ними, с деньгами. Деньги еще будут. А вот нервные клетки, как известно, не восстанавливаются.

Мы иногда с Париской занимались таким профессиональным пинг-понгом: перекидывали заказы. Лилитта – его бонус, за что я ему был отдельно благодарен. Впрочем, и сам в долгу не остался. С меня уже не раз и не два причиталось. Свои долги помню и всегда их отдаю. Но сегодня Париска подсел ко мне не за этим.

– Слушай, Нежданыч, – Париска понизил голос. – Говорят, у тебя кое-какие проблемы. С Разумовским. Вроде как тебя на счетчик поставили.

– Вроде? Как бы? Или поставили?

– Да я сам точно не знаю, обрывки разговора в курилке слышал. Это из-за Минор?

– Из-за нее.

Париска ни минуты не сомневался в моей порядочности. Я тоже ему доверял. Хотя бы потому, что в тот злополучный вечер Париска отдыхал в Лас-

Пальмасы. Черт, еще немного, и я стану параноиком. Подозреваю всех.

– Ты думал, кто это мог сделать?

– А то! Но, как выясняется, есть масса желающих, которые бы не против нагадить Разумовскому.

– А тебе?

– Круг моих врагов чуть меньше. Сегодня был у Славы. Уточнял список гостей и тех, кто поднимался на второй этаж.

– У Славы? – тон Париски заметно изменился.

– Какие-то проблемы?

– Не у меня, Нежданых, не у меня. Ты слышал последние сплетни про Славу и Разумовского?

Я похолодел. Мой любимый зеленый чай показался вдруг безвкусным.

– Какие слухи? Что у них общего?

– А что может быть общего у продюсера и пиар-менеджера такого уровня, как Слава? Очередной звездный проект.

Я осмысливал информацию.

Париска нагнул ко мне:

– Значит так, Нежданов. Дело было полгода тому назад. Ты нынешнюю пассию Славы знаешь? Марину?

– Конечно. Утром с ней разговаривал.

– Полгода назад Марина захотела сольную карьеру. Приелась ей, видите ли, роль президента фан-клуба. Мороки много, дивидендов с гулькин нос. Внешние данные у девочки в полном порядке. Кто бы мог подумать, что и Барби бывают с интеллектом?! Фигурка, мордашка, язычок... В общем, все на месте. Она даже петь умеет. По крайней мере, в ноты попадает. Славу Маринка раскрутила на лав и прочие страсти-мордасти довольно быстро. Особого труда это не составило.

В общем, Слава потеряла от Маринки голову и решила, что та будет звездой, а Слава, стало быть, ее администратором. И вместе они срубят кучу бабла. Слава уйдет из агентства, где ее давно, мягко говоря, терпят, и у них будет типа свой семейный бизнес. Но одной пиар-программы, как ты понимаешь, мало. Нужен хороший продюсер. И Слава пошла к Разумовскому.

– А Разумовский отказал?

– Почему же отказал... Принял обеих. Послушал девочку. Девочка понравилась. Ты же знаешь, как наши бонзы любят податливый человеческий материал из провинции. Из него лучше всего лепятся звезды. На любой вкус.

– Ну и?

– Он сказал «Поехали!» и махнул рукой... В общем, для Марины наш Андрей Константинович подготовил контракт, очень жесткий, по слухам. Однако в этом сотрудничестве почему-то не нашлось места для Славы.

– Интересно. Почему?

– А он бездельников не любит. Сама Слава давно ничего не делает.

Пытается руководить отделом, но заказов маловато. В таком деле креатив нужен, а креатива там...

– Увы, нет.

– Точно! Слава сутками зависает в инете, пытаясь на этих бескрайних просторах откопать зерна идей. Слышал, что она даже за свой счет заказывала отдельным гражданам всевозможную креативку, типа концепт новой группы или клипа, а потом присваивала себе лучшие идеи.

– Если слухи пошли, значит, не все в агентстве гладко.

– А то! В общем, Разумовский сказал нашей Славе огромное человеческое спасибо и указал на дверь. Мол, на эстраде и так полно звезд с нетрадиционной ориентацией, и из Марины сделают интеллектуальную Барби, которая долгие годы будет искать своего принца. Пипл любит истории про Золушку. Схавал бы и эту, не подавился.

– Так в чем интрига?

– А интрига, Нежданыч, в том, что Маринка без памяти втрескалась в Славу.

– Разве так бывает?

– Один шанс на миллион. Взял да и выпал. В самый неподходящий для Марины момент.

– Ну и?

– Прямо в офисе Разумовского Марина разорвала контракт и послала доброго дядю продюсера куда подальше.

– Неужели ей это сошло с рук?

– Как тебе сказать... По слухам, Разумовский улыбнулся и пожелал ей удачи. Только после этого дня доступ в шоу-биз Марине закрыт. К кому она только ни обращалась со своим новым клипом и песнями – бесполезно. Черный список в шоу-бизе – это клеймо на всю оставшуюся жизнь. Ну, либо пока Разумовский не передумает. Девочки думали, что справятся, но не получилось. Связей Славы не хватило.

– Сочувствую.

– Маринка даже руки на себя наложить пыталась, к счастью, Слава пришла домой чуть раньше. Обошлись промыванием желудка. С тех пор у Славы свой зуб на Разумовского.

– М-да...

– Так что если ты искал мотив, вот он тебе. Она вполне могла подставить тебя. В этом случае ее связей хватает, чтобы быстро и профессионально слить информацию по всем нужным журналам.

– Но меня-то зачем подставлять? Мы же друзья.

– Любовь всегда сильнее дружбы, Нежданыч. Особенно женская... Ну, ты понимаешь... И потом, у Славы перед Мариной долг, а долги надо выплачивать, не так ли?

– Какой долг?

– Долг ценою в жизнь. А с такими долгами до самой смерти не

расплатишься.

– Ты прав.

Париска оглянулся: на входе в кафе на первом этаже тоскливо переминался администратор группы «Залетайки».

– Мне пора. Блондинки зовут. Не унывай, Нежданыч. Все образуется. Если что, звони.

Как говорила Алиса, жизнь становится все чудесатее и чудесатее. Чего только не узнаешь во время обеда. И все же я не верил, что Слава была способна на такое. Хотя Париска прав: ради любви люди совершают еще большие подлости.

– Вот ты где! – администратор Лилитты буквально выдернула меня из-за стола. – Идем скорее, она тебя уже ждет.

– Не в духе?

– Какой ты догадливый, Нежданов, это что-то!

...

По примерке артиста можно многое сказать о его характере. Есть звезды, которые стараются даже за пару часов до концерта придать примерке индивидуальность, а есть и те, кого, напротив, устраивает обезличенность комнаты. Лилитта была промежуточным вариантом. Если певица находилась в настроении, то примерка буквально ломилась от цветов, косметики, разноцветных боа, кружев и прочих женских штучек...

Если же Лилитта пребывала не в духе, то примерка напоминала келью – холодную, темную и сознательно аскетичную.

Сегодня был второй вариант.

Лилитта в роскошном брючном костюме лежала на диване и мрачно смотрела в потолок.

– Съемка скоро... – пробормотала администратор певицы. Было видно, что уже не в первый раз. – Пора гримироваться...

– Не хочу. Надоело. Чувствую себя лошадью. Загнанной. А загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?

– Лилитточка, это последний блок. Отснимем, и все. Потом поедешь отдыхать.

– Когда? – поморщилась Лилитта. – Ты можешь назвать мне день, когда я буду отдыхать? И еще желательно место, где произойдет это долгожданное событие!

Администратор замаялась.

– Отдыхать ты будешь в отпуске. А место выберешь сама.

– И так всегда и во всем, – пробурчала певица. – Все сама. Сама придумаю, сама сделаю выбор. Хоть бы кто-нибудь хоть раз что-то решил за меня.

– Да ты сама не позволишь, – не осталась в долгу администратор. – Все

равно все сделаешь по-своему. Ну, если тебе так хочется... Вот запишешь еще две программы – и сразу в отпуск. На Мальдивы.

– Мальдивы – это прекрасно. Но давай будем реалистами. По плану отпуск у меня когда?

– По плану – года через два.

– Иди-ка ты на небо, за звездочкой, со своими планами, – мягко посоветовала Лилитта. – Не суждено мне отдохнуть! И через два года, и через пять лет. Ты же знаешь, у меня ярко выраженный синдром трудоголика.

– Зато очень позитивного, – осмелился я влезть в разговор.

Певица мельком взглянула на меня: мол, что еще скажешь. И я от души добавил:

– На таких позитивных трудоголиках земля держится. Видно же, что вы выкладываетесь. А это важно...

– Ну да, – кивнула Лилитта. – Работу надо любить пламенно и самозабвенно. Тогда и она тебя полюбит. Причем в особо извращенной форме.

Она закрыла глаза и вдохновенно продолжила:

– А знаешь, в чем заключается эта самая извращенная форма? Работа каждый день выпивает тебя по капле! И по прошествии времени ты выдыхаешься так, что когда приходит момент взять тайм-аут, бывает слишком поздно... Я записываю по 3-4 программы в день! По-твоему, это нормально?

– Это аномально.

– Два года по 3-4 программы! За это время я стала истеричкой.

– Ну уж, истеричкой, – усомнился я. – По-моему, вы самый адекватный человек на нашей эстраде.

– Кто тебе это сказал? Я терпеть не могу контакты, мне надо, чтоб со мной никто не разговаривал... Я во время эфира чувствую себя оголенной, как провод! Но током-то бьет не кого-то другого, а меня! Когда же все поймут, что я не психолог!

– Вы певица.

– Вот именно, певица! Телеведущая! Ладно, согласна и на это... Но меня-то держат за психолога! Терпеть не могу эту профессию. Мне кажется, в ней вообще одни шарлатаны. Люди, которые сами не знают, как справиться с собственными комплексами. У нас в стране с психологами вообще проблема: ты знаешь, что процентов 20% суицидов в стране происходит акурат после посещения психологов?!

– Почему? – удивился я. – По идее, должно быть все наоборот.

– Потому что шарлатаны! Мало кто хочет помочь людям. Все хотят зарабатывать деньги на сеансах и растягивают их, растягивают. Играют в бесконечную и бессмысленную игру: «Хочешь, поговорим об этом?» Человек, как дурак, рассказывает о своих проблемах, а ему в ответ – вы смертельно больны. Жизнь – неизлечимая болезнь. От нее умирают. Но мы вас вылечим, мы обязательно вас вылечим! И начинается перекачка денег из одних

карманов в другие. Но человеку-то легче не становится! И он, отчаявшись, идет ко мне. Потому что Лилитта – умная, она знает, что делать, она поможет.

– Но у вас в программе и хорошие психологи встречаются.

– Это верно, – согласилась она. – Я шарлатанов за версту чую. Еще со времен совдепии, когда ждать нечего было и хотелось в петлю. Они тогда в домах культуры собирались для коллективных, так сказать, сеансов. Помню, я подняла руку и сказала: «Мне почти тридцать лет, у меня ни квартиры, ни машины, ни дачи, один муж – фиктивный, другой – настоящий. Я хочу родить ребенка и покупать ему дорогие красивые игрушки. Я хочу дорогие шмотки и вкусную еду». На что психолог ответил мне, что я асоциальный элемент. В петлю я, конечно, не полезла, но выводы сделала: если ты хочешь быть откровенным, выбирай умного и сочувствующего собеседника.

– Я запомню.

– И правильно сделаешь. Дарю. Бонус от Лилитты. Теперь, когда у меня спрашивают совета, стараюсь тактично подойти к чужим проблемам. Мне важно, чтобы люди, которые смотрят мое шоу, получили реальный, не надуманный совет. Совет, которым можно было бы воспользоваться в жизни. У нас же полный голяк нормальных передач на телевидении. Ну нет сегодня программ, в которых нуждаются люди. Нет их! За редким исключением. В нынешних ток-шоу – бесконечное общественное мнение. И еще – желание поучить друг друга жить, не имея на то ни малейших оснований. Встает какой-нибудь, прости Господи, эксперт и начинает поучать: «Вы должны, вы обязаны». Да никому и ничего мы не должны! Разве что детям, да и то пока они маленькие! Я трачу время, лично приглашая в свою программу профессиональных психологов, психотерапевтов и психиатров. Не смотри на меня такими испуганными глазами – психиатры тоже нужны. У нас у всех поголовно большая психика. У тебя, у меня, у дяди Васи из соседнего подъезда, у наших депутатов.

– А откуда здоровым взяться? – я был во всем с ней согласен.

– А неоткуда. Больные родители рожают больных детей. Замкнутый круг. Поэтому тех, кого я зову, волнуют не деньги, а усталые и исковерканные души. Мы же все в боли живем... И со временем к этой боли привыкаем! Я все время призываю зрителей: если вы не понимаете, что с вами происходит, спросите вот у этих людей – они помогут вам разобраться в себе.

– Я смотрел ваши программы, – сказал я. – Вы сама работаете как профессиональный психолог...

– И ты туда же.

– Может, вам диплом получить?

– А надо мной вся страна ухаживать станет! А оно мне надо? – ядовито спросила Лилитта. – У меня, Саша, тоже душа болит...

– Лилитта, – вмешалась администратор. – Съемка скоро...

– Отвяжись, – отрезала певица. – Дай с человеком поговорить. Считай,

что у меня психологический сеанс. Вопрос лишь в том, кто сейчас кому помогает.

И она снова обратилась ко мне. Администратор закатила глаза в потолок, всем своим видом показывая, что я задерживаю Лилитту.

– Так на чем мы остановились? – Лилитта задумчиво посмотрела на мою камеру и тут же про нее забыла.

– Вы как психолог, – с интересом подсказал я. – Это новое амплуа.

Этот разговор увлек меня не на шутку.

– А я шоу веду, куда люди приходят, чтобы не просто выговориться, а за час найти решение проблемы. И мне за этот час надо им подсказать решение. Не потому, что работа у меня такая. А потому, что они мне верят. Ты понимаешь, каково это? Взять на себя ответственность и попытаться помочь?! Я через эти хиханьки-хаханьки выкладываюсь на каждого человека. И теперь у меня нет сил, я так проплакала много, что просто уже начинаю сама себя раздражать.

– Лилитта!

– Что «Лилитта»? Не стой над душой и лучше принеси мне кофе, – попросила Лилитта. – Куда торопиться? Все равно зрители еще два часа будут собираться.

Администратор вышла. Мы остались одни.

– Собачья жизнь, – пробормотала Лилитта. – Впряглась и везешь на себе целый воз, как в собачьей упряжке, а тебя еще какой-нибудь эстрадный эскимос погоняет – быстрее, быстрее! Устала – сил нет.

Она резко выпрямилась и посмотрела на меня.

– Не переживай, снимешь в лучшем виде. Как там наша Примадонна пела? «Ты сними, сними меня, фотограф!» Чего молчишь-то?! Думаешь, кусаюсь?

– Встревать в монолог рассерженной женщины – глупая затея.

– Надо же, молодой, а умный. Кто уму-разуму научил?

– Мама.

– А ты не только прислушался, но и запомнил? Молодец. Мама твоя права: если женщина не в духе, дай ей выплеснуть эмоции. Пусть даже и на тебя. Мы, бабы, отходчивые. Нас приголубишь – все обиды забудем. Кошки, одним словом.

– Которые сами по себе?

– Настоящая женщина всегда сама по себе. Вот сколько раз говорила: нельзя зависеть от мужика: ни финансово, ни эмоционально. Иначе все – ты пропала. Так ведь нет: придет, сядет перед камерой и давай сопلي с тушью размазывать. Ах, я на него всю жизнь положила, а он не оценил: собрал чемодан и ушел к молодой, красивой, с ногами от ушей. Спрашивается: а кто тебя просил на него, засранца, свою жизнь класть, да еще тем самым прибором? Что тебе мешало жить, как хочется, любить, кого хочется, и чувствовать себя при этом абсолютно свободной и счастливой?! Ни-че-го!

– Она сама себе и мешала.

– Она и мешала. Главный враг человека – он сам. Была у нас передача на тему «Бьет – значит, любит?» Женщины, как обычно, говорили о жертвенности, о терпении. И тут встал наш гость, мужчина, и почти закричал: «Женщины, кто вам сказал, что вы что-то кому-то должны, откуда это самоуничтожение? Рождает мужчин женщина, поэтому каждая из вас должна запомнить: «Я – королева!» И он учил всех нас произносить это: «Я – королева!» Сначала получалось вяло, у некоторых вообще не получалось. Но мы повторяли это, как заклинание. И в конце концов – получилось.

Я успел сделать несколько кадров, Лилитта не возражала: легкая усталость вкупе с негодованием придавали ей шарм. Немного декаданса не повредит... Людям нравится намек на слегка эпатажное и сексуальное ретро.

– А знаешь, что больше всего раздражает? Зависть! Ладно бы меня просто не любили. С этим можно смириться, ладно бы ненавидели, я не возражаю... Но зависть... это выше моего понимания. Придут, губы шевелятся – деньги мои считают. Ах, у нее брюлик на пальце и в ушах по пять карат. А у нас бижутерия, купленная на рынке. Ах, она на Mercedes SLR разъезжает, а мы на маршрутке. А то, что я сутками пашу, никого не касается. Они вон пирожки в буфете трескают, пока я на съемках выкладываюсь. Думают, нет ничего проще: вышла на сцену и давай трепать языком. А ты попробуй! Несколько часов без остановки, да так, чтобы всем было интересно, чтобы завело и вставило! Попробуй! Фиг что у тебя получится. Или концерт вживую отработать! Они и то – в ладони хлопать устают!

Я улыбнулся. Лилитта очень точно подметила эту особенность зрителя: вне зависимости от того, нравится тебе артист или нет, люди любят обсуждать, с кем, когда и за сколько.

Помню, поздно вечером в Питере я сел в полупустой автобус. Кондукторша, молодая женщина с бровями а-ля Сволочкова, откровенно скучала. Увидев меня, она сразу подобралась, небрежно взяла деньги за билет и сообщила:

– Нет, вы видели это, видели?

Я оглянулся в поисках объекта возмущения.

– Торату-то помирилась с АБ! – она выпалила заготовленную фразу и всхлипнула.

– И что? – тупо спросил я, раздумывая, не выйти ли мне на следующей остановке.

– Как это что? – возмутилась кондукторша. – Так ведь нельзя! Я считаю, что если у тебя есть враг, то будь любезен, храни ему верность. А публично целоваться и говорить комплименты – неправильно. Я против! Не по-человечески они поступили. И стареть так тоже нельзя. Я ровесница Алки, смотрю на нее и думаю – какая я старая. Почему у нее морда гладкая, а у меня сплошные морщины?! Должно быть наоборот!

Я поймал себя на мысли, что аплодирую Примадонне. Просто за то, что у нее нет морщин. Кондукторша тем временем продолжала:

– Я всегда поддерживала Софку, но думаю, Алка ей просто денег дала и клип пообещала снять. А клипы денег стоят. Я знаю, в газете писали. Вот Софка и решила помириться. И вышла на сцену в красивом пинжаке. И Алка была в пинжаке. Они песню вместе пели. Я даже плакала.

– А чего плакала?

– Так ведь не знаю, за кого мне теперь... И Софку люблю, и Алку...

Типичный взгляд обывателя на шоу-бизнес. Я рассказал Лилиitte эту историю, она рассмеялась.

– А что ты хочешь? Общественное мнение! После того как вышла моя программа, я как-то сказала мужу: «Какое счастье, что я успела состояться до тебя, независимо от тебя».

– Почему?

– «У Лилиитты богатый муж, и он купил ей передачу на Первом канале». Когда я перешла на НТВ, они повторили: «Богатый муж Лилиитты купил ей передачу и на НТВ». Самое смешное, что такие же сплетни ходили и в отношении других ведущих. Делать больше нечего нашим богатым мужьям!

– И кто больше всех упражнялся в остроумии?

– Правильные вопросы задаешь! Мужчины! Бабам и в голову не пришла такая дурь: они прекрасно знают – богатые мужья не покупают женам программы. Богатые мужья хотят, чтобы их жены днем сидели дома. А по вечерам выходили с ними в свет! А знаешь, какой подтекст?

Я заинтересованно кивнул.

– А подтекст в том: что «если бы я захотел, то тоже бы купил программу для любимой. Но вот ведь какая незадача – не хочу». Это он думает, что не хочет. А на самом деле – не может. Кишка у него тонка, как, впрочем, и портмоне.

– И что вы им отвечали?

– Толку с дураками спорить! Им же и уподобишься. А мне душой быть не хочется. Я в крайнем случае могу идиоткой прикинуться. Потому что в переводе с латинского «идиот» – человек думающий. Особо ретивым, которые мне всю печень проклевали, советовала записаться на прием к генеральному продюсеру Первого канала и во время аудиенции сказать: «У меня много денег, хочу купить передачу для своей жены или любовницы».

– Интересный подход! Креативно и смешно!

– Куда уж смешнее... Было бы очень интересно послушать, что им генеральный продюсер сказал бы в ответ!

Я мысленно молился про себя, чтобы она продолжала. Какие эмоции! Какая мимика! Мечта для фотографа. И ни капли позерства, казалось, она вообще забыла про меня. Под мягкие щелчки камеры звучал дивный, чуть хрипловатый голос. Но стоило подумать об этом, как Лилиитта сделала резкую паузу:

– Стоп! Теперь не снимай... Мне подумать надо, а камера отвлекает...

Администратор принесла кофе. Чашка «Carte Noire» мелко дрожала на блюдечке.

– Наконец-то! За это время можно было вырастить кофейное дерево! Чего у тебя руки трясутся? Нервничаешь? Думаешь, съемку завалю? А ты расслабься! Все будет по высшему разряду. У меня по-другому и не бывает.

Администратор тактично промолчала на ремарку и стала раскладывать косметику на столе.

– Гример где? – Лилитта прекрасно поняла молчаливый намек.

– За дверью.

– Запускай.

– А он? – наманикюренный пальчик нервной барышни осторожно и с опаской ткнул в мою сторону.

– А что, он тетки без грима не видел, что ли? – Лилитта весело отмахнулась.

Выплеснув эмоции, она постепенно приходила в благодушное и язвительное расположение духа.

– Сейчас этот папарацци сделает пару компрометирующих снимков, а завтра все газеты покажут настоящий оскал шоу-бизнеса. Так сказать, без прикрас.

Она подбоченилась перед зеркалом и скорчила смешную рожицу:

– Знаешь, Нежданов, после развода у меня был период, когда я была сногшибательной красоткой. Волосы до попы, ногти там, кожа гладкая, как у младенца, косметологи, парикмахеры, стилисты. А в глазах секс – неприкрытый. Удиви меня, и я твоя! Мужики падали к ногам и сами в штабеля укладывались. А потом мне надоела эта красота. Я сняла наращенные волосы и перестала одеваться так, как мне советуют гламурные журналы. Теперь я ем хлеба столько, сколько хочу. Если организм требует шоколадную конфету, он ее получает. Если он хочет две, я даю ему целую коробку. «Нехай хомяк подавиться»!

– В общем, живете без комплексов.

– Я прошу тебя, не надо этих телевизионных ярлыков. У меня, как и у любой бабы, – сотни комплексов. Просто я не придаю им значения. Мое отношение к себе – честное. Я люблю себя, но при этом отдаю отчет, что характер у меня поганый, вздорный, фигура далеко не идеальна, что с каждым годом я не молодею. Ну и что? Это же я! Мне хочется, чтоб пришел тот, кто полюбит меня такой, какая я есть, а не тот фасад, который нарисован. Пусть он увидит, что у меня бывает отек, оттого что пошаливает сердце. Пусть он все это увидит... Вот у меня сейчас такой период: мне надо, чтоб меня любили не за то, что снаружи, а за то, что внутри! Поэтому снимай все, как есть.

– Лилитта!

– Да не волнуйтесь вы так, – успокоил я перепуганную девушку, у

которой явно хромало чувство юмора. Причем на обе ноги. – Без разрешения Лилитты ни один снимок в печать не попадет.

– Наташе Минор ты тоже это обещал? – из добродушной хохотушки Лилитта мгновенно превратилась в язвительную стерву.

– Так вы уже в курсе, – я и вида не показал, как меня обидел этот намек.

– А то! Событие прошлой недели. Сейчас-то немного успокоились, а дней пять назад вся тусовка тебе и Разумовскому косточки перемывала с мылом и без мыла. Говорят, что ты взял и подставил клиента. Мол, нехорошо это, непорядочно.

Она хохотнула:

– Когда в шоу-бизе говорят про порядочность, я всегда смеюсь. Порядочность и шоу-биз, как Моцарт и Сальери, – несовместимы.

– И вы, зная об этом, разрешили себя снимать? В таком виде? – я искренне удивился.

– Нормальный вид. Звезда перед съемкой. Мне скрывать нечего... Могут и голой сняться, ты же знаешь. Своего тела только дуры стесняются. А что касается Разумовского...

Она на секунду замерла. Гриммер уверенно рисовала соблазнительный, четко очерченный рот. Мягкая кисточка прошла по губам, заменяя бледно-розовый, усталый цвет на вызывающий коралловый оттенок. Немного блеска, немного шика. Камера заморозила финальный момент превращения усталой женщины в роковую красавицу.

– Так вот... насчет Разумовского... Он тебе не по зубам.

– Я его кусать не собираюсь, – отшутился я.

– Ты меня прекрасно понял. Беги из шоу-биза, Нежданов, пока не поздно.

– Куда бежать-то? В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов?

– А хоть и туда. Там тоже люди живут. И уверяю тебя, куда порядочнее, чем те, кто крутится в нашей тусовке. В нормальную жизнь. Вне этого глянца... Черт с ним, с успехом, славой, всенародной любовью, тем более что и нет их.

– Как это нет?

– А так, мишура все это. Иллюзия. Копнешь поглубже, и нет ничего. Ты никогда не замечал, как быстро стареют те, кто живет шоу-бизом?

– Грим, наверное...

– Я тебя умоляю. Причем тут грим?

– Ну, тогда ночной образ жизни. Никотин, алкоголь, наркотики...

– Ты просто ходячий Минздрав. Сколько людей по всей России пьют, курят, балуются коксом и выглядят на свой возраст. Пусть не очень хорошо, согласна... Но не так, как мы, у кого есть возможности кушать дорогие и качественные продукты, пить элитные вина, курить дорогие сигары, отдыхать на лучших курортах мира... Но почему мы выглядим старше, чем наши ровесники? Почему те, кто впервые видят нас вблизи, в ужасе восклицают:

она такая страшная! И старая.... Почему?

Я задумался. Лилитта была права. Меня не раз удивляло несоответствие между глянцевою картинкой и реальностью. Многие звезды действительно старели за считанные месяцы. Не помогали ни дорогие курсы витаминных инъекций, ни пластические операции, ни SPA-процедуры в лучших центрах. Создавалось впечатление, что человек разрушается изнутри и его внешний лоск поддерживают лишь косметические ухищрения и эксклюзивные наряды.

– А я тебе скажу, что происходит! Шоу-биз – это портрет Дориана Грея. Оскар Уайльд понуро курит в сторонке. Все твои гадости, пакости, ненависть, ревность, зависть, все то зло, которое ты причиняешь другим, проявляется на твоём лице. И чем ближе ты на пути к успеху, тем паршивее и старше ты выглядишь. Бойся равнодушных, Саша. Ибо с их молчаливого согласия происходят все преступления на земле. А в шоу-бизе равнодушны все без исключения.

– И вы?

Она грустно улыбнулась.

– Я – не исключение, хотя иногда пытаюсь себя убедить, что у меня есть шанс сохранить свое лицо таким, каким его задумала природа в моем возрасте. Я смотрю на зарубежных актрис и чисто по-женски им завидую. Они очень красиво стареют. Нет, не так. Они очень красиво сохраняют то, что им подарила природа. Получится ли у меня? Не знаю. В последнее время верю в это меньше.

Сквозь тональный крем прорезалась горькая складка.

– Беда шоу-бизнеса в том, что здесь каждый со временем останавливается в собственном развитии. Словно в кому впадает. А я так не могу. Мне нужно двигаться вперед. Все время бежать к намеченной цели. Я чего-то не знаю? Не беда – узнаю, сделаю. Иногда думаю о том, почему мы хотим казаться лучше, чем есть на самом деле. Некоторые мои знакомые покупают диссертации. Все вокруг понимают это, а им не стыдно. Я вот думаю, неужели мне стало бы легче, если бы я назвалась доктором наук? Смешно! Я против этого искусственного позиционирования себя. Если у тебя чего-то нет – надо говорить, что этого у тебя нет. Если ты что-то сделал плохо, надо говорить – да, сделал плохо. Только без самоуничижения. Надо жить все время со знаком «вперед», с позитивным посылом энергетики, никогда не врать себе и не позволять тонуть в похвалах тех, кто ищет рядом с тобой своей выгоды. А такие всегда будут. Бесы-искусители.

Камера в моих руках, казалось, тоже слушала этот монолог.

– Ты думаешь, что все забудут эту историю с Разумовским? И не надейся. Это первый звоночек в твоей карьере звездного фотографа. Будут и другие. А потом как ударит набат, оглохнешь. Сейчас они, как шакалье, будут кружить вокруг, принохиваясь: справишься или нет. Если не справишься – разорвут. Но будь спокоен, Разумовский тебя не достанет. Просто потому

что не успеет. За него это сделают гиены шоу-бизнеса.

– Боюсь попросить... Может быть, вы мне поможете?

– Правильно боишься. Не помогу. И могу объяснить, почему. Чтобы ты принял и разделил мою позицию, а если не примешь, то хотя бы ее понял.

– Я вас слушаю.

– В твоем случае речь зашла о профессиональной гордости. Лично я не люблю ощущение, что мне помогли. Мне нравится все, что не поддается, – так я привыкла защищать Брестскую крепость внутри себя. И того же самого я жду от других людей. Эту проблему ты должен решить сам. Без чьей-либо помощи. И только тогда ты поймешь, чего на самом деле стоишь.

– И все же вы не верите, что это я слил фотографии Минор в прессу.

Она кивнула:

– Не верю.

– Почему?

– Будем считать, что это женская интуиция, помноженная на опыт. Я вижу, как ты снимаешь. Камера в твоих руках – податливее женщины, она влюблена в твои руки, она подчиняется твоему взгляду. Ты – художник, пусть и созданный такой порочной системой, как шоу-бизнес. Но, по сути, это не так уж и важно. Художник, конечно, может быть злодеем. Но это скорее писательская придумка. Для драматизма. И художественного восприятия публики. Хотя какое у современной публики художественное восприятие? В жизни, Саша, все наоборот. В жизни чудес не бывает, даже обыкновенных. А теперь извини, мне пора одеваться.

...

Я вышел из примерки и направился в студию. Перед началом съемки мне разрешили сделать еще несколько кадров. Думаю, фото счастливых лиц в предвкушении настоящего шоу станут хорошим завершающим акцентом репортажа. Я уже видел верстку этих полос, калейдоскоп кадров, где крупным планом – ее глаза. Глаза усталой, но очень сильной женщины. Женщины, которая больше всего на свете ненавидит фразу: «Ты же сильная, ты справишься!»

Мужчин в зале – раз-два и обчелся. Оно и понятно, Лилитта славится острым едким словом, подобным серной кислоте, может опустить в эфире так, что потом об этом позоре не то что село – город будет вспоминать. Причем до самой пенсии, которая, впрочем, вряд ли наступит. Исключительно по причине ранней мужской смертности. Хотя не думаю, что Лилитта такая уж мужененавистница. К мужчинам она относится с типичной женской снисходительностью: знает, что особи это вымирающие, поэтому их надо холить и лелеять. А все остальное в жизни приходится делать самой. И это не феминизм, это правда жизни. Пусть и очень неприятная.

Камера лениво бродила по залу и вдруг вздрогнула.

Показалось или нет?

В одном из рядов я увидел Весту. Она сидела, выпрямив спину и уставившись в одну точку. Что она здесь делает? Чувства, как тропический ливень после долгой засухи, заполнили сердце. Еще немного – и оно выпрыгнет из груди. Интересно, она заметила меня или нет? Я рефлексивно нажал на кнопку, торопливо делая один снимок за другим. Казалось, вот-вот – и Веста исчезнет.

Послышался голос режиссера, отдающего последние команды: выключить мобильные, встретить аплодисментами ведущую, не зевать, не чесаться и по команде задавать интересные и правильные вопросы.

Появилась и Лилитта. Она переоделась! И ее новый образ меня слегка удивил. Словно своим нарядом певица вновь пыталась что-то доказать, а вот кому – мне или себе, не знаю.

В ярко-красном топе и короткой юбке она ничем не напоминала ту женщину, с которой я разговаривал в примерке.

– Здравствуйте. Сегодня мы поговорим о том, что мешает нам жить. О наших комплексах. С вами – я, Лилитта. Искушайте меня в овуляциях.

Ну а мне пора ретироваться. В планах стояла встреча, которая многое должна была прояснить.

16.30–20.00

Оказавшись на улице, я с удовольствием глотнул свежего воздуха. Раньше меня всегда удивляло, почему у всех телевизионщиков землистый цвет лица. Отсутствие кислорода – первая причина. Вторая – хронический недосып и никотин. Именно поэтому меня никогда не привлекала работа на телевидении. Другое дело – развлекательные издания. Здесь я чувствую себя как рыба в воде. Чем больше у тебя друзей-приятелей среди журналистов, тем ценнее информация. А кто владеет информацией, тот владеет миром. Кто сказал? Не помню. Но кто-то очень умный.

Сейчас я направлялся в редакцию журнала Russian Stars. Я давно отказался от сидения в офисе, предпочитая фрилансерство. Если у тебя есть нужные связи, самоконтроль и желание хорошо зарабатывать, то зачем просиживать в душном офисе восемь скучных часов?! За это время можно многое успеть. И при этом не чувствовать, как мимо протекает интересная жизнь во всем ее многообразии.

По пути то и дело я встречал знакомых журналистов. Под предлогом очередной пресс-конференции они спокойно разбредались по своим делам: кто на премьеру нового фильма в «Европейский», кто на показ мод, кто на выставку в «Крокус Экспо», а кто и домой. Для нынешнего журналиста не составит большого труда написать интересный материал на основе интернет-новостей, тем более что сегодня в основном котируются не факты,

а эмоции. И чем больше эмоций и перечисления модных трендов сезона, тем лучше считается материал.

В редакции полным ходом шло празднование дня рождения. Так что я попал с корабля на бал. Мне сразу вручили тарелку со всякими вкусностями, бокал шампанского, к которому я, в принципе, равнодушен, и потащили в кабинет к главному редактору – Роме. Собственно, он и оказался именинником. Рома нехотя оторвался от номера:

– Что принес? У нас как раз две полосы пустые, могли бы сразу в верстку... Торопись, Саша, кризис, по слухам, надвигается нешуточный. Еще пара недель, и у нас прикроют все фрилансерские потоки. Поэтому советую набить мошну потуже. Зима обещает быть суровой. Во всех смыслах.

– А когда я возражал против денег?! – парировал я. – Говори, кого хочешь на обложку. Будет!

– Дай подумать, – он задумчиво почесал в затылке карандашом. – Поди угадай, что теперь людям нравится. Раньше все просто: было пять звезд, их и ставили. По очереди. АБ лет пятнадцать назад влет уходила, да и Леонтьев неплохо котировался. Особенно там, где он голый из воды выпрыгивает. Даже – Пармезона и того умели продать с выгодой для себя. А теперь? Кому-то Пианку подавай, кому-то Димати, кто-то без Салу жить не может. Вот поддались всеобщей истерии и поставили на обложку новоявленного звездунa. До сих пор тираж на складе лежит. Возвраты бешеные. Кого ставить, люди?! Кого вы хотите?

Он посмотрел в потолок. Там красовалось ржавое пятно.

– Соседи залили, когда съезжали, – пояснил он. – Сейчас многие съезжают. За аренду платить нечем. Так кого ставить будем, Нежданов?!

– Сексапильную блондинку.

– А кого они интересуют, эти блондинки? – поморщился Рома. – Кого теперь обнаженкой привлечешь? Совсем народ оборзел – даже голых теток не хочет. Национальная импотенция и национальная же фригидность. Мужики голые тоже не в почете. Ладно, показывай, кто там у тебя в загашнике имеется.

Он вставил флэшку, открыл папку с последними съемками. Я уселся рядом.

– Опять «Стройку-2» снимал? – без особого энтузиазма Рома скачал несколько фотографий. – Эх, проект был, закачаешься. Вся страна смотрела, не могла наглядеться. Что ни герой, то звезда... Но выдохлись.

– Почему? Рейтинги до сих пор неплохие.

– Нежданов, ты меня умиляешь. Рейтинги... За бабло у нас даже у бомжа Иван Ивановича Иванова будет рейтинг похлеще президента. Не мне тебе рассказывать про механизм раскрутки. Все просто, как мычание. Ты даешь деньги – тебе дают рейтинг.

– Народ все равно смотрит.

– Народ у нас и выпуски новостей смотрит вкупе с Региной Аншлаговой

и передачей «В нашу гавань заходили корабли». Говорю тебе, проект сдулся. Ну что они тебе еще могут показать? Любовные муси-пуси? Было. Секс? Было. Драки? Было. Измену? Было. Тюрьма и то была плюс два летальных исхода. Все, аут. Приехали. Ничего нового не выжмешь. Разве что они устроят свальный грех в прямом эфире. Но это все равно не покажут. Цензура.

– А фотки все равно берешь!

– А куда деваться? – он философски пожал плечами. – Вдруг кто-нибудь из них завтра в очередную историю угодит? Или замуж выйдет? Или разведется? А у нас и фото наготове. Фату или фингал пририсовать – плевое дело.

Рома, как всегда, был в своем репертуаре. Циничный прагматик.

– Ты жуй, Нежданов, жуй, подкрепляя свои силы. Хочешь, девчонкам скажу, они тебе еще икры принесут?

– Пока достаточно. А ты чего от коллектива отрываешься?

– Не люблю я днюхи. Особенно собственные. Встанут в круг с бокалами и давай языками чесать: какой я умный, замечательный, талантливый, внимательный. Главное, никто в эту хрень не верит, но вроде как положено добрые слова говорить. А я чувствую себя покойником. Вот купил жратвы и бухла, выставил, музыку включил, рабочий день сократил – пусть ребята отдохнут. А я лучше поработаю. Больше пользы будет. Причем всем. Они все равно схалтурят – знаю их.

Я посмотрел на стенку, где висели два самодельных плаката. Левый – «Наши победы». Правый – «А вот и наш писец!»

Рома хмыкнул:

– Я другое слово предлагал, но барышни у нас незамужние, хороших выражений пока не понимают. Но ничего, семейная жизнь научит.

Насколько я знал, Рома был в третий раз и пока что счастливо женат. Ему виднее.

Я пригубил шампанского «Martini Asti».

Откровенность Ромы импонировала.

– Знаешь, Нежданов, чего я больше всего не люблю?

– Отдыхать?

– Да фиг с ним, с отдыхом. Я не люблю, когда звезды с придыханием говорят о своем творчестве. Вымарываю в интервью сразу. Ну какое, к бесу, творчество?! Нет, ты мне скажи? Приехала девочка из Тьмутараканска, переспала с продюсером, получила простенькую песню, записала. Клип пару раз прокрутили, и вот она – слава. Во всей ее красе. Иду я к ней брать интервью, я – старый прожженный журналюга со вчерашним похмельем и завтрашней язвой желудка. Иду, чтобы попиз... В общем, чтобы поговорить по душам с умным, красивым человеком. И что? Встречает меня юная фемина в неглиже, нога на ногу, сигаретка во рту. И давай мне заливать про свое творчество. А истинное «я» нет-нет да и выпрыгнет, все эти словечки «влезать», «ихний», «одевать» вместо «надевать»... И так тошно, Санька,

становится, что хочется напиться и написать разгромную статью. Приходишь в редакцию и в письмах читателей видишь: «Напишите про нашу Катю-Олю-Таню-Марину-Джюльетту-Барракуду, она самая умная, красивая и талантливая».

– И?

– А что – и? Ты кушай, кушай... Садись и ешь, чувствуя себя проституткой.

– Не хочешь – не пиши.

– Ты мне еще профессию предложи сменить. Кому я в свои сорок с гаком нужен, что я еще умею? Ничегошеньки! Вот так и живешь – в моральных терзаниях, аки тургеневская барышня. А все почему?!

– Почему?

– Потому что физиология рано или поздно все равно возьмет верх над духовным. Сколько ты ни крутись на сковородке собственных рефлексий. Жрать захочешь – забудешь про то, что у тебя есть моральные принципы. Помнишь Михаила Тавригина?

– «Осенний дюшес»?

– Ну да... Говорят, что в тот год, когда он записал этот хит, груши дюшес были самым популярным сортом в Советском Союзе. Корзинами покупали. Когда ему на телевидении сказали прогнуться и полизать жопу того, чья жопа без этого не может, Тавригин их всех виртуозно послал. Потом пятнадцать лет бутылки собирал. Чтоб прокормиться. Во второй раз пришли и указали на жопу – пошел и вылизал до блеска. Теперь счастлив. Когда пузо сыто, то и душа помалкивает. Так я тебе скажу.

Он снова уставился на экран, просматривая фотографии.

– Ничего архивчик! Уважаю тебя! Умеешь найти нужный ракурс. Слушай, а какая Минор получилась, а?! Куколка! У нас этот номер, как горячие пирожки в тридцатиградусный мороз, расхватывали. Я даже потом пожалел, что тираж не увеличили, но разве угадаешь?! Классные фотографии.

– Фотографии классные, а ты их откуда взял?

Рома изумленно на меня уставился.

– Нежданов, ты шампанского перепил и теперь бредишь?

– Я трезв как стеклышко. Откуда ты взял фотки Минор?

– Да ты же мне их и принес!

– Рома, я тебе никаких фоток не приносил. Я их вообще не собирался никому отдавать.

– Почему?

– Договоренность с Разумовским. Отснял – отдал все кадры ему.

– Ничего не понимаю, – судя по озадаченному выражению лица, Рома не притворялся.

– Ты точно уверен, что фотки отдал тебе я, лично в руки?

– Стоп-стоп-стоп... Нет, не лично. Я пришел на работу. Было часов десять утра. Стал подниматься по лестнице. Слышу, у охранника кто-то мою

фамилию называет. Перегнулся... Вроде ты. Волосы светлые. Куртка похожая, рюкзак. Пока спустился, тебя, то есть того парня и девушки уже след простыл. Охранник передал конверт, а там фотки, на обороте твоя печать. Я еще удивился, ты мне сто лет отпечатанные снимки не носишь, знаешь ведь, что сканер не люблю.

– Очень интересно. Подожди, ты сказал, там еще девушка была?

– Ну да... Лица я не разглядел. Парень ее как-то странно назвал... Вроде именем богини какой-то...

Внутри похолодело.

– И как ее звали?

– Веста! Точно – Веста! Редкое имя!

И почему я не удивлен?

20.00–00.00

Какой бесконечный день! И он еще далек до завершения. Впереди еще одно мероприятие: день рождения Сергея Эксмешева в модном клубе «Рай». Тот самый случай, когда не хочется, но надо...

Нет, с Сергеем мы в замечательных отношениях, и я рад его поздравить, но... Просто устал. Мало того, что день безумный, так еще из головы не выходила Веста.

Допустим, Рома мог ошибиться, и злополучный конверт с фотографиями в редакцию принесла другая девушка, а не Веста. Или ее тезка. Но я никогда не верил в случайные совпадения. Случайность – лишнее подтверждение закономерности. Но зачем моей бывшей девушке так меня подставлять? Это же не я принял решение расстаться, а она. Тогда какие ко мне могут быть претензии? Правильно говорят, женская логика порой не поддается объяснению. Ее можно либо принимать, либо нет.

Я еще раз просмотрел кадры, сделанные на телевидении. Без сомнения, это Веста. Караулила меня? Но откуда она могла знать, что в этот день я буду снимать Лилитту? Вроде я об этом не упоминал. Или говорил? Не помню.

Я резко остановился и сделал глубокий вдох. Еще немного, и у меня возникнет паранойя. Куда ни ткни – всюду враг мерещится. Черт, понедельник на исходе, осталось всего шесть дней, а я так ничего путного и не выяснил. Информации так много, что голова пухнет, масса деталей и ничего конкретного. Самое главное из того, что мне удалось выяснить, это что подставить меня мог любой из моих знакомых. Больших усилий для того, чтобы зайти в комнату и вытащить карту, не требовалось. Да и большого ума, если честно, тоже. Однако я и дальше буду топтаться на месте, если не пойму один важный момент: кого все же хотели вывести из игры – меня или Разумовского?

Версия первая. Подставить хотели меня. Тогда круг подозреваемых

сжимается до нескольких человек. Это Костик – мой вечный конкурент, Слава и... Веста.

Мотива для Славы, как я ни старался, придумать не мог. Скорее всего, Париска прав: у Славы имеется зуб на Разумовского, нам же с ней делить нечего: разные полянки для общения и бизнеса.

А вот Костик и Веста...

Тут было о чем поразмыслить.

Возможно, наше расставание прошло для Весты совсем не так, как я предполагал. В конце концов, причин она так и не объяснила. Кто знает, может быть, сам того не желая, я ее обидел? И обида со временем так и не рассосалась. С Костилом Веста была хорошо знакома: я довольно часто брал ее на различные тусовки, и пока я работал, Веста развлекалась и знакомилась с людьми. Красивая, эффектная, она довольно быстро находила общий язык даже с теми, кто считался сложным в общении. Веста могла развязать язык кому угодно. На какой-то тусовке они повстречались с Костилом. И, насколько я мог судить, сразу же понравились друг другу. Не исключено, что как раз Костик и мог стать причиной нашего разлада с Вестой. По времени все совпадает. Наверное, я всегда об этом подсознательно знал, но не хотел верить.

Так может быть, именно Костик и работал курьером на пару с Вестой, разнося по редакциям «конвертики счастья»?! Нагадил в личной жизни, теперь переключился на профессиональную. В принципе, мог, чего уж там скрывать! В последнее время дела у коллеги шли не очень успешно. Заказов становилось меньше, а денег в Москве, как известно, всегда не хватает. С каждой минутой жизнь дорожает. Тем более, если ты уже не первый год сидишь на коксе и тебе на пятки наступают конкуренты, в том числе и я. Хочешь – не хочешь, занервничаешь.

Неплохой мотив – вытеснить конкурента и взять на себя все его заказы. И главное, ведь никто не заподозрит. Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю себя и котов. Себе вредить не будешь, а коты... они и в Африке коты, не то, что люди.

В расстроенных чувствах я подъехал к клубу «Рай». В последнее время это самое модное местечко, где можно проводить всевозможные party, lounges, презентации, локейшены, VIP-тусовки. В принципе, идея, которую взяли для оформления клуба, не так уж и плоха: Адам и Ева, яблоко, змей-искуситель, грехопадение и позорное изгнание из рая. Вечная тема на все времена, трактовок множество, выбирай любую. Оформители клуба выбрали легкий китч. Неплохо. Публике понравилось.

Жизнь любого клуба напоминает жизнь бабочки-однодневки: появляется из сомнительного кокона, весело порхает, радуя взгляд, и сгорает, оставив после себя несколько личинок. С тем, чтобы потом появились новые гусеницы, коконы и бабочки. Так и с клубом. При удачном стечении обстоятельств, хорошей пиар-поддержке и финансовых вливаниях клуб живет

три-четыре года, еженощно собирая толпы разномастных гостей. Но, как ни крути, потом все равно требуется мощный ребрендинг и новая идея.

Ребрендинг же выдерживают далеко не все. Иногда начинаешь вспоминать местечки, модные лет пять-шесть назад, а в памяти – лакуна. Были, и нет их. Сгинули. Своего рода кризис перепроизводства. Клубов много, хороших – мало. Интересных еще меньше. За право стать звездным клубом борются лучшие из лучших.

Народ невероятно избалован: с каждым годом ему становится все сложнее угодить. В клубе ведь что важно? Начинка, идея. Если есть идея, народ подтянется. «Как же так? Все уже там, а я еще здесь. Непорядок». И пошла цепная реакция.

Хорошая идея стоит хороших денег, хороший креатив вообще бесценен. Но в Москве с этим туго, вот и шарят столичные рекламисты по другим городам в поисках молодых талантов. Или в Сети сутками сидят в поисках золотых зерен гениальности. Знаю несколько случаев, когда кто-то из блогеров ради прикола кидал идеи, а ушлые креативщики их подхватывали и воплощали в жизнь. Так появлялись сценарии фильмов, рекламные ролики и телевизионные шоу. Интернет – как космос. Здесь есть все, что тебе нужно. Главное, не потеряться в информации.

В свое время меня зацепила фраза актрисы Ритвиновой: чтобы идея ожила, она должна быть интересной и безумной. Но самое главное – в нее надо поверить. Образ самой Ритвиновой – жеманный, искусственный, был лишним тому подтверждением. Она придумала себя от челки до кончиков алых ногтей. И сумела убедить тусовку, что именно она является эталоном стиля и законодательницей мод. Ей поверили только потому, что она сама ни секунды не сомневалась в собственной легенде. Как там говорил Нежи Лец? Творите о себе легенды, боги делали то же самое.

Тот, кто делал клуб «Рай», не просто поверил в свою идею, он ею жил и дышал. Поэтому и клуб получился таким... Святым и грешным одновременно. Именно это невероятное сочетание и притягивало.

В этот раз фэйс- и дресс-контроль я прошел без проблем. Меня здесь знали: там и тут раздавались приветственные возгласы. Я прикинул: вечеринка только началась, значит, на раскачку уйдет час-полтора, потом можно сделать полсотни снимков и ретироваться по-английски. Дальше задерживаться нет смысла: все будут пьяные и неинтересные. В ближайшее время подвигам папарацци с меня довольно – накушался.

После дня рождения в редакции есть не хотелось. Поэтому я лениво бродил по залу, попивая апельсиновый фреш. Гости приговаривали тарталетки с икрой и накачивались алкоголем. В толпе было немало звезд: Сергей умел поддерживать со всеми ровные дружеские отношения. Даже про своего бывшего продюсера он ни разу не сказал ни одного дурного слова. А ведь мог, с учетом того, что продюсер фактически кинул Серегу, оставив барахтаться одного в бурном море шоу-бизнеса. Но, как показало время,

Сергей не только выплыл, а еще и добился успеха.

– Хороший праздник, правда?

Я обернулся. Везет мне в последнее время на встречи с хорошими людьми. Рядом со мной стояла Камилла – студентка Музыкального училища эстрадно-джазового искусства им. Гнесиных. Камилла пишет потрясающие стихи и музыку. В 2006 году она стала финалисткой реалити-шоу «Быть Сергеем Экссмешевым». Собственно, тогда и началось наше знакомство.

– Рад тебя видеть, – ответил я. – Давно не виделись. Какие успехи?

– Написала замечательную песню. Хочу подарить ее Сергею. Как думаешь, ему понравится подарок? Не хочется в такой день быть банальной.

– Думаю, он будет в восторге. Песни у тебя классные.

Как и положено имениннику, Экссмешев выскочил на сцену и запел. Зал громко подпевал и приплясывал в такт. Не сомневаюсь, что завтра в газетах напишут, что в клубе царил удивительная и душевная обстановка. Еще один штамп. В последнее время среди звезд становится модным устраивать концерты в дни рождения. Одно время я заблуждался, думая, что все дело в деньгах. А потом понял: деньги тут совсем ни при чем. День рождения, как известно, грустный праздник. Ты целый год планируешь, как все будет здорово. Сколько людей тебя поздравят, сколько подарков ты получишь. Но в день рождения все идет совсем не так, как тебе хотелось. Те, кто тебе особенно дорог, как правило, забывают о твоём празднике. Не приходят, не звонят и даже не кидают небрежных sms. Погода портится. Подарки не те и их мало, и в душе наступает горькое разочарование, которое, впрочем, надо от всех скрывать. День рождения на сцене – совсем другое дело. Все заранее оповещены, хочешь – не хочешь, все равно придут – с цветами, подарочными пакетиками, красивыми поздравлениями. Ты купаешься во всеобщей (пусть слегка и надуманной) любви, собирая позитивную энергию и чувствуя себя абсолютно счастливым. Плюс, не остается времени на рефлексию и подведение итогов: какая разница, что ты успел в жизни, если у тебя концерт на носу?!

Так что прав Экссмешев, что поет и принимает поздравления на сцене. Так и надо справлять дни рождения. Вот уж когда словосочетание «виновник торжества» на самом деле соответствует действительности. Я сделал еще несколько кадров, помахал Сергею и неторопливо направился к выходу. Спать хотелось страшно, ноги гудели от напряжения, спина ныла. Глаза покраснели... Красавец, нечего сказать... В этот момент мне было совершенно наплевать на то, что через шесть дней меня могут ликвидировать как творческую единицу. Мне вообще на все было наплевать... Хотелось спать...

– О! Нежданов! – раздался позади знакомый голос. – А я думал, что ты того...

Только не это! Я холодно обернулся.

– Что того, Костик?

Тот заметно стушевался.

– Ну, что у тебя проблемы, и ты их решаешь.

– Проблемы, Костик, решения не имеют. Решения имеют задачи. Не знаком с такой теорией?

– Э-э... Что? Нет... – он лихорадочно искал тему для разговора, но не мог найти. Мозги плавились под коксом. Зрачки совсем черные и блестящие. Словно маленькая бездна. И в эту бездну мне заглядывать не хотелось.

– Шумно тут...

– Вечеринка.

– Ну да, ну да... Слушай, Нежданов, не умею я ходить вокруг да около. Мне с тобой срочно поговорить надо. Но не здесь.

– А где?

– Хотя бы на улице, там потише.

Я вздохнул. Сон откладывался на неопределенное время.

– Что ж, пойдём.

ВТОРНИК

00.00–03.00

Среди моих звездных приятелей многие сидят на коксе. Еще со времен Тарантино это считается интеллектуально-изысканным оттягом. Да что там Тарантино, насколько я помню из университетской программы, вся богема в начале XX века не без удовольствия баловалась кокаином. Обнаженность эмоций, рваный рисунок творческой личности – и прочая дребедень. А по мне, наркотики – они и есть наркотики. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ты можешь уговаривать себя, что в любой момент соскочишь, откажешься от сомнительного удовольствия жить под кайфом... Но только ни ты, ни те, кто рядом с тобой, в это не верят. Наркотики – это слабость и ежедневное разрушение себя. С Костином мы не виделись месяца два, и я удивился, как сильно он сдал за это время. Лицо и волосы тусклые, под глазами черные круги, руки дрожат. При таком треморе ни одного хорошего снимка не получится. Но Костика, похоже, это ничуть не волновало.

Он с трудом добрался до ближайшей скамейки, плюхнулся, достал бутылку пива. Выпил винтом. Я молча ждал продолжения банкета.

– Такое тут дело, Нежданов... Даже не знаю, как тебе сказать.

– Скажи, как есть, – я присел на некотором расстоянии. Ночной московский воздух приятно касался лица.

– Веста пропала.

Будь на моем месте какой-нибудь писака, он бы тут же отметил: «Его брови (то есть мои брови) удивленно поползли вверх».

– То есть как это – пропала?

И Костика прорвало.

Когда он впервые увидел Весту, то решил – эта девушка предназначена ему самой судьбой. Подумаешь, Нежданов – без году неделя в профессии, а он, Костик, настоящая звезда, суперпрофи. Как там в рекламе говорится? Ты этого достойна! Этого, то есть Костика.

И Константин пошел в атаку. Он искал поводы для встреч, и поначалу они находились. Веста встречалась с ним на вечеринках, премьерах, выставках. Но когда Костик осмелился ее поцеловать, разом прекратила назойливые свидания. Константин был в отчаянии. Как раз в это время я перехватил у него выгодный заказ.

– Помнишь, серия концертов была? Типа «песня остается с человеком»?! Это ж хлебное дело! А ты взял и ввинтился в этот проект вместо меня.

– Расслабься, Костик, там никаких бабок не было, один геморрой.

– Да? Врешь ты все, Нежданов. Я за тобой внимательно наблюдал. У тебя все в шоколаде.

– Давай оставим кулинарные ассоциации. Допустим, я перешел тебе дорогу. Веста здесь причем?

– Притом, что я все наврал про тебя! – он выкрикнул слова и уставился на меня с выражением щенячьей покорности.

– То есть?

– Ты тогда в Европу укатил. А ей позвонить забыл. Помнишь?

Я вспомнил. Это была сумасшедшая поездка, которая решилась за считанные часы. Отказаться от нее я не мог. Промо-тур Димы Вилана. Это был реальный шанс войти в когорту лучших фотокорров. И мозги, что называется, закоротило. Визу мне выдали за два часа, за час я собрался и полетел в аэропорт. Забыв обо всем, в том числе и о Весте. Улетел я в день ее рождения. И не позвонил.

– Вот именно, не позвонил, а она в этот вечер, кроме тебя, никого не приглашала. Романтический ужин... И где они берут все эту ерунду про романтический ужин? Креветки, моллюски, розы и свечи. Не знаешь?

– Не знаю.

– Ну вот. Ты уехал, она осталась. И позвонила мне.

– А ты?

– А что я? Примчался. На крыльях любви. Только крылья мои не потребовались.

– Почему? – каждое слово камнем ложилось на сердце. Мне было трудно дышать. Впервые за это время я начал понимать, что именно разлучило нас с Вестой.

– Потому что никакой любви ей в тот момент было не нужно. Ревела она, понимаешь? А я ее пытался успокоить. И в какой-то момент решил, что это идеальный случай, чтобы вас разлучить. В общем, я сказал, что ты улетел не один. И что давно встречаешься с другой.

– Что?

– То! То самое! И она поверила! С первого слова. Вытерла слезы и сказала, что она обо всем и раньше догадывалась... А потом мы пили до утра... Ты когда-нибудь видел, как обиженная женщина накачивается шампанским в свой день рождения?

– Не видел.

– И не желаю тебе. Жуткое зрелище.

– Значит, вы после этой ночи стали встречаться?

– Не этой. Другой. Она ведь не сразу от тебя ушла.

– Но ушла. К тебе.

– Ты не прав. Вместе мы не жили. Так, встречались, когда она этого хотела. Я настолько втрескался, что был на все согласен. А сегодня она пропала. Телефон отключен. Дома ее нет. Я нигде не могу ее найти.

– Вы поссорились?

– Можно и так сказать. Я просто сказал, что все тогда про тебя придумал. А она как с цепи сорвалась. Думал, убьет меня.

– А зачем сказал? Все равно уже все быльем поросло, – хотелось курить, хоть я и не курю, и выпить, хоть я и не пью. Хотелось впасть в летаргию и проснуться только тогда, когда наступит хеппи-энд. Или не наступит.

– Для тебя, может быть, и быльем, – мотнул тяжелой головой Костик. В отличие от меня, он был пьян. – А она так и не успокоилась. Ненавидела тебя жутко. Мне так кажется. Это даже стало какой-то манией. Каждое утро начинала с того, что просматривала твой дневник. Где ты, с кем ты, что ты... Перезнакомилась под чужим ником со всеми твоими друзьями... А потом эти снимки...

– Какие снимки?

– Наташи Минор. Она принесла мне твою флэшку и попросила распечатать снимки в нескольких экземплярах. Я, дурак, и распечатал. Целый день по редакциям ходили с ней вместе. Она смеялась как ненормальная и приговаривала: «Так ему и надо».

Могла ли Веста так меня ненавидеть? В голове не укладывалось.

– А вчера я про Разумовского узнал. И честно скажу, Нежданов, мне плохо. Ты-то все равно выкрутишься. Ты у нас такой... всегда на четыре лапы приземляешься. Везунчик. А меня он, если узнает, сожрет. Я и так на грани... Подтолкни кто, упаду. Вот я к Весте и помчался. Дескать, у кого фотки взяла? Она молчит. Курит и молчит. А глаза безумные. Тут я все ей и выложил. Мол, никогда ты ей не изменял. И даже звонил ночью... Только она пьяная была... А я твой звонок и sms стер...

– И что было дальше?

– А что? Она встала. В ванную ушла. Вернулась одетая, побросала какие-то вещи в сумку и вышла. И с тех пор я не могу ее найти. Нежданов, миленький, что делать-то?

Будто я знал...

Но Костик, казалось, думал иначе. Переложив на мои плечи проблему, он вздохнул с облегчением и... заснул тут же на скамейке, обнимая камеру. У меня мелькнула мысль, что нужно проявить сострадание: вызвать такси, довезти коллегу до дома... Но мелькнула и пропала. Ты сам себе враг, Буратино, ты сам себе враг. В конце концов, я не участвую в конкурсе на звание самого лучшего гуманиста в мире.

Поэтому я вызвал такси себе. Доехал до дома и, не раздеваясь, рухнул в кровать. Обо всем я подумаю завтра, то есть уже сегодня.

Неважно.

Спать...

Спать...

Спать...

10.00–14.00

Одно из преимуществ работы фрилансера заключается в том, что ты просыпаешься тогда, когда хочешь, а не тогда, когда надо. Бывают, конечно, исключения, но они лишний раз подтверждают правила.

Я проснулся в десять утра. С ощущением полной безнадёги. Словно меня против воли затянуло в какой-то мрачный лабиринт, из которого я не видел выхода. В полдень в «Метелице» была назначена пресс-конференция, но торопиться не хотелось. Если я подъеду к часу, как раз успею к самому началу. Пресски в Москве – дело долгое и уже мало кому интересное. Однако игнорировать подобные мероприятия позволяют себе немногие: чем реже ты мелькаешь в тусовке, тем быстрее тебя вычеркивают из списков звездных журналистов. А попасть в такой список – очень много желающих.

Ехать я не хотел еще и потому, что в этот день была намечена презентация нового альбома группы «Шоколадки». Девочки появились на звездном олимпе совсем недавно, но уже зазвездились по самую маковку. Находиться рядом с ними было очень неприятно.

Месяц назад я наблюдал такую картину. Поклонницы группы с цветами и плюшевыми игрушками ждали своих кумиров два часа под проливным дождем. Те появились в дурном расположении духа. По дороге к автобусу грубо отталкивали девчонок: «Чего столпились, дуры? Не видите – мы идем!» Фанатки, видимо, подумали, что ослышались. Стали слезно просить автографы. В ответ услышали отнюдь не звездные выражения. «Шоколадки» тем временем гордо продефилировали до автобуса, оставив своих поклонниц мокнуть под дождем. Меня поразило такое хамство.

Я отчасти понимаю резкость звезд первого эшелона, которые после тяжелого концерта закрывают дверь в примерку, не желая фотографироваться с назойливыми поклонниками. У каждого есть право на личную

дистанцию и на то, чтобы побыть одному. Но хамство юных созданий, которые еще не состоялись в профессии, я не понимаю. Да, у некоторых из них есть способности, но способности – еще не талант. Их жизненный опыт ограничен парой гастролей и десятком светских тусовок. Они – пластилин в руках продюсера. Захочет – вылепит что-то пристойное, не захочет – выбросит на улицу.

Так почему они уверены, что обладают правом хамить другим?! Что это? Звездная болезнь? Коктейль славы, ударивший в голову? Или просто результат плохого воспитания? Или, может, всем этим девочкам и мальчикам затуманила мозги ротация на ТВ? Но ротация, как известно, рано или поздно заканчивается.

Застегнутый Врасплох (10:15)

Рад вас видеть. Утро доброе? Как, впрочем, и всегда?

Watchman (10:15)

Конечно. Любое утро, как, впрочем, и день, и вечер, добрые.

Застегнутый Врасплох (10:16)

Вашему позитиву можно только позавидовать. А я, похоже, в тупике.

Watchman (10:17)

И как вы там оказались?

Он явно иронизировал, но мне было не до шуток.

Застегнутый Врасплох (10:18)

Сложно сказать, но это самый тупиковый тупик из всех тупиков.

Watchman (10:19)

Самый тупиковый? Ваш пессимизм удручает. Помните, что было написано на кольце царя Соломона? Пройдет и это. Проходит все: и плохое, и хорошее.

Застегнутый Врасплох (10:20)

Хорошее почему-то заканчивается быстрее.

Watchman (10:22)

С таким настроением вы не добьетесь успеха. Успех, как и удача, любят оптимистов.

Застегнутый Врасплох (10:23)

Оптимист – это тот, у кого стакан всегда наполовину полон?

Watchman (10:23)

Оптимист – это хорошо информированный пессимист. Так, на мой взгляд, лучше. Вы накручиваете себя, вместо того чтобы спокойно подумать о ситуации. Может, есть смысл переключить внимание и немного развешаться? Какие у вас планы на сегодня?

Застегнутый Врасплох (10:23)

Собираюсь на пресс-конференцию. Группа «Шоколадки» представляет свой новый альбом.

Watchman (10:24)

«Шоколадки»? Я недавно смотрел сериал с их участием, ради интереса прослушал песни.

Застегнутый Врасплох (10:25)

И что вы скажете? Хотелось бы знать мнение профессионала. Я знаю, что вы профессионал, Watchman. Это не скроешь даже в Сети. Поэтому мне интересно ваше мнение. У «Шоколадок» действительно есть шанс задержаться на Олимпе?

Watchman (10:26)

Один на миллион. Но как вы знаете, иногда и он выпадет.

Застегнутый Врасплох (10:27)

То есть в дальнейший успех этой группы вы не верите?

Watchman (10:28)

Смотря что понимать под успехом. Быстрая популярность – это успех? Если да, то верю. А вот для долгоиграющего проекта эти девочки не подойдут. Они – однодневки. Можно поддерживать интерес публики скандалами, пиаром, эпатажем, но рано или поздно весь этот набор публике надоест. Жаль, что «Шоколадки» этого не понимают.

Застегнутый Врасплох (10:29)

Когда поймут, будет поздно. Сколько у нас в стране искалеченных артистов, которые еще вчера были в зените славы, а сегодня канули в Лету. А ведь это может произойти с каждым.

Watchman (10:33)

А что вы хотите? У всего есть своя цена. А шоу-бизнес запрашивает непомерную цену. Кто-то платит отсутствием любви, кто-то – семейным благополучием. Случается и кое-что похуже. В этом плане шоу-бизнес невероятно изобретателен.

Застегнутый Врасплох (10:34)

Вы так говорите, будто действительно имеете отношение к этому?

Возникла пауза. Несколько раз он начинал сообщение, но, видимо, стирал, так как аська не мигала. Я терпеливо ждал, понимая, что впервые за все наше знакомство перешел за «красные» флажки. Watchman никогда и ничего не рассказывал о своей жизни. Я не знал ни его возраста, ни его профессии, ни места жительства. Он, как призрак, возникал в Сети и затем исчезал, порой на недели, а то и месяцы. Но за ником, который я перевел как «Хранитель», скрывался умный, знающий и, пожалуй, одинокий человек. Человек, который много видел и много испытал.

Watchman (10:35)

Я понимаю ваше любопытство, Саша. Но мне бы не хотелось раскрывать свое инкогнито. Скажем так, я действительно хорошо знаком с шоу-бизнесом. Знаю его изнутри, не понаслышке. И я не последний человек в этой системе. Знаю вас лично. Мы с вами не раз и не два пересекались. Но... давайте закроем эту тему.

Сказать, что я был заинтригован, значит, ничего не сказать. Но какой смысл давить на человека, если он ничего не хочет говорить?

Застегнутый Врасплох (10:36)

Хорошо. Тему закроем. Но если вспомнить, с чего мы начали... Как жить, если твоя минута славы закончилась, а другой не предвидится?

Watchman (10:36)

Есть хорошее древнее изречение: делай то, что должен, и будь что будет. За минутой может прийти другая, а за ней целый час... Главное, не тратить время на мелочи. Их и так много в нашей жизни.

Застегнутый Врасплох (10:37)

Думаю, что это относится и к моей ситуации. Запомню. Вы снова подсказали мне правильное решение. И еще вопрос – хамство звезд. Откуда оно берется?

Watchman (10:39)

От воспитания, гордыни, снобизма и обыкновенной человеческой глупости. Слава – коварная вещь. Достигнув ее, человек меняется, он убеждает себя, что теперь он особенный, избранный. Избранность всегда возбуждает. Это своего рода наркотик. Если ты избранный, то тебе позволено все. В том числе и хамство.

Застегнутый Врасплох (10:40)

Понимаю... Они уверены, что благодаря таланту и славе на многое можно закрыть глаза.

Watchman (10:43)

Талант – не разменная монета. Он либо есть, либо его нет. Но... иногда он заканчивается. Почему, отчего – никто не знает. Однажды ты просыпаться и понимаешь: все, ты вышел в дамки. В тебе больше нет той самой искры, которая выделяла из толпы и делала особенным. Хамство всегда обнажает истинную суть человека. В какие-то минуты мы можем сорваться на грубость, но ведь можем и извиниться, не так ли?! Хамство постоянное – диагноз.

Застегнутый Врасплох (10:44)

Но ведь с хамами приходится общаться!

Watchman (10:45)

Зачем?

Застегнутый Врасплох (10:45)

Хотя бы по работе, вот как мне сегодня.

Watchman (10:45)

Хам изначально слаб и неуверен в себе, и свои комплексы он компенсирует грубостью и снобизмом. Интеллигентный и умный человек не позволит себе опуститься до оскорблений. А поскольку хам слаб, то и жертв он себе выбирает слабых – тех, кто не может ему ответить. Учитесь противостоять хамству, Саша. В жизни это обязательно пригодится. Что ж, мне пора. Удачи вам!

Я выключил компьютер и нехотя стал собираться на пресс-конференцию. Несколько раз попробовал набрать номер Весты, но в ответ слышал стандартную фразу: «Абонент отключен или находится вне зоны действия сети». Что ж, позвоню чуть позже.

После ночного разговора с Костиком хотелось верить в то, что Веста так или иначе проявится. Осознав свою ошибку, она найдет способ ее исправить. Такой уж она человек. С обостренным чувством справедливости. Думая, что я ее предал, она решила меня наказать. Но предательство, как выяснилось, существовало лишь в ее воображении. А значит... Значит, как минимум ей нужно попросить у меня прощения.

Но именно поэтому я и беспокоился. Не за себя, за нее. Ситуация с каждым часом казалась все более запутанной и угрожающей. Сама Веста никогда бы не решилась провернуть подобную авантюру, значит, кто-то, зная о ее обиде, подсказал ей, как можно меня подставить. Обиженная женщина способна и не на такое. Но карту Веста забрать из камеры не могла. Не было ее на той вечеринке. Костик тоже не брал. В этом вопросе я верил ему безоговорочно. Тогда кто? Круг постепенно сужается. Больше всего я боялся, что организатор этой подставы решит убрать Весту. Если еще не убрал.

Об этом мне вообще думать не хотелось. Никогда себе не прощу, если выяснится, что Веста попала из-за меня в беду. Пусть и косвенно. Несмотря на то, что между нами произошло, она до сих пор была для меня близким и дорогим человеком.

Уже в прихожей услышал звонок. Странная штука – телепатия: еще не ответив, я уже знал, кто звонит.

– Сашуль! – в голосе мамы я уловил тревогу. – У тебя все хорошо?

Я тут же натянул маску успешного и довольного жизнью человека.

– Да, мам, все отлично. Как всегда, куча дел и масса встреч.

– Врешь ведь, – сказала она тихо. – Чувствую, что врешь маме.

– Почему ты так решила?

– У меня сердце не на месте. Еще с воскресенья... Болит за тебя. И Веста еще сегодня приснилась. Нехороший сон. Вот и решила тебе позвонить.

Вот и не верь после этого в материнскую интуицию! Беда в том, что родным людям я врать не умею. И они это знают. Что мама, что брат. Иногда меня раздражает, что ко мне как к младшему относятся. Какой я младший? Вон здоровая детина какая вымахала. Понятно, что Тоха, мой старший брат, всегда будет тем самым большим Неждановым, но, тем не менее, я давно уже не маленький мальчик...

Хотя умом понимаю, что более любящих и заботливых людей в моей жизни не будет. Разве что женюсь когда-нибудь. Это еще одна тема, которой мы с мамой стараемся не касаться. Пока... Рано мне жениться. Хотя бы потому, что не встретил ту единственную и неповторимую, которую бы

смог полюбить и которая понравилась бы моей маме. Я снова отогнал неприятные мысли о Весте.

– Мам, ну что ты... Все хорошо! Честно-честно... Ты же знаешь, что я не пропаду. Ну, есть кое-какие сложности, но они решаемы.

– Личные или профессиональные?

– Профессиональные.

Мама немного успокоилась. Ее больше волновали мои личные дела. После разрыва с Вестой она поддерживала меня как могла – тактично, тонко и деликатно. Я оценил и то, что она не сказала ни одного плохого слова в адрес моей бывшей девушки.

– Хорошо... Услышала тебя, и стало легче. Ты когда в Питере будешь?

Я мысленно прикинул свое расписание. Через две недели поездка в Европу. До этого надо успеть сделать несколько важных съемок. Если, конечно, с господином Разумовским мы все-таки придем к какому-то согласию, и я останусь жив.

– На следующей неделе. Денька на два смогу вырваться.

Она вздохнула.

– Буду ждать. Антон про тебя спрашивал. Тоже волнуется.

– Передавай ему привет.

Мы тепло простились. Жаль, что маме нельзя рассказать про эту ситуацию: она наверняка могла бы мне что-нибудь посоветовать. Но волновать ее не хотел. Я и так причинил ей немало боли в жизни. Начиная с того, что ушел из дома в 19 лет. Мой демарш мама восприняла тяжело, я бы даже сказал, мучительно. Мне тогда хотелось, чтобы мир прогнулся под меня. Юношеский максимализм по полной программе. Чувства близких людей казались если не смешными, то несколько наигранными. Зачем волноваться? Я же взрослый. Я снимаю квартиру и живу так, как считаю нужным. И никто мне был не указ. Помню, я как-то пришел с одной из ночных вечеринок и обнаружил возле подъезда старшего брата. Он как раз вернулся из плаванья. Антон молча кивнул: мол, присаживайся, разговор есть. Я привык, что старший брат мне как отец. Он всегда со мной гулял, помогал, чем мог. И в глубине души мне хотелось быть на него похожим. Я легко принял его жену Маришку и любил бывать у них дома. Но, обычно веселый и заводной, Тоха в тот день был мрачен и серьезен.

– Нагулялся?

В ответ улыбка до ушей. Я чуть ли не впервые побывал на VIP-тусовке, увидел многих звезд, и теперь меня распирало глупое желание поделиться: А АБ – она, знаешь, какая? А Мармеладзе – он, знаешь, какой?

Однако брату все эти детали оказались неинтересны.

– Ты что с матерью делаешь? – он говорил тихо, но мне вдруг стало страшно. Так он со мной еще не разговаривал. – Ты хоть знаешь, что с ней сейчас творится?

– А что?

– Не строй из себя дурачка! То самое! Она ночей не спит... Ты когда ей в последний раз звонил?

– Недавно.

– Две недели для тебя – это недавно?

Я хотел сказать, что время летит слишком быстро, и ты не то что позвонить, ты жить не успеваешь. Однако вовремя прикусил язык. Разве это оправдание?

– Мама у нас с тобой одна, Саша, – брат посмотрел мне прямо в глаза. – Не оставляй ее и не забывай. Только в наших силах – твоих и моих – сделать ее счастливой. Разве это так мало – дарить радость маме?

Я промолчал. Вопрос риторический.

– Вспомни, Саш, когда ты был совсем маленьким, она работала на четырех работах, даже в детский сад устроилась, чтобы быть как можно ближе к тебе, чтобы ты не чувствовал себя одиноким и беспомощным. И ты всегда знал, что бы ни случилось – мама рядом.

Ты всегда был хорошо одет, мама старалась дать себе самое лучшее. Заметь, не ради себя, а ради тебя. А это очень большая разница. Есть родители, которые воспитывают детей для себя. Их большинство. Они живут в уверенности, что ребенок им должен за потраченные годы, силы, нервы. Но есть такие, как наша мама, для которых самое важное – открыть ребенку его самого. Разве подаренный тебе мир это так плохо?

Помнишь, ты захотел пойти в школу, и она тебя записала в первый класс, хотя все вокруг понимали – рано, программа тяжелая, но для мамы на первом месте было твоё желание. И что она получила в ответ? Ты каждое утро кричал, что не хочешь идти в школу. А она часами сидела с тобой, чтобы сделать математику, в которой ты ничего не понимал. Ты капризничал, отказывался решать задачи... Но мама терпеливо сидела с тобой, хотя валилась с ног от усталости.

Когда тебе исполнилось шестнадцать лет, ты все свое время проводил с друзьями. Это неплохо, Сань, когда у человека много друзей. Но плохо, когда они замещают тебе твою семью. Запомни, Саш, в трудные минуты тебе поможет только мама. Вне зависимости от обстоятельств она всегда будет на твоей стороне. Не друзья, не приятели, не твои новые звездные знакомые – она. Мама плакала на твоём выпускном вечере, а ты в благодарность ушел из дома.

– Тоха... Может, хватит, а? Я все понял.

– Что «Тоха», Саш? Я ведь знаю, что будет дальше. Ты уедешь в Москву, войдешь во вкус, будешь путешествовать по миру, пропадая месяцами. Когда она попросит побыть с ней, ты скажешь, что у тебя нет времени. Или обещаешь и забудешь. А если она даст тебе совет, ты попросишь не вмешиваться в твою личную жизнь. И со временем вы станете ограничиваться дежурными звонками в день рождения и под Новый год.

– Ты несколько сгущаешь краски, – попробовал я возразить. – Все не так

страшно. Да, я немного занят, но...

– Я говорю то, о чем думаю. Точнее, то, чего я боюсь. Мне бы очень не хотелось, чтобы так произошло у вас с мамой, у тебя со мной. Вечная занятость, Саша, – это не временное состояние, а стиль жизни. К этому очень быстро привыкаешь. Отговорка «у меня нет времени» – удобная штука. Вроде как и не придерешься: занят человек, не может выкроить в своем расписании время для общения. Но именно так мы и теряем близких людей. Если однажды мама уйдет, перед тобой закроется одна из дверей рая. Никогда не злись на нее, не говори слов, которые могут расстроить ее или разбить ее сердце. Мама – это мама, и она у тебя одна, понимаешь?

Одного разговора оказалось достаточно. В тот же день я позвонил маме. Мы честно и откровенно поговорили. Впервые за долгое время. Никто никому не давал безумных и невыполнимых обещаний, никто не ограничивал ничьей свободы. К чему слова, если ты и так все чувствуешь и понимаешь?! Я вдруг осознал, как мне дороги мои близкие и что из-за собственной глупости я мог бы потерять их доверие и любовь.

Впоследствии, несмотря на безумный ритм жизни, я не забывал появляться в Питере. Более того, со временем, после окончания СПбГУ, только мама и связывала меня с Петербургом. Она всегда меня ждала. Это очень важно, когда где-то тебя любят и ждут.

Как всегда, после разговора с мамой я успокоился. Стало легче на душе. Не знаю, как у нее это получается, но мама всегда дает мне уверенность, что все у меня получится.

Теперь я знаю, что все будет хорошо. Ну что ж, пора на встречу с «Шоколадками».

...

«Шоколадки» до уровня «Метелицы» пока не дотягивали, поэтому давали пресс-конференцию в одном из новых кафе: так сказать, разговоры и фуршет в одном флаконе. Девочки сидели, развась на стульях и пуская пузыри жевательной резинки. Ну как же, звезды. Я сделал несколько портретных снимков, отстраненно отметив, что верстальщику придется в фотошопе поработать: прыщики не скрывал даже тональный крем. Журналисты откровенно скучали, поглядывая на накрытые столы. Вопросы задавались мучительно, словно из-под палки. Иногда случается и такое. Я отметил, что ни одна из столичных акул пера так и не посетила это мероприятие. Ограничились стажерами.

Среди смутно знакомых лиц я увидел Катю Гордееву и, радостно улыбаясь, направился прямо к ней.

– Привет? Ты-то какими судьбами здесь?

Она пожала плечами.

– Зашла ради интереса. Всегда любопытно, как работают...

– Конкуренты?

– Коллеги, – мягко поправила она меня и взяла стакан сока.

С Катей я знаком давно. Она организовала центр по встрече с артистами, и дело пошло. Раз в месяц в центре появляется звезда. Катюшка не раз мне помогала в Москве, я же в свою очередь подкидываю полезную информацию: куда поехать, как познакомиться, как вписаться в тусовку. Поэтому я был рад увидеть ее здесь.

– Что, никак не раскачаются? – я кивнул в сторону «Шоколадок».

– Звездят много. Не по статусу. Сам знаешь, хорошая пресс-конференция во многом не от нас, журналистов, зависит, а от самого артиста. Если он интересен, и разговор будет интересным. Если двух слов связать не может, то какие наши проблемы?

– Именно наши, Кать, – не согласился я. – Или его пресс-секретаря. Хотя с последними в Москве нынче совсем беда. По пальцам можно пересчитать профессионалов. Даже пресс-релизы разучились писать. Позорище! Теперь нам за звезду надо придумать чего-нибудь умное и актуальное, причесать его псевдомысли, пригладить их и в журнале тиснуть. Чтобы всем было хорошо.

– Противно, – Катя пила апельсиновый сок маленькими глотками и с тоской смотрела на юных звездочек. – Ты только послушай, ни одного вразумительного ответа.

– Скажите, а есть ли у вас кумиры в литературе? – наконец кто-то из стажеров сформулировал вопрос.

– Особых кумиров нет. Мне очень нравится творчество Шекспира, особенно «Ромео и Джульетта», перечитала много раз. Уважаю. А так, чтобы влюбиться в творчество какого-то одного поэта, – этого нет, – ответила одна из «Шоколадок».

– Кошмар! – прокомментировала Катя.

– Ты неправа. Девочка знает Шекспира. И даже «Ромео и Джульетту» читала несколько раз. Можно сказать, продвинутая певица.

Возле нас раздались смешки.

Я сделал еще пару снимков, и мы с Катей прочно обосновались у стола. Поздний завтрак – не так уж и плохо, тем более, когда на столах так много вкусностей.

– До того как я познакомилась с тобой, – Катя изящно подцепила канapé, – я всегда думала, что звезды – умные, образованные люди. Вон сколько красивых цитат, афоризмов, ценных мыслей в каждом интервью. А теперь понимаю – мишура все это. Иллюзия.

– Тебя это напрягает?

– Теперь уже меньше.

– И правильно. Мы для них обслуживающий персонал. Есть единицы нормальных, вменяемых людей, с которыми можно поддерживать хотя бы не дружеские, но приятельские отношения. Большинство же уверены – мир крутится вокруг них. Это...

– ...шоу-бизнес, детка, – закончила нашу любимую фразу Катя. – Но ведь люди верят.

– Ну и что? Люди верят в Бога, в черта. В судьбу и в стабилизационный фонд России. Это их право. Что плохого, если какая-нибудь девочка из Тьмутараканска увидит эту звездную Лену-Свету-Машу-Катю и решит быть, как они?

– Хотя бы то, что их образ придуман.

– Катюш, мы все в какой-то мере придумываем себя. У каждого целый арсенал масок. С одними людьми ты одна. С другими – совсем иная. Это не плохо, не хорошо, это есть. Так же и звезды. Да, мы придумываем их. Но для кого-то придуманный образ становится настоящим спасением.

– Но ведь зритель может и разочароваться, столкнувшись со звездой в реальности...

– Это право зрителя. Ах, обмануть меня несложно, я сам обманываться рад... Пушкин, и тот не гнушался самообманом, чем мы хуже?!

– Ничем.

– Вот видишь. Другое дело, что с каждым новым поколением звезд все сложнее и сложнее придумывать им легенды. В творческом анамнезе полный ноль. Ни образования, ни опыта, ни воспитания, ни врожденного чувства меры... Вкус, и тот отсутствует. Вот и лепим кого попало. Но ведь пипл-то хахает и просит еще добавки. Значит, у него, у пипла, все в полном порядке. И его вполне устраивают звезды, которые есть.

– И тебе не противно?

– Когда я хотел попасть в шоу-биз, мне он представлялся едва ли не сказкой. Эдакий эстрадный Голливуд. Красивые люди, красивая жизнь, множество интересных проектов. И первое время я ходил, не веря своему счастью, – я очутился в этом волшебном мире. На деле все оказалось совсем иначе. Знаешь, у меня был шок, когда я впервые снимал сборный концерт... Звезды пили, ругались, обсуждали, кто с кем спит, баловались наркотиками... Шоры с глаз упали. Это обратная сторона шоу-биза. И она никуда не денется. Твое право – понять и принять ее или уйти.

Это шоу-биз, детка!

14.00–23.00

На сегодня у меня намечена домашняя съемка у Яны Рудовской. В последнее время этот жанр стал одним из самых модных. Звезды с гордостью демонстрируют свое жилище. Порой как самое лучшее достижение в своей жизни. Как ни крути, но собственная огромная квартира в центре Москвы или особняк на Рублевке – признак социального статуса и престижа. Если у тебя есть свой собственный дом, считай, ты уже добился многого.

Каждый второй артист настаивает, что дизайн квартиры был придуман

им самим. «Вот эту полочку я сам прибил, а декор ванной комнаты (коридора, кухни, спальни) навеян моими эротическими фантазиями. Вам нравится? Правда? Нет, только честно: вам действительно нравится? Если скажете «нет», то я не обижусь». Врет! Еще как обидится! Поэтому не дай вам бог сказать что-то нелестное о полочке, диванчике, собачке, рыбке, крокодилчике... Хвалите – и в ответ вы получите эксклюзивные кадры.

Сам я никогда не отказываюсь от таких съемок. Во-первых, это деньги. Причем деньги быстрые и реальные. Таких фотографий больше не будет ни у кого, значит, их можно выгодно продать. Хотя бы той же звезде. Артисты нередко выкупают всю съемку, если она им понравилась, для семейного архива. Мне не жалко. Если деньги хорошие. А не понравится звезде, вон сколько голодных изданий вокруг, охочих до подробностей частной жизни. Причем подробностей отредактированных и приглаженных. Следовательно, никаких судебных исков, все счастливы и довольны.

Во-вторых, в домашнем интерьере человек раскрывается намного быстрее, чем в профессиональной студии. Видимо, на всех действует принцип: мой дом – моя крепость. Звездные заморочки артисты оставляют за порогом: дома они мягче, интереснее, без той нервозности, которая, так или иначе, присутствует на публике. На своей территории они почти ручные, только что не мурлычат. И это подкупает. Поэтому и снимки получаются многоплановые и интересные.

В-третьих, покажи мне свой дом – и я скажу, кто ты. Точнее, можно ли дальше с тобой работать и дружить. Дом – он ведь как изнанка души, все видно, ничего не спрячешь. Даже выбранный интерьер говорит о многом.

Хай-тек выбирают индивидуалисты, помешанные на себе. С этими все понятно: чем больше говоришь о них, тем проще съемка. Главное в процессе не увлечься и не задеть стеклянный стол на прямых уродливых ножках.

Восточные мотивы – японские, китайские, тайские – выбирают, руководствуясь разными причинами. Кто-то действительно не мыслит себе жизни без йоги, дзен и конфуцианства. И даже понимает разницу между первым, вторым и третьим. Но, как правило, звезды гонятся за модой, и интерьер получается лакированным и безликим. Тот, кто устанавливает рамки для себя, устанавливает их и для других людей. Пока ты держишься в оговоренных пределах, все в порядке. Но стоит позволить себе лишнее, и тебесию минуту откажут от дома.

Любители эклектики – когда в одной квартире намешаны все стили – сложны и непредсказуемы, суетливы и мнительны. Они никогда не знают, чего хотят, поэтому съемка получается длинной и сумбурной. И, как правило, твой самый лучший кадр почему-то оказывается «смазанным».

Мне нравятся сторонники минимализма: минимум вещей, все хорошего качества и на своих местах. С такими проще всего: они предельно конкретны. Снимаются быстро, весело и с долей креатива. Правда, минимальной.

Хуже всего работать с любителями антиквариата. Не знаю, как вы, но я

не люблю старые вещи, которые, по слухам, принадлежали членам императорской фамилии или самому Шаляпину (не Прохору, уверяю вас, а тому, единственному и настоящему Шаляпину). Меня всегда пугала чужая аура. Возможно, ты даже сначала ее и не чувствуешь, но со временем она незаметно приобретает над тобой непонятную и сильную власть. Аура давно умерших людей окутывает твою собственную жизнь, влияет на твои мысли и поступки. К чужим вещам нужно относиться очень осторожно. Но кто сегодня это понимает? Вот и покупают бронзовые обелиски, ставят их посреди гостиной, выдавая за последнюю работу Родена. Гости цокают языком. Кивают и завидуют. Наутро бегут в соседний антикварный бутик и приобретают такое же бронзовое чудовище, приписываемое, правда, Микеланджело. Да какая разница?! Главное, чтоб было!

В таких квартирах я задыхаюсь. На фоне антикварных купидонов снимаю раскрашенных людей с глянцевыми улыбками и понимаю, что ненавижу и тех, и других. За этот китч, необразованность, отсутствие вкуса. Но так же глянцево улыбаюсь. Снимаю толстых избалованных детей, чья заслуга лишь в том, что их папа или мама достигли небывалых эстрадных высот, и теперь у них есть все, что только душенька пожелает. Хочешь – пони, хочешь – кровать с балдахином, хочешь – телохранитель. А не нужен телохранитель, добудем слона. И рядом папа или мама столь же слащаво улыбаются, демонстрируя, как у них все звездно и хорошо. Почему-то такие дома – с собственными бассейнами, спортзалами, галереями и кинозалом – выводят меня из себя. Я не понимаю богатства, выставленного напоказ. То, что на Западе воспринимается естественно, у нас приобретает гротескные, почти уродливые формы. И самое удивительное в том, что со временем это богатство перестает доставлять удовольствие.

Когда я выхожу из таких домов, почему-то всегда думаю об актерах, вынужденных умирать в нищете. Видимо, талант до сих пор в нашей стране не в чести. Сегодня он никому не нужен. Все решают связи, постель и удачное стечение обстоятельств. Но и это шоу-бизнес, где каждый сам за себя. И если тебе не повезло, то... Тебе просто не повезло. Запиши себя в разряд неудачников и расслабься. Возможно, удача еще постучится в твой дом.

Яна Рудовская к числу неудачников никогда не принадлежала. Она из тех, о ком говорят: он родился в счастливой рубашке. Ей все удается. Может быть потому, что она знает, чего хочет. А это, поверьте мне, дано не каждому. Многие из нас давно запутались в собственных желаниях, меняя их, как перчатки. А мечта-идея, как говорил Василий Шукшин, должна быть одна-единственная. Тогда она и сбудется.

Вот поставила Яна на Диму Вилана и выиграла. Вопреки всему. Я помню тот экстаз, который царил на «Евровидении». Что-то непередаваемое. Сублимация мировой любви. Женщина, которая может сгенерить такое чувство, продумав все до мелочей, – феерическая. Считайте, что ей подвластно все. И даже больше.

С людьми Яна жестка, можно сказать, что она им подсознательно устраивает испытания – выдержишь или нет. Если выдержишь, подпускает к себе, на некотором расстоянии. И в трудную минуту может помочь. Просто так. Вне всякой логики и обязательств. Просто потому, что ей так захотелось. В общем, с Яной мне общаться сложно, но интересно.

После развода Яна жила в симпатичном таунхаусе. Сделать ремонт или обустроить дом ей было некогда: гастроли Вилана и новые проекты отнимали все свободное время. Меня она встретила с телефонной трубкой, украшенной стразами Swarovski, прижатой к уху. Махнула рукой – мол, проходи, осваивайся, и убежала куда-то в глубь гигантской квартиры. Я прошел на кухню, осмотрелся. Кухня чем-то напомнила любимые мной французские фильмы. Большой стол, масса милых кухонных штучек, которые обычно покупают люди, мечтающие о семейном уюте, но вынужденные питаться в ресторанах.

– Чай? Кофе? Сок? – Яна вошла бесшумно, и я вздрогнул от неожиданности.

– Чай. Зеленый.

– Сейчас заварю.

– Можно, я прямо сейчас начну? – я показал на камеру.

– Пожалуйста. Все равно потом все кадры отсмотрим.

Она позировала уверенно и легко, как человек, привыкший к вниманию объектива. Не смущалась, не отворачивалась, не кокетничала. Сегодня она была какой-то удивительно светлой и расслабленной, женственной, что ли. И камера благодарно фиксировала едва уловимую улыбку.

– Хорошее настроение? – я люблю, когда во время съемок люди разговаривают.

– Отличное, – она снова улыбнулась. – Столько планов, проектов. Приглашение на телевидение, на радио, съемки в кино. Где только время взять? Его катастрофически не хватает. 24 часа в сутки работает телефон, который я не могу выключить. Но что делать? Чтобы достичь чего-то в этой жизни, нужно бежать и не останавливаться... Лучше так, чем топтаться на месте и знать, что твоя жизнь стремительно проходит. Даже сглазить не боюсь – такое ощущение, что поймала удачу за хвост, и теперь она все время рядом со мной.

– Потрясающее ощущение, дай бог, чтобы оно продлилось как можно дольше.

– Да, черная полоса наконец закончилась...

– У тебя бывают черные полосы? Не верю!

– У всех они бывают. Помнишь песню АБ «Так же, как все»? Звезды такие же люди.

– Только публичные. А быть публичным человеком – не каждому дано.

– Ты прав. Иногда настолько устаешь от внимания прессы, людей, что хочется все бросить и уехать туда, где тебя не знают.

– А почему не уезжаешь?

– Парадокс в том, что без этого внимания мы уже не можем. Это как наркотик. Если на него подсел, уже не слезешь. Всем, кто долго работает в шоу-бизнесе, можно памятник поставить. Это очень большие нервы, большой риск, упорство, непонятность и безысходность, особенно когда бываешь в чем-то уверена, а оказывается, все не так.

– А на Западе не так?

– Не так. Наш шоу-бизнес в зачаточном состоянии. Удивительно, в Москве развивается ресторанный бизнес, мода, салоны красоты, а шоу-биз в какой-то глубокой и непонятной мне спячке.

– Спячке? А рядовому зрителю может показаться, что российский шоу-бизнес живет всех живых – кипит и булькает.

– Булькает он, как же, – презрительно фыркнула Яна. – Вот смотри, что происходит на Западе. Артист подписывает контракт с рекорд-лейблом, и этот лейбл занимается его продвижением на различных территориях. Люди, которые занимаются рекорд-бизнесом, вкладывают большие деньги в раскрутку. Основной заработок артиста идет от продажи CD-дисков. И с каждого диска ты получаешь один-два евро. Это плохо? Это хорошо, уверяю тебя, это очень хорошо! К примеру, если Астин Джимберлейк продал 10 миллионов пластинок, то он заработал 20 миллионов. Поэтому западный артист может себе позволить взять тайм-аут и поработать над новым альбомом, а не скакать, как загнанная савраска, по городам и весям нашей необъятной родины.

– А у нас не так? – спросил я ее скорее для того, чтобы спровоцировать... Когда Яна увлечена темой, она становится невероятно красивой...

– А ты будто не знаешь?! У нас рекорд-бизнес совсем не приносит дохода, потому что только 5% легализованного рынка, а 95% – пиратского. Как можно в такой ситуации зарабатывать? Единственное, что сейчас в России вошло в нормальное русло благодаря закону об авторских правах, – это продажа рингтонов и риалтонов. Это единственное, что приносит деньги, и то только, когда ты имеешь авторские права. А когда покупаешь песню и с авторскими, и с имущественными правами, это большой риск, потому что приходится платить за нее автору в 2-3 раза дороже, чем она того стоит. И по большому счету ты все равно покупаешь коша в мешке – еще вопрос, выстрелит песня или нет.

– Есть и концерты...

– Саша, ты прямо как с другой планеты... Концерты есть, да, не спорю... И именно с них артист и получает деньги. С концертов, а не с дисков! Сколько у нас стоит диск? Доллар двадцать? Это как раз то роялти, которое на западе получает артист. И пока у нас не найдут возможность бороться с пиратами, шоу-бизнес будет пребывать в спячке. Чтобы расти дальше и вырываться на Запад, нужны колоссальные средства, опыт и огромный талант. Без таланта не обойтись. Вот и вся история.

– Надеюсь, у нее будет хеппи-энд...

Она пожала плечами:

– В жизни хеппи-эндов не бывает. Жизнь идет своим чередом, а потом – бац! – и заканчивается. Поэтому очень важно то, что ты делаешь.

– В шоу-бизнесе?

– Я про него и говорю. Людям кажется, что у звезд жизнь в шоколаде. А это вовсе не так. Все, кто чего-то добивается в шоу-бизнесе, тратят на это колоссальное количество времени, они пашут, как Папа Карло. Кто расслабился – тот уже «сбитый летчик». Для того чтобы держаться на плаву, нужно работать, работать и еще раз работать. Поэтому мифы о «блондинках в шоколаде», о баснословных гонорарах – это не сказка, а быль, это на самом деле бывает, но крайне редко. Нужно много сил вложить в это, много финансовых ресурсов, чтобы все это заиграло и начало приносить прибыль, а также важен креатив, который будет тебя выделять среди других.

– И еще пара скандальчиков! Скандал точно выделит из массы.

– Мне бы хотелось как раз без скандалов. Жалко время тратить на это.

– Почему в шоу-бизнесе звезды сами на себя заказывают скандалы?

– Именно поэтому. Ради повышения рейтинга. Но мой случай – исключение. Я бы рада скрыть свою частную жизнь, да только не получится. Сам знаешь, после развода мне пришлось несладко. Столько грязи на меня вылили твои коллеги, и не передать. Но ничего! Пережила. То, что нас не убивает, делает сильнее.

– Разве словом можно убить?

– А ты как думал! Закалка ведь со временем приходит. Сначала даже самые мелкие уколы воспринимаются болезненно, не говоря уже о крупных скандалах, откровенных фотографиях. Самый лучший способ – уйти в тень и не реагировать. Ведь все, что ты ни скажешь, воспримут как оправдание. А тот, кто оправдывается, всегда виноват. Закон жанра.

– И сколько сидеть в тени? Всю жизнь?

Мы перешли в ванную комнату, и Яна с гордостью продемонстрировала новый кафель в венецианском стиле. В такой ванной комнате можно жить... Полный релакс и ощущение салона SPA. Яна, услышав мой вопрос, рассмеялась.

– Саша, ты действительно думаешь, что скандал – это навсегда?

– Ну, не навсегда, конечно...

– Скандал в Москве – штука, конечно, неприятная, но короткая. У скандала, как известно, три фазы: нагнетание внимания, кульминация и спад. На все про все дается от силы две недели, максимум месяц, а дальше интерес публики гаснет, появляются новые скандалы. Так что главное – достойно пережить эти две кошмарные недели, все перемелется, мука будет. Беда в том, что к этому знанию не сразу приходишь. И переживаешь, что скажут люди...

– Люди все равно скажут.

– Вот и пусть говорят, что угодно и как угодно. Стоит ли сплетни и слухи принимать близко к сердцу?! Не думаю. Вот я однажды приняла для себя решение и перестала читать «желтую» прессу. Теперь спокойно сплю и не переживаю по пустякам.

– А с другой стороны, о чем им еще писать? Публичные люди всегда привлекают внимание.

– Да бог с ними, с журналистами, – мы вышли в зимний сад Яны, и теперь она неторопливо и грациозно поливала цветы. – У журналистов профессия такая – выискивать жареные факты и кормить ими людей. Если честно, я к ним даже особых претензий не имею. Если оклеветал – встретимся в суде и решим наш конфликт на деловом уровне. Меня другое убивает.

– Голову чуть наклони, – на фоне роз Яна смотрелась особенно эффектно. – Готово! Потрясающе! Так что тебя убивает?

– Наша тусовка. Есть совершенно больные на голову звезды. Им чужая слава покоя не дает. Одно дело, когда ты сам себя раскручиваешь, но совсем другое, когда за твой счет кто-то пытается сделать пиар себе. Громко, с помпой. Будь уверен, если и существует какая-то закрытая информация, то именно твои же коллеги и вытянут ее на свет божий. Обличат, устыдят, мата добавят.

– А ты откуда знаешь, что так происходит? Сама говоришь, что перестала читать прессу.

Яна снова рассмеялась. Правда, на этот раз не очень весело.

– Телевизор-то я иногда смотрю. И почту получаю. Есть особи, которые специально присылают подборки и ссылки на интернет-публикации. По принципу: сделал гадость – раздели ее с приятелем. Иногда читаешь всю эту пакость и думаешь – ну что я вам сделала? Что вас так во мне раздражает? Неужели у вас нет других занятий? Займитесь своей жизнью, она ведь намного интереснее!

– Видимо, твоя жизнь все-таки вызывает больший интерес.

– Видимо. После развода мне пришлось серьезно пересмотреть список своих знакомых. Можно сказать, мы их поделили с бывшим мужем.

– Жалеешь?

– Отчасти да. Это ведь не шапочное знакомство. Со многими людьми мы дружили чуть ли не с института. Я им доверяла, в свой дом приглашала. Их дети играли с моими детьми. Но в реальности получилось, что моим друзьям и приятелям важна не я сама, а деньги и связи моего бывшего мужа. Что ж, они сделали свой выбор. Теперь у меня тоже есть деньги и связи, но я сама выбираю друзей.

– Это твое право.

– Со временем понимаешь, что самое главное право, которое есть у человека, – общаться с тем, с кем он хочет, а не с тем, с кем ему положено. Я очень долго шла к этому и теперь не собираюсь отказываться от новой формы общения.

– Неужели получается? Шоу-биз – система, где все зависят друг от друга. Баш на баш. Если ты кому-то не поможешь, то и он тебе не поможет.

– Но дружить-то мы не обязаны? – возразила Яна. – Все, о чем ты говоришь, можно перевести в разряд сугубо деловых отношений. И не допускать ближе установленной дистанции. Тебе не нужно пускать неприятных тебе людей домой, знакомить их с близкими, раскрывать им душу. Тебе не нужно им доверять, и подсознательно ты знаешь, что и они тебе не доверяют.

– Чем-то напоминает театр военных действий.

– А что делать? Это шоу-биз. Здесь каждый ударяет тебя в спину.

– Сурово.

– Жизненно. Мы ж не в мыльной опере живем, где всем положительным героям гарантирован хеппи-энд. Так что выход у тебя один: не подставляй спину и не подставляйся.

Мне показалось, что этими словами Яна пытается о чем-то меня предупредить, но уточнить, так ли это, я не решился. Вряд ли она может посоветовать в отношении Разумовского, насколько я знаю, они практически не пересекаются.

Мы перешли в гостиную, и Яна присела на софу от Turati Boiseries. Новая глянцевая картинка из очень красивой и почти нереальной жизни. Молодая успешная бизнес-леди листает модный журнал. Очень удачный ракурс. Секунда – и это прекрасное мгновение навсегда зафиксировано для вечности. Вечность и читатели будут довольны.

– А ты сама не подставляешься?

– Стараюсь, хотя моя жизнь многим не дает покоя. Словно через увеличительное стекло рассматривают. С кем, когда, зачем.

– Своего рода плата за успех.

– И за него тоже. Понимаешь, многих, оказывается, раздражает победа Вилана на «Евровидении». Дескать, мы пообещали, что он его выиграет, и он его выиграл. Сделал всю эту Европу, да так, что мало никому не показалось! Видел, как за ним все носились в Белграде? То-то же! Впервые Россия взяла «Евровидение». А что в ответ? Хоть бы кто спасибо сказал. Людей хлебом не корми, дай посудачить: Рудовская купила «Евровидение». Ты представляешь? Купила «Евровидение»! Откуда у меня столько бабла, спрашивается? И как я эту взятку давала? Миллионы в сумочке принесла? Или чек выписала оргкомитету, а заодно и всей Европе?

– Зависть – самый страшный грех.

– А завидовать-то чего? Можете сделать лучше – делайте. Я вам в ответ поаплодирую. Критиковать каждый умеет. Помнишь, в прошлом году Вилан занял второе место? Сколько нам кричали, чтобы мы больше не позорились. А вы придумайте номер, да так, чтобы всех зацепило: во всех странах Европы, вне зависимости от пола, возраста, образования, социального статуса. Чтобы никто не остался равнодушен. Попробуйте! А я посмотрю,

что у вас получится. По большому счету, у нас единицы могут делать красивое шоу. Спецэффектами и массовой подтанцовкой сегодня никого не удивишь. Шоу-балет «Родес» один. Он нарасхват, потому что ребята делают то, что другие в принципе не могут и повторить. Хотя и пытаются. Но выходит смешно. То же самое и с дизайном. Все эти костюмы, антураж, претензия на стиль, но начнешь вспоминать и кроме слепящих огней ничего не вспомнишь. А наших балерин помнят все. Потому что это было стильно, красиво и оригинально. Вне массовки.

– За это и критикуют. Были бы вы как все...

– Быть как все – большого ума не надо, только в шоу-бизе «как все» не прокатит. Помнишь Гошу? Как он выходил на сцену с выбитыми зубами и в ушанке и кривлялся на потеху публике. Однако его кривляния запомнили все. Да, подчас он был неприятным. Да, странноватым. Тем не менее его в те времена ни с кем не путали. А стал как все – и финита ля комедия. До свидания, Гоша. Ты уже обыкновенный.

Она немного помолчала, за огромным окном с изразцами медленно темнело небо. Еще один день прошел, а я и не заметил. Проглотил время, даже не поперхнулся. Яна устало потерла виски.

– Голова что-то разболелась. Давление, наверное. А мне еще на встречу ехать.

Я понял, что пора закругляться. Синдром Миледи: «Вы, конечно, очень милы, но будете просто очаровательны, если уйдете сию минуту».

– Мне тоже пора. Фотографии сейчас посмотрим или потом?

Все-таки она заколебалась. На сотую долю секунды, но я уловил нерешительность Яны и сделал свои выводы. Все-таки история с украденным архивом дошла и до Рудовской. Жаль. Значит, моя репутация слегка подмочена в ее глазах. Яна из тех людей, кто уверен: дыма без огня не бывает. Но здравый смысл взял верх: ничего крамольного в фотографиях нет. А сливать их в какой-нибудь пошлый журналчик без официального согласия Рудовской резона нет: мне еще с Виланом работать.

– Давай чуть попозже посмотрим, – сказала она, торопливо охорашиваясь перед зеркалом. – Ты когда в офисе будешь?

Офис – это офис Димы Вилана.

– Хотел в четверг навестись.

– Вот и славно: в четверг все и посмотрим. Я сама выберу те, которые мне нравятся. Понятно?

Ни тени угрозы в голосе, но намек я понял.

– Договорились. В четверг буду.

Она мягко закрыла за мной дверь. Я вышел из дома и только на улице понял, как я устал. С трудом добрал до ближайшего кафе, заказал чаю и устался в одну точку.

Человек не может работать на износ. Рано или поздно наступает срыв. Все мы, попав в шоу-бизнес, берем на себя невыполнимые обязательства. Не спать, не есть, работать по 36 часов в сутки. И так все 365 дней в году. Если выдается неделя отдыха, мы чувствуем себя неуверенно: как это? Что происходит? Почему я не у дел? Может быть, меня уже вычеркнули, а я этого не заметил?! И вновь бросаемся в бой. Пока организм не скажет: баста!

Гастрит, колит, желудочные колики, сердечные приступы и нервные срывы, гормональные расстройства – все это обычная картина для российского шоу-бизнеса. И все ради славы и денег. Когда же артист спохватывается, бывает поздно. Слишком поздно.

Поначалу я тоже работал на износ, пытаюсь засветиться где только ни... Оценивая сейчас тот период жизни, я понимаю: относился к себе, как к врагу. Срывался на любую мало-мальски значимую съемку, спал в каморке, в коридорах, на вокзалах в ожидании очередного поезда, переносил гриппы и ангины на ногах, но, к счастью, в какой-то момент понял: все, хватит. Пора остановиться. Ты слишком много работал на свое имя, пусть теперь имя поработает на тебя. Нельзя объять необъятное, как говаривал Козьма Прутков. Пора стать более избирательным и делать только то, что либо приносит очень большие деньги, либо доставляет удовольствие.

Однако сейчас у меня возникло четкое ощущение, что тот тяжелый период моей жизни возвращается. Без предупреждения. Снова появилось давно забытое чувство усталости, когда ощущаешь внутри себя пружину, готовую вот-вот распрямиться, и знаешь: еще немного – и сорвешься от нервного напряжения.

Я пил чай и слушал любимую песню:

Береги меня, даже если люди

Говорят, что мне прощенья не будет.

Береги за то, что тебя люблю я.

Береги за то, что я не ревную

К свободе, к свободе.

Сквозь мелодию пробивалось беспокойство. Недавно узнал, что с англосаксонского слово «беспокойство» переводится как «задышаться». Москва меня душила.

А может, плюнуть на все? И взять день на полную и безоговорочную перезагрузку. Выспаться, сходить в салон (вон как зарос, смотреть в зеркало страшно), в спортклуб, опять же... Давненько я там не бывал. И не думать ни о чем. В особенности – о шоу-бизнесе.

Я невольно улыбнулся. Это как не думать о белой обезьяне: все равно представляешь себе белесую и вертявую мартышку. Но, с другой стороны, попробовать-то можно!

Я посмотрел на часы в мобильнике и поехал в «Коммерсантъ Фото». Завтра наступит завтра. И оно может подождать. До завтра.

...

С Галей Буцевой мы познакомились года два назад и как-то сразу нашли общий язык. Я вообще люблю людей, излучающих позитив. Они как солнышки. Встречаешься, и на душе становится легко и светло. Галя как раз такое солнышко.

Галя – бильд-редактор по внешним связям, работает в «Коммерсантъ Фото». Теперь я приношу ей ворох фоток, а она их сортирует и рассылает по всей Москве. А сначала, когда я мало что умел, Галя учила меня фотографии: находить нужный ракурс, выстраивать композицию, играть со светом. И ни разу не позволила себе насмешки в мой адрес. Когда я работал на «Евровидении», то именно ей и присылал свои фотографии. Несмотря на то, что за окном была ночь, она сидела в редакции, качала мои фотографии и тут же рассылала их по Москве. Во многом благодаря ей я сделал себе имя и очень за это признателен Гале.

Сегодня я привез в «Коммерсантъ Фото» не так уж и много. Просто хотелось пообщаться с приятным мне человеком. Несмотря на вечный дедлайн, Галя нашла для меня время.

– Ну, как дела? Выглядишь усталым.

На свои заморочки я не привык жаловаться. Поэтому ограничился банальным «не выспался».

– Что нового в тусовке? – она одновременно отсматривала архив. – Кто кого бросил?

– Да все по-старому. Это весной гормон начнет играть, а сейчас, сама знаешь, не сезон.

– Для любви любое время года хорошо.

– Так ведь это для любви, – возразил я. – Для гормона только весна подходит и курортные романы. Так что затишье в тусовке. Все по проектам разбежались: кто на коньках катается, кто танцует, кто на необитаемом острове червяков ест.

– Все для рейтинга, все для победы! – подытожила Галя. – Я уже запуталась в этих проектах. Они на одно лицо. Один канал начинает, другой подхватывает, третий – на разогреве. Ведущие прыгают с канала на канал, и ничего нового – сплошные перепевы. Никто не напрягается – да и зачем? Все живут по принципу: зачем изобретать велосипед? Хотя современное телевидение – тот самый случай, когда велосипед изобретать необходимо. Иначе придется крутить одни и те же педали.

– А с другой стороны, – возразил я, – мы же берем зарубежные кальки, адаптируем на наш манер, а на Западе, как известно, давно творческий кризис. Сплошные римейки. Берут старое и адаптируют под современные запросы.

– Но делают это без души и таланта, – вздохнула Галя. – А это всегда видно.

– Что именно?

– Когда человек работает ради денег, а когда ради собственного удовольствия.

– Но мы же все равно смотрим, вне зависимости от качества шоу. Просто шоу должно продолжаться. Вчера, сегодня, завтра.

– Ты прав: критикуем, но смотрим.

– Я все жду, когда у нас шоу про тюрьму запустят.

– Зачем? – изумилась Галя.

– Чтобы в реальном времени звезды баланду хлебали. А зрители голосовали за досрочное освобождение того или иного персонажа. Представляешь, это же второе возрождение шансона.

– Думаешь, такое шоу будет иметь успех? – Галя оторвалась от экрана монитора и внимательно посмотрела на меня. Она явно не могла понять, шучу ли я или говорю серьезно. Но я не шутил. Появление такого проекта – вполне закономерный ход. В конце концов, встречались же звезды на ринге. Били друг другу морды, пели песни. Падали, но поднимались. Чем тюремный романс хуже? Другое дело, что пока в нашей стране не готовы к столь радикальному проекту. Ведь каждое последующее шоу должно быть еще более жестким. Кто знает, может, пройдет несколько лет, и у нас будут показывать смертные казни на Лобном месте в Москве. Если, конечно, к тому времени их разрешат.

– Саша, с тобой все в порядке?

– Вполне. Извини, я прослушал твой вопрос.

– Я спросила, будет ли это шоу иметь успех.

– А почему бы и нет? Не сомневаюсь, что оно вызовет огромный интерес. Это тебе не «Последний герой», который уже приелся, да и проигрывает в сравнении с сериалом *Lost*. Вот где страсти и интриги, а это так, просчитываемый проект. Запихнули людей в одну банку и смотрят, уподобятся они паукам или нет. А зачем гадать? Естественно, уподобятся. Сильный сожрет слабого.

– Время такое. Жесткое. Московские джунгли.

В ответ ожил мобильный, дав сигнал SOS.

Я посмотрел сообщение: «Прости. Жду в Метелице». Без подписи. Сообщение отправлено с интернет-сайта. Но я был уверен – это Веста.

...

«Метелица» производит двойственное впечатление: как и любого немосквича, меня неизменно подавляет показная роскошь и масштаб этого города-клуба. Вопрос «Зачем и кому все это нужно?» возникает каждый раз, когда я здесь появляюсь. Но, как и всякий немосквич, я не устаю

иронизировать по этому поводу. Человек, для которого на первом месте стоит модный бренд, а на втором все остальное, уязвим по своему определению. Но в Москве встречают по бренду, провожают по нему же.

На самом деле «Метелица» – это квинтэссенция как самой Москвы, так и шоу-биза. Здесь все сразу, причем дорого, много и для избранных. Но на Тверской. А Тверская – это Тверская, хотя, поговаривают, что шлюх уже убрали. В общем, вне зависимости от месторасположения клуба, если ты не VIP по жизни, то тебе здесь делать нечего, пусть ты и найдешь 100 у.е. на входной билет. Здесь проходят самые звездные и понтовые тусовки: начиная от презентации звезд, всевозможных автопати и заканчивая днями рождения столичной элиты. В общем, здесь отрываются те, кого журналисты обычно называют богемой. Но тут у меня большие сомнения. Если богема – это только те, у кого есть деньги, то я вне богемы. Ну ее...

Мне иногда кажется, что те, кто живет сегодня в Москве, совсем потеряли ощущение реальности: они живут вне времени и вне остальной страны. В свое время я разговорился с одним питерским бизнесменом, который часто бывает в Москве. «Я человек небедный, – сказал он мне. – Знаю толк в дорогой и красивой жизни, но в Москве мне бывать неприятно. И не потому что вся страна работает на этот город. Так говорят только те, у кого зарплата на уровне прожиточного минимума. У московских людей капитально сносит крышу из-за денег. Я не имею в виду бизнесменов крупной и средней руки. Свой бизнес – это свой бизнес. Если у тебя хватает мозгов сделать деньги и обеспечить свою старость, а также старость твоих детей, я это приветствую. Твоя жизнь удалась, ты на волне успеха и знаешь, как на ней удержаться. Нет вопросов: живи, богатей и радуйся.

Но когда наемный работник в крупной корпорации получает десять тысяч баксов в месяц, я этого не понимаю. Вопрос: что нужно делать, чтобы получать такие деньги? Я тебе отвечу: ничего. В большинстве своем российские топ-менеджеры надувают щеки, изображают кипучую деятельность и вяло руководят исполнительными подчиненными, выполняющими за них все работу. Вяло, потому что сами не знают, что нужно делать, чтобы бизнес процветал. Да и не особо стремятся это узнать: бизнес ведь чужой.

Человек, чей рабочий день начинается в спортивном зале «World Class Жуково», продолжается в ресторане и заканчивается на светской тусовке, хреновый работник. Так я тебе скажу, Саша. И гнать его надо в три шеи. Чтобы другим было неповадно. Мои зарубежные партнеры также не понимают реалий российского бизнеса. Прикинь, приезжают они в Россию на переговоры: наши выкатывают поляну – закусить и выпить. Потом еще раз закусить и выпить. Потом караоке спеть, потом до дела доходят. Контракт бегло просматривается: наши юристы должны посмотреть. Пока топ-менеджеры отдыхают после тяжелой встречи, контракт спускается в юридическую службу. Там про него благополучно забывают. Есть ведь насущные дела: отпуск, отгулы, теннис, заседания по шесть часов. Вот скажи мне, Сань, какой

нормальный человек будет заседать по шесть часов в день, мусоля мифическую концепцию? Нормальный – нет, топ-менеджер – да. А далее контракт подмахивается, но дело так и не сдвигается. В общем, не люблю я вашу московскую жизнь: тебя словно на детекторе проверяют каждый раз – можно с тобой иметь дело или нет».

Стать своим в доску – может не каждый. Для этого надо обладать особым, московским мышлением. Настоящий москвич всегда тебе улыбается, может даже сказать банальный комплимент, потрепать по плечу, договориться о встрече, но по большому и малому счету ему на тебя плевать. Поэтому, если ты никто и у тебя нет связей, то он тут же про тебя забудет. Как только за тобой закроется дверь.

Впрочем, есть еще один путь: для того чтобы проникать всюду, где тебе хочется, нужно стать журналистом. Благодаря редакционным корочкам и личным связям ты сможешь бывать даже на закрытых мероприятиях. Правда, эта возможность появляется не сразу. Но, как известно, вода камень точит. Было бы желание...

На пресс-конференцию в «Метелицу» неизменно пропускают по спискам, списки путанные, пока на входе разберутся, кто ты и зачем пришел, ты уже начинаешь закипать и побулькивать от раздражения. Объяснять и доказывать что-то бессмысленно, поэтому самое простое – набрать кого-то из знакомых и попросить, чтобы он спустился за тобой со второго этажа, где, собственно, и проходит презентация. Так сказать, в «Метелице» царит круговая порука. Но без нее в Москве никуда. Твои личные связи – твоё второе счастье. Какое первое счастье, спросите вы меня? Все очень просто: твоё первое и главное счастье – ты сам. Все остальное вторично.

Когда я только начинал, то приезжал из Питера в Москву аккурат к началу презентации, то есть к двенадцати часам ночи. Чуть позже понял, что теряю кучу времени, и стал действовать умнее, теперь сознательно опаздываю часа на полтора. Торопиться некуда: вся ночь в нашем распоряжении.

Как раз к этому времени собираются самые зубастые акулы пера, а ведущий презентации устает сыпать пресными шутками. Те, кто прибыл вовремя, сидят на втором этаже и откровенно скучают. Ожидание скрашивают разговоры, еда и напитки. Часа через два после означенного, когда все темы обсуждены и все съедено и выпито, на сцене появляется виновник или виновница торжества.

И начинается движуха. Мне почему-то нравится это слово. Впервые я его услышал от моего друга Стаса, чью свадьбу я снимал. Свадьбу гуляли от души – сначала в Питере, потом в Челябинске. В Питере сняли теплоход на несколько часов, однако по истечении этого времени гости заныли: «Как, уже? Все закончилось?» Стас пожал плечами: «Без проблем!» В итоге мы катались девять часов, а я снимал и снимал, испытывая белую зависть по отношению к молодоженам.

Затем торжество плавно перенеслось в Челябинск. Именно там я понял,

что такое «движуха», «кипиш». Это любимые слова Стаса. Свадьбу гуляли в Челябинске два дня, и она стала праздником для всех. До этого я снимал сотни праздников известных людей, были и свадьбы, но такого мегасобытия не делал никто. Он подарил своей Сашке невероятную челябинскую движуху, о которой говорят до сих пор.

Движуху все понимают по-разному. Каждый вкладывает в это слово свой смысл. Для меня же движуха – яркое и оригинальное шоу, в которое вовлечены все участники. Если ты в движухе, ты получаешь от этого огромное удовольствие и не думаешь, что будет потом. Живи сегодняшним днем и радуйся!

Так вот, часа в два в «Метелице» начинается она, движуха. Приезжают артисты, за кулисами – сплошная суета. Народ мигрирует из гримерки в гримерку, хотя лично у меня язык не поворачивается назвать эти маленькие комнатки гримерками. С каждой минутой атмосфера нагнетается: артисты то и дело ссорятся из-за первоочередности выступлений. Это на сборных концертах тот, кто закрывает концерт, – самый популярный, в «Метелице» все наоборот. Если ты выступаешь в три ночи, а не в 2.45, значит, что-то не в порядке с твоей популярностью. И твой личный рейтинг скакнул вниз, следовательно, нужно срочно исправляться.

В 4 утра и артисты, и журналисты уже никакие. Гости пьяные и полуголодные, поскольку фуршет давно уничтожен. Шоу закончилось, за окном розовеет утро. Еще одна ночь сгорела, оставшись в памяти неоновыми всполохами. Ты выходишь из клуба, чувствуя похмелье и вялость. Впрочем, если не пить, то физическое состояние утром будет более-менее, можно даже сказать, что и в норме. Но все это утром. А сейчас гости находились в приятном предвкушении. Вечер обещал быть очень интересным. Филипп Корольков и молодая певица Ани Ролак презентовали новый совместный альбом. Журналистов интересовало несколько моментов: будет ли на презентации Примадонна и посетят ли это мероприятие Анастасия Ростоцкая, бывшая протеже Королькова, и второй его подопечный – Дмитрий Шаман.

Относительно Примадонны мнения сошлись: Примадонна не приедет. Уже не те отношения. Да и не к лицу первой леди российской эстрады привечать восходящую звездочку типа Ани Ролак. Только годика через полтора станет ясно, попадет ли Ани в звездную обойму или сойдет с дистанции. Все помнили историю Анастасии Ростоцкой. Блестящее восхождение, заманчивые перспективы, быстрая раскрутка и ротация клипов на ТВ. Но затем карьера Ростоцкой пошла на спад. В прессе появились нелицеприятные фотографии, где певица вместе с друзьями расслабляется в весьма откровенных позициях. В принципе, эта фотосессия тянула на неплохой скандалчик, но скандалчик почему-то не сыграл. Интерес к Ростоцкой пошел на спад. В общем-то, банальная история. Таких людей Watchman называет ВИЛами – временно известными людьми. Есть у него еще и категория ВОБЛов – временно богатых людей.

С Дмитрием Шаманом приключилась совсем иная история. Выпускник «Фабрики звезд», он достаточно быстро стал популярным. Девочки поначалу по Диме сходили с ума: внешне он действительно очень красив. Но глупо делать ставку на одну лишь красоту. В артисте должно быть еще что-то. Так и в обычной жизни. Просто красавица всегда проигрывает дурнушке, обладающей ярким темпераментом и живостью ума.

На взгляд некоторых фанатов и журналистов, Шаману не хватало харизмы. Он старался, пыжился. Выпрыгивал из каждого клипа, пытаясь показать, какой он необыкновенный, но... всуе. Зритель оставался равнодушным: холодно аплодировал и тут же забывал и песню, и артиста. Участие во всевозможных проектах только подтвердило это: там, где проект был завязан на голосовании, Шаман вылетал. И никто, кроме него, по этому поводу не переживал, хотя Дима, как артист и как добрый парень, мне всегда нравился, и я в этом смысле шел «против народного течения». А другие говорили: «Я не знаю, что из него можно сделать. Он никакой». Однако Филипп решил попробовать. Отчасти из-за просьбы Шамана: тот чуть ли не в ногах валялся: помогите, раскрутите!

И Корольков сдался. Записал песню, сделал клип, повез на «Евровидение». Я, было дело, порадовался: проект обещал быть очень интересным. Но после «Евровидения» Шаман зазвездился и разорвал контракт. Вложенные деньги так и остались неотбитыми. Потом был еще один продюсер, но и с ним не сложилось.

Когда я подошел к столикам, знакомые журналисты захлеб обсуждали последнее интервью.

– Прикинь, он вроде опять отказался с кем-то там работать, – сказала Женя Соколова, которую в тусовке все называли Жендосом. – Он, видите ли, в последнее время сам себе продюсер. Сегодня читала. Тупое интервью. Все комплексы видны невооруженным глазом.

– Я тоже не устояла, – усмехнулась Маша Ремизова из «Комсомольской правды». – Особенно порадовал фраза: «от меня не убежали, сам всех отправил». Просто колобок российской эстрады, да и только.

– А история-то повторяется. Сначала один продюсер, потом второй (реальный и самый яркий на нашей эстраде человек) – Корольков, теперь... – задумчиво протянула Алена Жигалова, представляющая самый популярный и продвинутый журнал Москвы «Тайны звезд». – Тенденции, однако. Никак не успокоиться мальчику.

– Или болезнь роста, – не согласилась Маша. – Решил, что сам все может и сам со всем справится. Это ж не дяденьки с улицы были, а продюсеры высочайшего класса. Чего он теперь делать-то будет?

– Грозится за границу поехать и всех там удивить, – сообщила Жендос.

– Бедная заграница, ей только Шамана не хватало. У народа мировой кризис. А тут он – во всей своей красе.

– Думаю, не приедет, – подытожила Алена.

Все согласно кивнули. Хорошо с ними. Не напрягают. Можно ни о чем не говорить – тактично поймут твоё состояние и не станут мешать.

К нам подошла Уля Асеева, чье имя тесно связано с газетой «Бытие». Уникальная журналистка – она всегда на шаг опережает своих коллег и умеет просачиваться туда, куда вход воспрещен даже прессе.

Вслед за ней подтянулась и светский редактор газеты «7 дней» Маша Адамчук, настоящий профи своего дела. Что ж, Филиппу повезло: кворум СМИ есть.

Я же молча жевал очередную канапешку и думал о профессии светского журналиста. На факультете журналистики нам бы сказали, что такой профессии не существует. Есть, к примеру, политический журналист, есть – экономический, а вот светского журналиста нет. Такого снобизма я никогда не понимал. Как говаривала Рафина Фаневская: «Странно очень. Жопа есть, а слова нет». Впрочем, ларчик открывался довольно просто. На факультете журналистики работают те, кто в редакциях последний раз бывал в лучшем случае лет пять назад, в худшем – четверть века прошло. Что они могут знать об этой журналистике, где есть своя специфика?! Ровным счетом ничего. Вот и лепят ерунду. До сих пор помню, как один старенький профессор, открывший для себя компьютер, не поленился и выпустил брошюрку: «Как студенту работать на компьютере». В брошюрке, в частности, была такая фраза: «Чтобы ваш компьютер заработал, нажмите кнопку «Пуск». Среди студентов она пользовалась бешеным успехом: ржали все. Но на экзаменах всегда цитировали: профессор был в восторге, ведь он открыл студентам нечто новое и увлекательное.

Секрет, наверное, в том, что стать светским журналистом можно и без диплома. Нужно хорошо писать, быть любопытным и общительным, быть в курсе слухов и сплетен. Тьфу ты, заговорил, как студент на экзамене. Правильно говорят, не надо поминать СПбГУ всуе. Особенно в ночи.

Журналистика – профессия странная. Это даже не профессия. Стиль жизни. Ты легко вливаешься в этот мир и на любом этапе можешь из него выпасть, занявшись чем-то новым. Когда же душа потянет обратно (а она обязательно потянет), ты вновь вернешься, не растеряв навыки и умения. Единожды научившись писать и задавать вопросы, невозможно разучиться. Другое дело, что светских журналистов очень мало: в Питере – раз-два и обчелся. В Москве – это барышни. Может, секрет в том, что сортировка сплетен и слухов – не мужское дело. На мужчину-журналиста, возвращающегося в светской тусовке, априори смотрят подозрительно: а не гей ли он?

Барышням намного проще. Они почему-то быстрее и гармоничнее вливаются в тусовку. И даже при напряженных личностных отношениях умудряются соблюдать женский нейтралитет и делиться информацией. Вот это для меня всегда было большой загадкой: как в них сочетается несочетаемое и уживается несовместимое. Но, видимо, этого я никогда не пойму. Женская душа – для меня вечная загадка.

Обсудив Шамана и его комплексы, девушки потеряли к нему всякий интерес и переключились на другие темы. Услышав про туфли, сумки и последний модный показ в Милане, я позволил себе отключиться.

Весты не было. Я всегда чувствовал ее появление или отсутствие на сенсорном уровне. Как чувствуют появление своих хозяев кошки и собаки. Задолго до того, как повернется ключ в квартире, они сидят у порога и ждут. Не могу сказать, что Веста приобрела надо мной большую власть, просто она стала близким и дорогим человеком. И еще я очень за нее волновался.

Но как она могла узнать, что в этот вечер я буду в «Метелице»? Телепатия? Дедукция? Этого я не пока что не знал.

– Нежданов, ты согласен? – Жендос прервала мои размышления.

– С чем? – я словно очнулся ото сна и теперь растерянно озирался.

– С тем, что самый простой способ попасть в шоу-бизнес – это постель.

– Извините, девочки, потерял нить ваших размышлений, – я попытался отшутиться. – С чего это вдруг вы пришли к такому выводу?

– Да так, анализировали современную эстраду. Помнишь Наташу Цареву? Кто бы о ней сейчас знал, если бы в свое время она не приглянулась бы Игорю Великанову? Да никто. Или этот, новый муж певицы Надежды Мамкиной. Тот же самый вариант.

– То есть в любовь вы изначально не верите.

Они уставились на меня, словно я объявил о том, что с завтрашнего дня ухожу в монастырь, а сегодня у меня мальчишник.

– Нежданов, ты чего? Заболел?

– Ну а почему нет? Почему на миг не представить, что Великанов влюбился в Наташу, а она полюбила его. Или что муж Мамкиной без ума от своей жены?! – я чувствовал, что меня несет, но остановиться не мог.

– Представить-то можно, – задумчиво произнесла Маша. – Да кто ж нам поверит?! Чем больше люди говорят о своих чувствах, тем меньше я верю в то, что они действительно влюблены. Поверь моему опыту, настоящая любовь вне публичности. Тот, кто скрывает свою личную жизнь, вызывает у меня большее доверие, чем тот, кто рассказывает истории о бывших и настоящих женах.

– Тем не менее, именно болтуны и являются героями твоих публикаций, – уколол я.

– Ну что поделать?! Кушать-то тоже хочется! Звездные откровения обеспечивают мне вполне безбедное существование. Народ хочет знать все о своих героях, особенно про постель. Но это всего лишь секс и ничего более. Ни о какой любви не может быть и речи.

Я хотел было возразить, но в этот момент в «Метелице» началась суета. Приехали виновники торжества – Филипп и Ани.

Филипп сегодня был в классическом амплуа. Куда делись его яркие, экспрессивные наряды?! Ани была одета в золотистый брючный костюм,

выгодно подчеркивающий ее изысканную восточную красоту.

Ведущий пригласил их на сцену. Слепили вспышки фотокамер. Я присоединился к всеобщей вакханалии. Интересный проект, красивая пара. Я знал Филиппа как продюсера: он мог раскрутить любого артиста, так что этот творческий тандем, появление которого мы праздновали сегодня, обещал весьма неплохие дивиденды в будущем. Каждая сторона выигрывала что-то свое.

Пожалуй, в продюсерской биографии Филиппа только два эпизода были неудачными. Это уже упомянутое продюсирование Ростоцкой и постановка бродвейского мюзикла «Бостон». С Ростоцкой все понятно: не всегда можно предугадать поведение артиста и то, как он выдержит испытание медными трубами. Что же касается мюзикла, я до сих пор уверен, что, появившись он чуть позже, имел бы ошеломляющий успех. Филипп не учел несколько факторов. Во-первых, российский зритель оказался не готов к мюзиклу как к музыкальному жанру. Это как показывать оперу в Тимбукту. Плюс Голливуд подгадил, выпустив одноименный фильм. И все – вложенные деньги не окупились. Другой бы впал в депрессию, но Корольков философски преодолел кризис – мол, с кем ни бывает, и переключился на другие, более успешные проекты.

Филипп и Ани исполняли третью песню, когда в зале появилась Ростоцкая. Она прошла к сцене и встала посредине прохода, подбоченившись. Журналисты оживленно переглянулись: в воздухе запахло скандалом.

– Во дает, – прошептала Жендос. – Интересно, на что ее хватит?!

Пара пела песню, стараясь не обращать внимания на гипнотический взгляд.

Музыка закончилась. В зале воцарилась напряженная тишина. Никто не рискнул прервать ее аплодисментами. Ростоцкая явно действовала в духе Джулии Ламберт: «Если ты сделала паузу, то тяни ее столько, сколько можешь». Пауза наливалась, как гроздь гнева, и в любой момент могла взорваться. Рикошетом досталось бы всем. Но...

...Но все-таки Примадонна была великим режиссером. Откуда ни возьмись, она появилась на сцене:

– Я понимаю, что искусство иногда достает до самого нутра, но не до такой же степени. Чего примолкли?! Руки затекли?

Бурные овации. Примадонна отечески поцеловала перепуганную Ани, демонстрируя тем самым, что полностью одобряет новый тандем.

Я не отрывал взгляда от Ростоцкой. Если она и хотела устроить скандал, то сама упустила время. Как и в мозэмовском «Театре», ее опередила более опытная и зрелая актриса. Видимо, нужны не только паузы, но и действия. Теперь она не знала, как поступить. Уйти? Остаться? Накрашенные губы предательски дрожали.

Может, это малодушие, может, воспитание, а может, обыкновенная жалость, но я не могу смотреть на то, как женщина готовится заплакать.

Плачущая женщина – всегда унижение. Для нее, для окружающих. Слезы – дело интимное. Я взял бокал шампанского и подошел к певице. Протянул. Она рефлекторно приняла игристый напиток.

– Вы меня не помните? Когда-то я брал у вас интервью...

Она посмотрела на меня сквозь пелену слез.

– Возможно.

– Вы позволите с вами поговорить?

Она покорно кивнула и дала себя увести. По крайней мере, это не было позорным бегством. И сейчас Ростоцкая испытывала ко мне что-то похожее на благодарность. Беда в том, что я не люблю не только плачущих, но и благодарных женщин. Но деваться некуда: взялся за гуж, не говори, что не дюж...

В «Метелице» было по обыкновению шумно. Анастасия то и дело оглядывалась, опасаясь, что кто-то увидит ее слезы. Пустое дело. Здесь каждый занят собой. Под новую песню Филиппа и Ани Ролак мы перешли в ресторан «ПИТ-СТОП». Сегодня там не было никаких трансляций, и можно было спокойно поговорить.

– Может, вы голодны?

Она покачала головой:

– Кусок в горло не лезет.

Взяла коньяка, и мы присели за столик.

– Ты, наверное, думаешь, зачем я все это устроила? – она вымученно уставилась на меня. Словно я на блюдечке с голубой каемочкой мог предоставить ответы на все вопросы. «Ты» я благоразумно проглотил. В тусовке почти все на «ты», хотя иногда это раздражает. Поэтому мне всегда импонировало вежливое и толерантное обращение Watchmana – он ко всем обращается на «вы», и мало кому приходит в голову ему «тыкать». Ну да ладно. Ростоцкая задала вопрос. Что ответить-то? По большому счету мне все равно: поддался на жалость, а мог бы попивать шампанское и слушать хорошие песни. И что за характер такой дурацкий. Вечно лезу куда не надо!

– Я действительно не понимаю, чего ты пыталась добиться... – из всех возможных вариантов я выбрал самый нейтральный и тоже перешел на «ты». Не то время суток, чтобы «выкать». – Хотела устроить скандал?

– Хотела.

– А зачем?

– А зачем еще устраивают скандалы? – Ростоцкая сделала хороший глоток коньяка. – Чтобы привлечь к себе внимание.

– Только таким способом внимание вряд ли надолго удержишь.

– А мне надолго и не надо. Здесь и сейчас. Мне нужно совсем немного, чтобы решить свои проблемы. Слишком уж много их накопилось.

Решать проблемы с помощью скандала? Да, женской логики я никогда не понимал.

– Я подумала, что Филипп не злопамятен и поможет мне... Ведь я лучше Ани, правда!

– Скандала не получилось.

Она грустно кивнула:

– Не получилось. Только все хуже стало. Так и хочется сказать: «Остановись, мгновенье, ты...»

– Прекрасно? – я решил блеснуть эрудицией.

– Ужасно! Саша, все просто ужасно. Я чувствую, как меня затягивает на дно. В какую-то страшную и холодную пустоту, где уже не будет ничего! И я ничего не могу сделать. Ничего не могу изменить. За год ни одного концерта. Долги как снежный ком... Друзья исчезают...

– Если они исчезают, когда тебе плохо, это не друзья.

– Вот только не надо банальностей! – она с досадой дернула плечиком и нервно поправила бретельку вечернего платья. – Знаю, что никакие они не друзья. В лучшем случае приятели. Близких людей – раз-два и обчелся. Но знаешь, как страшно терять привычный круг общения, важные знакомства – ведь все это твой статус, подтверждение того, что ты звезда, публичный человек...

– А тебе нужны подтверждения?

– А как же! – она изумленно округлила накрашенные глаза. – Каждой звезде нужны подтверждения, что она звезда.

Именно по таким заявлениям можно порой судить – звезда перед тобой или нет. Настоящим звездам плевать, что о них думают и говорят, они не нуждаются в инъекциях популярности и признании. Они живут так, как считают нужным, не особо заморачиваясь по поводу своего звездного статуса. Публика инстинктивно чует дутые фигуры и фальшивки и платит им забывчивостью и презрением. Настоящие звезды, как классика, – на все времена. Именно поэтому их так мало.

Ростоцкая тем временем жаловалась на жизнь:

– Меня вытесняют, подставляют, игнорируют. Я становлюсь изгоем. Я никому не нужна.

– И ты решила поправить свои дела скандалом, – я не удержался от подкола.

– Да ничего я не решила! – взвилась певица, ударив холеным кулачком по столу. – Нельзя же все время сидеть, уставившись в одну точку. Надо что-то делать, решать свои проблемы. Услышала сегодня, что у Филиппа презентация с этой Ролак, собралась и поехала. В конце концов, это он виноват в том, что получилось. Мог бы и помочь... Ведь мог же? Что ему стоит! По дороге прокручивала свою ситуацию. И чего он с этой Ролак связался?! Ведь одно и то же получается... Один и тот же проект, по сути. Только разные певицы. Почему там она, а не я?! Почему?

У меня мелькнула мысль: а не задастся ли тем же самым вопросом и очередной победитель «Фабрики звезд» через пару месяцев. Это ведь поначалу кажется: ты такой крутой, ты сможешь все. Зачем тебе продюсер, если публика тебя боготворит. И делиться гонорами тогда не придется. Все

в собственный карман. Можно купить квартиру, дачу, машину, яхту и личный самолет. Ведь если у тебя нет всего перечисленного, то какая ты звезда? Вот и вертятся ужом на эстрадной сковородке, придумывая, как разорвать контракт и уйти от ненавистного на тот момент Карабаса-Барабаса. Каждому хочется иметь свой золотой ключик и свою каморку Папы Карло, где за старым холстом находится настоящее Эльдorado. Твое собственное. Однако не всегда и ключик, и каморка оказываются «всамделишными», настоящими. И не всегда затеянная игра стоит свеч. А вот Карабасы-Барабасы, как правило, вполне реальны. И со временем ты понимаешь, что требования их были вполне адекватными и объективными и что не бывает всего и сразу. Для того чтобы иметь квартиру, машину, дачу, яхту и самолет в придачу, придется попотеть и поработать. И не месяц, не два, а несколько лет. Попасть в звездную обойму не так чтобы легко, но можно, а вот удержаться в ней – задача непростая. Только кто о том в самом начале думает?! «Я звезда!» – от этих слов у каждого второго крышу сносит. И где потом эту самую крышу искать? «А я поехала, пока! Твоя крыша».

Так вот, лишившись продюсера и размечтавшись о том, как ты хорошо теперь заживешь, очень скоро понимаешь – без продюсера ты никто, ноль без палочки. И доходы твои, соответственно, равны нулю. И тоже без палочки. Поток приглашений и интересных проектов медленно иссякает, и в какой-то момент ты остаешься наедине с собой. Некоторые наивные особы полагают, что проблему решит любовь публики. Мол, в один прекрасный день публика качнет многомиллионной головой и возопит: «А где Лада Ляпкина-Тяпкина? Почему она не поет?! Почему мы не видим ее клипов и не ходим на ее концерты?! А подать нам сюда Ляпкину-Тяпкину! Срочно!» И прибегут к актрисе перепуганные телевизионщики, администраторы, стилисты, костюмеры, композиторы и поэты, упадут в ноженьки и начнут слезно умолять: «Где ты, Лада?! Народ хочет тебя! Народ тебя обожает! Вот тебе норковая шуба с брульянтами, вот тебе розовый кадиллак. Спаси нас, Лада!» И Лада, конечно же, спасет. За невероятно высокие комиссионные.

Об этом мечтает каждый артист. Только мечты эти из разряда несбыточных. У публики есть неизлечимый диагноз – склероз. Не поет Ляпкина-Тяпкина? Ну и фиг с ней! Найдем Тяпкину-Ляпкину – какая разница! Была Анастасия Ростоцкая, стала Ани Ролак. Уйдет Ролак, появится другая прима. А вот Филипп останется. Так ведь, Настя?!

Она согревала коньяк в ладонях, грустно уставившись в пространство. Зазвучали приглушенные аплодисменты.

– Ишь, как ей хлопают! – с внезапной злобой сказала Настя. – Мне так они не аплодировали. Видела я ее выступление на «Евровидении» – ничего особенного. Ни кожи, ни рожи, ни песни.

– А почему ты с Филиппом контракт решила расторгнуть? – меня действительно интересовал этот вопрос. – Ведь можно было и дальше работать. Что произошло?!

Она ответила после долгой паузы.

– По дурусти. И не я расторгла... Просто он как-то вдруг взял и закончился, а продлевать его, как выяснилось, Филипп не собирался. Мне казалось, что мы топчемся на месте. Новых песен нет, на концертах я на разогреве. Когда мы сняли телевизионный спектакль, казалось, вот-вот – и начнется... Но ничего не началось. Все осталось по-старому. И в какой-то момент я поняла, что устала. От Филиппа, от этих бесконечных поездок по городам и селам, от подвешенного состояния. Во всем была какая-то неопределенность.

– Неопределенность?

– Ну да... Просыпаешься и думаешь: а дальше-то что? Еще год-два такой жизни, и от тебя ничего не останется. Кому ты будешь нужна? Меня ведь стали воспринимать как его подтанцовку, понимаешь? А я петь хочу! Играть хочу! Жить хочу!

– Может, стоило подождать? – осторожно спросил я и вынул из ее горячих рук пустой бокал.

– Теперь я понимаю, что надо было ждать, – кивнула Ростоцкая. – В чем-то уступать, на чем-то настаивать. Но тогда – тогда словно сорвалась с тормозов и полетела. После того скандала, ну, ты помнишь, мне показалось, что Филипп ко дну идет. Еще немного, и его вычеркнут. Филипп удержался. А вот меня вычеркнули. Никак не пойму, почему ему простили скандал, а мне ту глупую фотосъемку – нет.

Так и знал, что она припомнит давнюю историю. На одной из пресс-конференций Филипп сорвался. Бывает, когда тебе сто двадцать пять раз задают один и тот же вопрос. Есть шанс, что на сто двадцать шестой нервная система даст слабину и ты начнешь огрызаться. Ожидая от звезд толерантности и вежливости, журналисты подчас забывают, что артисты ждут от них того же самого. Филипп как-то сказал мне:

– Мы не ангелы, Саша. В большинстве своем мы очень сложные и неприятные люди, и у каждого свои тараканы. Когда нас идеализируют, мы снисходительно принимаем навязанные представления и даже какое-то время пытаемся им соответствовать. Но рано или поздно эта насильственная маска надоедает. Она начинает раздражать, хочется ее сорвать и показать свое истинное лицо. А я вот такой! Не нравится? Но это ваши проблемы! Вы сами придумали гламурный образ, и кого теперь за это ругать? Меня? Нет, вас! Тех, кто предпочитает жить иллюзиями, а не реальностью.

Иногда я болею, нередко пребываю в дурном расположении духа, меня часто выводит из себя человеческая глупость и наглость. Я не хороший и не плохой, я – это я. Не называй зло злом, а добро добром, ибо ты до конца не знаешь, что есть что. Так же и с людьми. Что они знают обо мне? Что хотят узнать? Уверяю, спектр интересов распространяется исключительно на мою личную жизнь. С кем я сплю, кого люблю, кого ненавижу. Моя душа, мои рефлексии никого не интересуют. И это нормально. Это правильно! Только

тогда не надо лезть ко мне в душу и резать по живому, анализируя, больно мне или нет. Больно! Я живой! Да, я сорвался, да, позволил себе лишнего. Да, обидел женщину, и вины с себя за это не снимаю. Но... Вот одного понять не могу: журналисты уверены, что у них есть профессиональное право вторгаться в мою частную жизнь и задавать мне те вопросы, которые они сочтут нужным задать. Пусть так. Я согласен. Но при одном условии – делайте это профессионально. Иначе как-то нечестно получается: я для вас должен делать все, вы же бесцеремонно вторгаетесь в мой мир и харкаете мне прямо в душу. Каждый имеет право на ошибку. И каждый имеет право ее признать и исправить. Я свои – признаю и исправляю. Но того же жду и от других людей...

...Интересно, а Ростоцкая готова признать свои ошибки? Может, ее сегодняшний визит – пусть и жалкая, но все-таки попытка к примирению. Вопрос, примет ли ее другая сторона? Скорее всего, нет. Мелькнула мысль, что чаще всего со звездного олимпа падают те, кто боится упасть. Если страха нет, то нет и страха падения. И где-то здесь начинается личная свобода, о которой мечтают все без исключения, но достигают единицы.

Украдкой посмотрел на певицу. Заказав второй бокал коньяка, Анастасия целиком ушла в себя. Теперь ее оттуда и не достанешь. Да и не хочется. Скучно. Я оглянулся: идти на презентацию бессмысленно. Самое интересное уже досталось конкурентам. Завтра в Сети посмотрю, чем всех нас еще смог удивить Филипп.

Веста!

Меня словно ударило током. Я почувствовал ее приближение. Она где-то здесь... Господи, как же мне ее не хватает... Катастрофически!

...Где-то есть корабли

У священной земли,

И горячие губы твои.

Катастрофически тебя не хватает мне.

Жгу электричество, но не попадаю я.

Воздух толчками, и пульс на три счета...

Бьет в переносицу: я знаю, всё знаю, но

Катастрофически тебя не хватает мне...

Строчки любимой песни били по вискам. Я заметался по клубу, пытаюсь найти Весту. На мгновение показалось, что вот она, мелькнула... Метнулся за тенью, но на ладони остался лишь неоновый луч. И еще один – прямо по зрачкам. Стало больно и грустно. Может, я гоняюсь за миражами и придумал все наши чувства – от первого поцелуя до последнего слова?!

Я резко повернулся и вышел из клуба.

Навстречу среде и неопределенности.

Проснулся я в довольно странном расположении духа. Полная апатия. Что на меня совершенно не похоже. Одно хорошо, что здесь никто меня не побеспокоит. Это, конечно, не самые фешенебельные апартаменты, но мне нравится продуманная роскошь и комфорт квартиры, в которой я живу в Москве. Она словно создана для того, чтобы отдыхать и чувствовать себя успешным и состоявшимся человеком. Здесь мне хорошо и тепло.

На сегодня у меня не было никаких особенных планов, и я решил посвятить время себе, благо никаких съемок не намечено. Чем бы заняться? Для начала открыл свой дневник, чтобы закачать новые ролики и фото. В последние три дня я почти забросил свое любимое виртуальное детище, и мои многотысячные читатели теперь негодовали: куда подевался Нежданов? Ведь даже в своих поездках я нахожу время, чтобы выложить новые фотографии или клипы. А тут затишье на три дня. Непорядок!

Мои дневник www.ajdnevnik.ru и сайт www.alexjdapov.ru – особая гордость. Фирменный стиль, придуманный дизайнером Андреем Грудкиным – в черно-оранжевом цвете со стилизованной звездочкой, – его знают все.

Каждый день мне помогает Рома – великолепный программист, он порой совершает невозможное и решает задачи любой программной сложности. Единственный «недостаток» Ромы заключается в том, что он живет в Молдове. Конечно, для технических нюансов – такое расстояние не проблема, все решается посредством скайпа, аськи, мобильного телефона, но ведь и пообщаться хочется, правда?

Так вот – мой сайт. Я с нуля создал и раскрутил проект (на сайт в интернете ссылается более 300 тысяч ссылок), который принес мне имя, деньги, полезные связи и, что самое главное, – хороших друзей. Помню, отдыхали мы как-то в хорошей компании на море. Загораем, купаемся, и отовсюду слышится: «О, Нежданов! Привет, Саш, как дела? Что нового?» Приятели спрашивают: «Ты их знаешь?» Отвечаю, что вижу в первый раз. Приятели не поверили: тогда откуда они меня так хорошо знают? Ларчик просто открывается: благодаря онлайн-дневнику и таким ресурсам, как «ВКонтакте.ру» и «Одноклассники.ру». К примеру, в «Контакте» круг моих друзей ежедневно увеличивается на сто с лишним человек. Как-то я решил посчитать, сколько же людей меня читает, – если ежедневно их добавляется по 100 человек, значит в месяц около 3000, а в год... если учесть, что моему аккаунту 3 года, то цифры поражают воображение. Люди тянутся ко мне, а количество добавленных альбомов с фотографиями артистов и с моими поездками давно перевалило за 500. Их ежеминутно обсуждают и комментируют, копируют, и личные сообщения льются нескончаемым потоком. А

в «Одноклассниках» мне присвоен звездный статус, круг моих друзей приближается к 10 000 человек.

Мои недруги давно поговаривают, что Нежданов владеет умами детского фан-сектора – от 12 до 23. Надо же такое придумать – детский фан-сектор. Вряд ли человек, который достиг совершеннолетия по европейским законам, будет считать себя ребенком. Как бы там ни было, это действительно моя аудитория, с которой я постоянно общаюсь и которая приносит мне реальные деньги... Каким образом? Да с помощью рекламодателей. Ведь реклама в Интернете – хороший источник дохода. Вот только не надо ригоризма на тему, что я использую людей себе во благо. На мой сайт их никто не гонит. Каждый сам вправе выбирать – обращать внимание на рекламу или нет. К примеру, мегаблогер Инета Самсон Шоладеми вообще не заморачивается на эту тему, на своем блоге он зарабатывает хорошие деньги и популярность.

Другое дело, что все мои виртуальные друзья живо интересуются моей частной жизнью. Поначалу меня смущали столь пристальное внимание и чрезмерная осведомленность о моей личной жизни. А потом я махнул на это рукой. Какая разница? Ну, знают несколько тысяч человек, что сегодня я прожигаю жизнь в Париже, а завтра снимаю красную дорожку в Каннах. Кому от этого плохо? Мне? Им? Красной дорожке?! Всем хорошо! Благодаря моей открытости у многих есть шанс прикоснуться к другой жизни, увидеть закулисы шоу-бизнеса, получить красивые фотографии. Что в этом плохого?

Конечно, есть люди, которые мне завидуют. В адрес своего дневника я не раз слышал ядовитую критику: мол, Нежданов живет за счет других, ставит себе в дневник только самые популярные новости. Что тут сказать! Не нравится? Раздражает? Так раздражайтесь дальше. Я ставлю только то, что интересно тысячам людей. И если они ежедневно заходят на мою страничку, то, значит, им это нужно. И мой дневник существует не зря. Моим читателям нет смысла гулять по сотне сайтов, все есть у меня. Конечно, кому-то обидно: вроде делает то же самое, а блог до сих пор плетется в хвосте, и самое большое количество комментариев в нем оставляет сам автор. Вот и мучается вопросом: почему у Нежданова стотысячник, а у меня и сотни гостей не наберется. Наверное, у него есть какой-то секрет.

Конечно, есть. Но я был бы полным дураком, если бы раскрывал все свои ноу-хау по раскрутке собственного сайта и дневника. И не потому, что кто-то может меня превзойти, конкуренции как раз не боюсь, она стимулирует к творчеству. А потому, что это... мои ноу-хау. Проверенные временем, методом проб и ошибок.

Хотя нет, один секрет, пожалуй, все-таки раскрою. Если кто-то думает, что сайт (или если угодно, блог) – это веселое развлечение, то он ошибается. Раскрутка собственного сайта – ежедневная работа, подчас монотонная и долгая. Сайт – это не только общение в гостевой, но и само-PR,

постоянное продвижение самого себя, исследование сетевой аудитории, которая, уверяю вас, очень отличается от реальной. Вот, скажем, выложил ты фотку какой-нибудь звезды, сидишь и ждешь сотен комментариев, обсуждения, а на страничке гробовая тишина, народ пролистал и не заметил твой шедевр. Ты в панике, ты обижен, ты уязвлен и в сердцах пишешь какую-нибудь лабуду типа: «Все козлы, один я в белом!» Бац, и уже сорок страниц яростных обсуждений. Народ дискутирует в твоём блоге, забыв про тебя, а ты сидишь у монитора и думаешь: «Ё-мое, что ж я такого сделал?! Почему в первом случае они ни черта не заметили, а во втором не могут успокоиться?»

Поначалу я тоже задавался подобными вопросами, пока мой друг Manix (Макс) любезно ни просветил:

– Люди в Сети – маски. Они приходят сюда, чтобы расслабиться, пофлиртовать, позаниматься виртуальным сексом, поругаться, влюбиться, расстаться... В Сети они проживают подчас самую настоящую жизнь, отличную от скучных серых будней. В Сети они те, какими мечтали стать, но не стали. И если ты найдешь струну, которая сможет затронуть и эту огромную виртуальную душу, если сумеешь сыграть соло, то считай, что ты выиграл – ты их завоевал и подчинил своим собственным интересам. Теперь тебе остается дергать за ниточки и время от времени подогревать к себе интерес.

– Но это же чистой воды манипуляция! – возмутился было я.

– А мы все манипуляторы, – парировал Manix. – Ты, наверное, в учебнике про манипуляцию начитался. Мол, как это плохо и подло: заставлять людей делать то, что хочешь.

– А что в этом хорошего?

– Ничего, как и плохого. У любой медали – две стороны, но именно они и составляют эту медаль. А медаль не хорошая и не плохая. Она медаль.

– Странное сравнение.

– Не нравится? Тогда вот тебе другое. Если огурец положить в соленую воду, то, хочет он того или не хочет, через какое-то время он станет соленым. Попав в определенную среду, хочешь ты или не хочешь, – ты под нее подстроишься, ассимилируешь и начнешь поступать так, как требует среда. Если пойдешь против нее – тебя уничтожат. Манипуляция – один из самых простых способов добиться желаемого, не нанося ущерб собственным интересам. Но знаешь, в чем главный подвох?

Я заинтересовался. Ни в одном из учебников о подвохах манипуляции не говорилось. Собственно, все авторы делились на два лагеря: те, кто считал, что манипулировать окружающими – это хорошо, и те, кто не признавал подобного вида воздействия.

– И в чем же подвох?

– В том, что на любого манипулятора найдется другой манипулятор. Если ты уверен, что в этом искусстве тебе нет равных, то глубоко ошибаешься.

Пока ты подчиняешь кого-то себе, тебя подчиняет кто-то другой, но ты, ослепленный собственной властью, этого не замечаешь.

– Но при чем тут сайт? – спохватился я.

Manix усмехнулся.

– Две стороны медали, помнишь?

– Ну! И еще огурец! При чем тут все это?

– А при том! Пока ты дергаешь за ниточки своей виртуальной аудитории, аудитория незаметно управляет тобой. Ты не размещаешь то, что ей неинтересно, придумываешь новые ходы, чтобы привлечь ее внимание...

– В общем, это взаимообратный процесс получается.

– Именно. Но в этом-то и есть особая прелесть. Всегда интересно, кто кого сделает – ты или тебя. Не так ли, Саня?

Этот разговор я запомнил надолго. И каждый раз вспоминал о двойной манипуляции, когда заходил на собственный сайт или заполнял странички виртуального дневника. И все же Manix в чем-то ошибался. Потому что иногда я позволял себе размещать ту информацию, которая в первую очередь была интересна мне, не заботясь, вызовет она ажиотаж или нет. И тех, кто откликался на такие посты, ценил вдвойне. Мы одной крови... Пусть и виртуальной. Все равно это дорогого стоит.

...

Я разместил несколько фотографий со вчерашней презентации. Мол, вот вам эксклюзивчик от меня. Попутно ответил на несколько важных и не очень сообщений, добавил в игнор пару неприятных людей, повадившихся трепать мне нервы в режиме онлайн, и по сложившейся традиции перешел в блог Watchman. Сегодня его не было в Сети, и мне отчаянно не хватало наших утренних бесед. К хорошему привыкаешь очень быстро. Особенно к хорошим и умным людям. В свое время меня зацепила фраза Watchman: «Нет хороших или плохих людей. Есть наше восприятие их поступков. Одного и того же человека разные его приятели могут считать подлецом или святым. Я не люблю оценок и ярлыков. Чтобы понять поведение собеседника, нужно узнать систему его ценностей, приоритетов и расшифровать его мотивацию. Как только ты поймешь, чем руководствуется человек, определишь для себя чужие «красные» флажки, все станет на свои места. Я предпочитаю держать дистанцию, ограждая свое личное пространство. Только в этом случае ты вызываешь интерес у окружающих. Недоступное и загадочное привлекает всегда. Чрезмерно навязчивое и открытое – раздражает».

Умение не навязываться – редкое искусство. В шоу-бизе не умеют держать дистанцию. Точнее это слишком дорогое удовольствие – вести себя так, как ты считаешь нужным. В свое время Михаил Швапонецкий сказал: «Бог – это совесть, живи по совести и делай то, что хочешь». Но жить по

совести означает отказ от системы компромиссов, принятых в шоу-бизнесе, от бартерных отношений и иллюзий. На это способны лишь единицы. Watchman – один из немногих. Меня восхищает самодостаточность этого человека. И неизменно удивляет его критичность по отношению к себе. Я открыл блог и сразу же увидел одну из записей: «Меня восхищает, когда люди умеют делать что-то лучше, чем я. К примеру, я не умею фотографировать людей. Совершенно. Казалось бы, чего проще? Настроил, навел объектив, нажал на кнопку. Но снимки получаются без души, без той внутренней силы, которая делает обычный кадр фотографией. Может, потому что я не умею снимать людей, я и не люблю этого делать? Пейзажные, так называемые «обойные фотографии», – совсем другое. Там я полностью растворяюсь в мире, который видит объектив. Он становится моим вторым «я». С людьми так почему-то не получается. Их «я» доминирует в нашем визуальном поединке, и его невозможно уловить и зафиксировать. Видимо, секрет лежит в моем отношении к людям. Природе я доверяю, людей держу на расстоянии, а камера это чувствует».

Он очень тонко уловил эту странную, почти мистическую грань, которую видно, когда фотографируешь человека. Как правило, люди относятся к своим фотографиям весьма предвзято, оценивая с примитивной точки зрения – понравилось или не понравилось. Когда я спрашиваю, а что именно не понравилось, отвечают: «Здесь я некрасивая, толстая» или «Злой, угрюмый. Здесь не я». В большинстве случаев, рассматривая собственные фотографии, мы выражаем недовольство. Секрет прост: подчас мы не готовы к отображению нашего внутреннего «я», наглядной демонстрации того состояния, в котором находились в момент съемки. Слишком уж обнаженными порой бывают эмоции...

Камера – невероятный инструмент. Иногда мне кажется, что у нее душа пророка, которая замечает любые мелочи и улавливает то, что не видно обычному человеческому глазу. Иногда она замечает зарождающуюся болезнь или предсказывает несчастный случай, словно дает последний шанс – понять и избежать. Но мы не вглядываемся в знаки судьбы и вместо них видим лишь лишний вес, первые морщины и плохую прическу. Но тот, кому дано увидеть в обычной фотографии истинную душу человека, обладает невероятным даром. А тот, кто может показать эту душу на снимке, – великий мастер.

А я? Я не волшебник, я только учусь. И знаю, что эта учеба на всю жизнь, как бы пафосно это ни звучало. Нажимать на кнопку современной камеры может каждый. Каждый способен делать неплохие снимки для домашнего фотоальбома. Но сделать снимок, который войдет в историю... Парадокс, что такие снимки, как правило, спонтанны. Глаз выхватывает образ, рефлекторно выбирает нужный ракурс.... А дальше происходит нечто, что невозможно описать словами. Вроде бы ничего особенного, но фотография вдруг оживает, дышит, и ты возвращаешься к ней снова и снова, открывая новые грани. Наверное, это и есть настоящее искусство.

Я с сожалением выключил компьютер. Сегодня тот редкий случай, когда без спешки и с удовольствием можно провести день в Сети. Сблaзн велик, но я знаю, чем это может закончиться – очнусь вечером, не понимая, куда подевалось время... Это поначалу с удовольствием общаешься в Интернете, а потом понимаешь, что реального общения никто не заменит. Инстинктивно принимаешь решение и стараешься ограничивать «интернет-дозы». Со временем это получается. Правда, иногда случаются рецидивы.

Я люблю зависать в Интернете, когда езжу в поездах... Есть в этом какая-то необъяснимая прелесть, когда поезд мчится, а ты сидишь в купе, пьешь горячий сладкий чай и пролистываешь интернет-странички своих друзей или просто общаешься в чате. Такие минуты для меня особенно драгоценны.

Но общаться в Интернете, когда находишься в Москве или в Питере, значит, тратить время, которого и так всегда не хватает. Часами зависать в «Контакте» или на «Одноклассниках» могут позволить себе те, кто бездумно просиживает день в офисе. У меня такой возможности нет.

Телефон выдал музыкальную трель. Ба, Роман Lensua. Собственной персоной.

– Привет, Сань! – даже по телефону он излучал невероятную энергию. – А я в Москве!

– А я оброс, – сообщил я своему любимому стилисту. Хотел в Питере наведаться в «Страшную силу», но не знаю, попаду ли к тебе. У тебя же на месяца вперед запись.

– Отчего ж не попадешь? Попадешь! – посулил Рома. – Я тебе даже больше скажу. Можешь прямо сегодня.

Интрига, однако.

– Сегодня?

– А ты не знаешь? Я в Москве, на конкурсе. И мне срочно нужна модель, чтобы показать свое мастерство. Может, приедешь? Здесь куча народу, конкурс начнется часа через два. Ты как раз успеешь.

– Ты же не любишь конкурсы! – удивился я. – Да и смысл оценивать твоё мастерство? Оно же на высоте!

– Не люблю, – легко согласился Рома. – А тут вдруг повелся... Дай, думаю, съезжу в Москву, себя покажу, на других посмотрю. Будем считать, что у меня была творческая пауза. Так ты приедешь?

– Конечно!

– Тогда записывай адрес. На входе скажешь, что ко мне. Или позвонишь – встречу. Впрочем, – тут он задумался на мгновение, – ты везде пройдешь, я тебя знаю.

Он торопливо продиктовал адрес и отключился.

Жизнь хороша тем, что она непредсказуема. Только я думал, куда поехать, и жизнь все решила за меня. Я не против. Меня такой расклад вполне устраивает. Тем более, на парикмахерских конкурсах я не был ни разу. Интересно посмотреть.

С Романом мы познакомились в салоне «Страшная сила». Подозреваю, что тот, кому в голову пришла идея назвать салон строчкой из известного кинофильма, является поклонником Рафины Фаневской. Лично мне в салоне нравится понтовая демократичность. Думаете, такого не бывает? В Питере бывает все. Кстати говоря, именно этому качеству нам москвичи и завидуют. Вроде бы и понты, но демократичные, да еще с известной долей самоиронии. Москвичей это раздражает и напрягает. Они не понимают, как можно смеяться над собой! Ведь это... глупо? Неприлично? Не комильфо? Ведь это как-то странно... А питерцы не переживают: пусть неприлично, пусть глупо, пусть не комильфо (оставьте ваши московские ярлыки!), но зато весело и креативно! Начиная от интерьера и заканчивая общим настроением в коллективе!

При нашей первой встрече Роман охарактеризовал себя так: «Я маниакально-депрессивный параноик... Какой цвет выбираем?» Уже через несколько минут мы болтали, как закадычные друзья. Нас сблизила любовь к путешествиям. Причем и он, и я вечно умудрялись попадать в какие-то курьезные ситуации.

– Представь такую картинку, – рассказывал Рома под мягкое щелканье ножиц. – Государственная граница. Все серьезные до неприличия: типа враг не пройдет, турист не проползет, гид не проскочит. Временное затишье. Пограничники заскучали, расслабились... И тут я! На красном «пежо»: сердце – пламенный мотор. На полной скорости несусь к границам родины, еще немного, еще чуть-чуть...

– И?

– И врезаюсь в шлагбаум!

Я представил себе ситуацию и согнулся от хохота, едва не лишившись при этом пряди волос.

– Саш, ты не дергайся. А то лысым останешься! – предупредил меня Рома.

– Извини. И что дальше?

– А что дальше? Немая сцена! – Рома задумчиво изучал мою челку, прикидывая, оставить длину или нет. – Шлагбаума нет. Я притормозил. Они ошалело на обломки смотрят и спрашивают: «Мужик, ты чего?» А я им в ответ: «Ехать надо, а расстаться с родиной не могу».

– Выпустили?

– А куда денутся? – Рома закончил стрижку и теперь любовался плодами своего труда. – К моему возвращению они шлагбаум починили. Говорят, завидев каждый красный «пежо», загодя поднимали шлагбаум.

И таких историй у Романа было немало. Поэтому я с радостью собирался на встречу. С этим человеком всегда приятно пообщаться. Пусть и в рамках конкурса.

Среда – во всех отношениях приятный день. Пограничное состояние недели: до пятницы рукой подать, до воскресенья вроде бы тоже. Я заметил,

что большинство людей назначают встречи и косметические процедуры именно на среду. Побываешь у косметолога или массажиста, и сразу становится легче. Жизнь приобретает новые краски и новое звучание. Есть у меня знакомый косметолог – Алексей Костюк. По второй профессии он оперный певец, но пение Лешу совсем не портит. Наоборот, придает особый шарм. В свое время Алексей спас мне лицо. В прямом смысле этого слова, за что я ему особо благодарен. А дело было так.

Я мотался по гастролям вместе с очередной «Фабрикой звезд»: недосып, отвратительная еда, сухомытка, вода, немного грима (со звездами за компанию) – пара месяцев, и я на себя в зеркало не мог смотреть без содрогания. По возвращении в Москву бросился в лучшие салоны. Не помогло, стало только хуже. В салоне Роман посоветовал обратиться к Леше Костюку – мол, если и он не поможет, то уже никто не поможет. Был Нежданов, стал Сющенко-2. К чести Леши, тот не стал ужасаться и причитать, как это делали гламурные московские косметички: «Ой, Санечка, да что ж вы такое с собой сотворили?! Здесь даже пластика уже не поможет! А вы еще совсем молодой...» После таких походов в салон мне хотелось завывать, надвинуть кепку на лицо и навсегда скрыться за солнцезащитными очками, купленными по случаю в Париже.

Леша к моей проблеме отнесся профессионально. Причитать не стал, успокаивать раньше времени тоже. Посмотрел, оценил и сказал: «Поправимо». И действительно, мне потребовалась всего одна процедура, чтобы забыть о проблемах.

– Знаешь, в чем проблема современных косметологов, – после процедуры Леша довольно резко оборвал поток моей благодарности. – Они считают, что косметология – это универсальный подход. Ко всем без исключения. Дескать, есть определенные проблемы кожи, и есть пара-тройка способов решения эти проблем. Не поможет одна, примемся за другую. Не поможет другая – существует резервный вариант. А платит за такое всезнайство клиент. Причем платит дорого. Не мне тебе рассказывать. Фишка в том, что нет универсальных методов. Каждый человек уникален, и проблемы у него, прости уж за пафос, тоже в своем роде уникальны. Следовательно, к клиенту требуется индивидуальный подход. Кому-то пилинг, кому-то маска, кому-то мягкая чистка. Мое дело – понять, в чем нуждается клиент, и помочь ему. Скажи спасибо, что в «Страшную силу» пришел. Иначе тебя бы точно залечили в этой Москве.

С тех пор мы стали с ним друзьями, и, бывая в Питере, я всегда хожу в свой любимый салон. К счастью, в эпоху метросексуалов мне нет нужды объяснять, почему я предпочитаю хорошие дорогие стрижки, качественный маникюр и регулярные косметические процедуры. Раньше меня точно обвинили бы в приверженности к нестандартной сексуальной ориентации с этим невыносимым прононсом: «Пра-ативный!» Сейчас легче. В сознании граждан – от мала до велика – наконец прочно укрепилась мысль:

вкладывать деньги можно и нужно в три «кита»: в здоровье, в образование и в свой внешний вид. Будешь здоровым, образованным и ухоженным – все остальное приложится. Кто не верит, может проверить на собственном опыте.

За что я люблю «Страшную силу»? За единомыслие и стремление к общим результатам. У них работают инициативные, легкие на подъем мастера с обостренным чувством юмора: они охотно поддерживают всевозможные безумные затеи, которые приходят в голову. Так, например, они во главе с генеральным директором салона Еленой Орловой и ее сестрой Натальей придумали выезд в пионерский лагерь и день службы в армии. Ребята с воодушевлением бегали по лесу, играли в зарницу, искали клады, одевались за 30 секунд. Согласитесь, что далеко не каждый способен подхватить твое настроение, поддержать его и получить от всего этого максимум удовольствия. Они умеют.

Так вот, к чему это я... Заметил, что по средам записаться в салон сложнее всего. Нет, есть, конечно, выходные, и многие рвутся в салон именно по субботам и воскресеньям, но среда – святой для этого день. Как-то я спросил у Алексея, почему. Они в этот момент с Ромой взяли небольшой тайм-аут на чашечку кофе или чего там покрепче, но уже для меня. Кстати, что мне особенно нравится в «Страшной силе», так это то, что этот салон лишен ханжества и может по желанию клиента предложить ему бокал вина или бренди. Почему бы и нет? Ну не хочет клиент в данный момент зеленого чая, он и так от этой жизни уже зеленый, а вот вино поможет отрешиться от суеты, даст возможность расслабиться, следовательно, и результат будет намного лучше.

– А что это у вас по средам такой аншлаг? – спросил я. – До Нового года вроде еще далеко, и 8 марта давно прошло.

– Психология, Саша, – ответил Алексей. – Ну сам посуди. Суббота и воскресенье – законные выходные. Народ расслабляется по полной. Понедельник – сам знаешь, день тяжелый и все такое. Вторник – отрывка понедельника, иногда он бывает еще хуже, чем первый день недели. Ко вторнику человек думает: «Все. До пятницы не доживу. Плохо мне... Спать хочется... Начальник – козел, надоел до чертиков, дома проблемы...»

– Остановите Землю, я сойду, – хмыкнул Рома.

– Вот-вот, – кивнул Алексей. – А тут – бац! – и на тебя свалилась среда. Спокойная такая, тихая, уютная. Работать уже не хочется, отдыхать вроде бы рано. Чем себя занять? О-па, а тут мы! Двое из ларца!

– Не одинаковы с лица, – на всякий случай предупредил Рома. – Чего изволите?

– Ну и? – не понял я.

– Не нукай, от этого морщины на лбу появляются, – сообщил Леша. – Чего тут не понять? Народ придумывает себе дело – заботу о себе, и пораньше сваливает из офиса. Хочешь – стрижка, хочешь – массаж, хочешь

маска. Полный релакс. К четвергу будешь, как огурец, – зеленый и в пупырышках. Если маска, конечно, огуречная.

Разумное зерно во всем этом, конечно, было. Я ехал по Москве и смотрел на лица прохожих. Воодушевленные, с тайной плутоватой улыбкой... Люди куда-то спешили. Словно боялись опоздать на самое важное свидание в своей жизни. На свидание с собственной красотой.

Правильно говорят, если к тридцати годам у тебя нет собственного стилиста, срочно осваивай «Фотошоп». Мне до тридцати еще далеко, да и надеюсь, что разрекламированный кризис среднего возраста меня все же минует. Если у тебя все в порядке в жизни, то какой кризис?!

Я приехал секунда в секунду. Предъявлять «корочки» на входе не пришлось: Рома меня ждал.

– Пошли скорее, – потянул он меня за рукав «дольчегабешки».

– Неужели начали без меня?

– Как же, – пробурчал Роман. – Кто ж без Нежданова конкурсы начинает? Минут двадцать носятся по залу и орут: «Где же Нежданов? Ножницы стынут!»

Едва войдя в зал, я понял причину Роминого раздражения. Прямо по центру в неизменных белых унтах стоял главный цирюльник страны. Это тот, который всегда в шоке. Глядя на него, я всегда вспоминал чью-то меткую фразу: «Когда женщина – блондинка, это полбеды. А вот когда блондинка – Сергей Мерин – это уже полная катастрофа».

Я бы сказал больше – это уже катаклизм.

– Что он тут делает? – спросил я у Ромы.

– Он нас судит, – мрачно ответил Рома. – Хоть вставай и уходи. Ситуация по классике – а судьи кто?

– А ты чего заводишься? Кто он тебе? – Поинтересовался я, усаживаясь в конкурсное кресло. К груди мне пришпандорили табличку со стразами. Модель № 1. Табличка мне очень понравилась – можно подарить при случае какой-нибудь начинающей модельке, она будет просто счастлива. Тем более, вон сколько на картонке розовых стразиков. Спасибо вам, что не голубых. – Ты сам по себе, он сам по себе. Ты стрижешь и красишь Нежданова, он не стрижет и не красит Нежданова. Потому как Нежданов ему просто не дастся в руки. Нежданов лучше погибнет смертью храбрых...

– Саша, – ласково спросил меня Рома. – А у тебя мании величия нет?

– Есть, – честно ответил я. – И у тебя она есть. Мания величия есть у каждого успешного человека. Потому ты сейчас и злишься.

– Злюсь, но теперь на тебя, – Рома уже улыбался. – И на твоём месте я бы немного помолчал. А то налысо побрею.

– И как будет называться прическа?

Рома на секунду задумался:

– Папараци.

– Я в шоке! – Мерин оказался тут как тут. – Как это свежо и ново! Я буду

за вами наблюдать.

Он отскочил, подтягивая на ходу белые джинсы, которые все время с него сваливались, демонстрируя красные плавки.

– Пятый раз за сегодня теряет, – скрипнул зубами Рома. – Чтоб я еще на конкурс в Москву поехал! Оно мне надо?

– Не зарекайся!

– И то верно. Приехал-то я за визой, – сообщил Рома. – Конкурс так – разминочка и маленькое развлечение.

– Судя по Мерину, развлечение обещает быть большим.

Рома принялся за мою голову, а я, полуприкрыв веки, наблюдал за Мерином.

Этот светский персонаж неизменно возбуждал мое живое любопытство. И я понимал, почему такие мастера своего дела, как Рома, звереют, увидев это чудо в унтах. Природа ошиблась. Катастрофически и непоправимо. Она должна была создать Мерина женщиной. И уверяю вас, это была бы одна из самых интересных и ярких женщин своего времени. Вне зависимости от того, чем бы она занималась: была бы содержанкой, певицей, актрисой или же бизнес-вумен. Ее бы боготворили, носили бы на руках, дарили бы подарки... А получился Мерин. И, чувствуя свою неполноценность, он из всех сил пытался заявить о себе эпатажем, пением и прочими глупостями, которые совершают люди в шоу-бизе, когда не знают, чем им еще поразить искушенную публику. Все давно уже забыли, что по профессии Мерин – стилист и парикмахер. Начинал он, помнится, с того, что размахивал ножницами и делал своим моделям косые челки. Публика говорила: «Ах!» и замирала то ли от восхищения, то ли от недоумения – а чего, собственно, ах?!

Потом Мерин запел, посвятив свою первую песню Примадонне. Примадонна снисходительно похихикала: она всегда любила чудиков возле себя. А Мерину петь понравилось. И, к общему ужасу, он стал записывать один клип за другим, снимаясь с густо подведенными глазами и безвольной грудью. Последнее моей маме казалось верхом неприличия. И я с мамой (впрочем, как и всегда) был согласен.

Однако и клипы приелись. Мерин переключился на телевидение. Когда проект «Один день в постели с...» закрыли, он стал брать интервью у всяких именитостей. Я до сих пор не понимаю, что заставляло звезд, причем хороших, известных, самодостаточных звезд, приходить к нему. Магия телевидения или желание уесть дяденьку в унтах? Не знаю. Но смотрелось все это кошмарно. Пару раз меня звали на такие съемки, но под благовидным предлогом я отказывался. В шоу-бизе можно привыкнуть ко многому, но это... Извините, без меня. В последний раз мы с Мерином пересеклись на вечеринке Наташи Минор, когда меня подставили.

Стоп! Я даже подпрыгнул от сделанного открытия.

– Не дергайся! Не видишь – я творю, – пробурчал Рома, который целиком

ушел в процесс покраски моих волос.

Как же я мог забыть? Ну конечно! Он был там, я точно помню. На втором этаже. Только в списках Мерины не было. Как обмолвилась в тот вечер Слава, Мерин приехал к Разумовскому для переговоров и не хотел, чтобы об этом кто-нибудь знал. Излишняя предосторожность – об этом знали все. Спокойствие, Нежданов, только спокойствие. Теперь тебе надо перевести дух и подумать, как поговорить с Марином тет-а-тет.

Смешно! Сказать кому, о чем я думаю. Тет-а-тет с Сергеем Марином. Узнает кто – придется делать показательно обрезание. Волос, разумеется. А вы о чем подумали?

Я продолжал наблюдать за приглашенной звездой. Так просто он мне ничего не скажет. Придется придумать предлог. Фотосессия? Для кого? Может, для журнала «КВИР»? Это было бы забавно! Склонный к эпатажу, Мерин, может, и согласится. А на обложке будет красоваться броский заголовок, типа: «Я не такой!» И пусть каждый думает в меру своей испорченности или осведомленности. Ну-ну... Но для проформы надо будет вспомнить еще парочку журналов. Итак, предлог есть. Как его на разговор-то о той вечеринке вывести?! Давно дело было. Аж целую неделю назад. И не просто неделю, а с хвостиком.

Интересно, что Мерину понадобилось от Разумовского? Всем известно специфическое отношение звездного олигарха к артистам такого рода. Почему же он согласился на встречу? Должна быть очень веская причина. С каждой минутой этот вопрос занимал меня все больше. Инстинктивно я чувствовал, что здесь кроется какая-то загадка.

– О чем задумался? – спросил меня Рома.

Всех карт мне раскрывать не хотелось: зачем грузить хорошего человека своими проблемами? Я ограничился абстрактным:

– О таланте стилиста.

– Ты о нем? – ножницы небрежно указали в сторону белых унт.

– И о нем тоже. Не понимаю, чего Мерину не хватает? Вроде есть пиар, нужные связи. А в своей среде его не принимают.

– И не примут уже, – ответил Рома. – Сейчас очень модно называть себя стилистом. Я не возражаю – почему бы и нет. Но если ты заметил, в нашем салоне нас называют парикмахерами. И мы не обижаемся. Это профессия. Мастерство. Стилист же – это нечто непонятное. Человек, который работает с людьми, должен быть не только мастером, но и отличным психологом. Хорошая стрижка меняет внешний вид, но она еще меняет и мироощущение человека, его жизнь – пусть не в полной мере, но все-таки... Ты заметил, как меняется характер женщины, когда она становится блондинкой, рыжей, брюнеткой?

– Заметил, – улыбнулся я.

– Вот и я о том же. Мы не просто стрижем, мы преобразуем. Почувствуй разницу. Волосы человека – это нечто сакральное, вспомни, сколько

мифов и легенд связано именно с волосами.

- Допустим. А чем тебе слово «стилист» не нравится?
- Тем, что оно обещает безупречность.
- А чем плоха безупречность?

– Безупречно, Саша, нарисовать можно прямую линию – но это слишком безжизненно. Безупречность – это некоторый канон, правило, которого люди пытаются достигнуть вопреки всему и... Терпят неудачу. Вот вспомни Мерина, когда он еще стриг... Рекламной составляющей его работы касаться не буду. Каждый пиарит себя так, как считает нужным. Но он неизменно основывался на малочисленных тенденциях и модных течениях.

- Разве мода – это плохо?

– Когда все, как клоны, да. Профессиональный парикмахер, посмотрев на человека, сможет определить, какую часть внешности нужно изменить. Но не зная привычек, образа жизни человека, его доходов, нельзя в одночасье изменить ему стиль. Да так, чтобы этот стиль не нарушал гармонии личности. Понимаешь, о чем я говорю?

- Понимаю.

– Я поэтому и не люблю Москву. Здесь сплошные клоны. Одинаково одеты, покрашены, подстрижены. У них даже собачки в едином стиле с хозяйкой. Смешно! Попробуй в Париже найти двух одинаковых француженок – да тебя засмеют, если ты об этом заикнешься. Тот, кто не заморачивается на собственном стиле, им обладает. Стиль либо есть, либо его нет. Третьего не дано. Мерин же дает тебе стопроцентную гарантию, что только с ним ты приобретешь столичный шик и лоск. Будешь ходить в таких же унтах и подтягивать портки. Оно тебе надо?

Мы снова замолчали. Моя стрижка была закончена, и Роман переключился на другую модель. С помощью перьев и стразов на голове девушки нужно было изобрести нечто райское и экзотическое. Новый этап этой парикмахерской круговерти вроде бы назывался «Райские птички». Я же получил разрешение размять ноги и погулять по центру. Где-то через час должны были объявить итоги.

Очень удачно. Пора побеседовать с председателем жюри. Самое время говорить с Мерином.

Я нашел стилиста в удобных креслах. Скинув жаркую обувь, он утонул в странном сооружении из кожи, плюша и бархата на кривых уродливых ножках. Я не большой знаток стилей и направлений в мебельном дизайне, но такую бандуру не поставил бы и на помойку. Впрочем, как говорит моя мама, хорошо, что вкусы у всех разные, – не подерутся при раздаче материальных благ.

Перед Сергеем, на таком же уродливом столике, как и кресло, лежали четыре мобильные трубки. По пятой, поигрывая веселеньким брелоком, Сергей разговаривал.

- Это совершенно невыносимо, – жаловался он кому-то, манерно

растягивая слова. – Профессия вымирает. Я просто в шоке! Не знаю, кого награждать. Ну о чем ты говоришь?! Все это было, ничего нового. Это я придумал стричь на косой пробор, я совершил сексуальную революцию в стрижках. Я! Я! Я! Что? Ну конечно, ты прав. Мне нет равных. Это вообще не мой уровень – подумаешь, конкурс. Но... Меня так уговаривали, так уговаривали, не мог же я отказать. Это было бы негламурно и несексуально!

Негламурно и несексуально... Он бы еще соврал, что находится здесь исключительно по доброте душевной... Мне ли ни знать, как проходят такие конкурсы. Берут звезду, платят ей хорошие бабки, под звезду собирают рекламу и получают те самые хорошие бабки. В одном Сергей прав: новое в данной схеме придумать очень сложно.

Он намеренно не замечал меня, решив, что я один из тех, кто бежит за автографом. Как в том самом анекдоте: «Ладно, батюшка, пойдем другим путем. Не хочешь доставать любимой дочке чудо-юдо для извращенных игр сексуальных, привези-ка мне цветочек аленький».

Я расчехлил камеру и принялся снимать звезду в шоке. Звезда после второго кадра подобралась и начала позировать, капризно оттопыривая пухлые губки, покрытые прозрачным блеском.

– А ты кто? – спросил Мерин минут через десять. Долгонько же до него доходило.

– Папарацци.

– О!

И столько уважения в этом «О!» прозвучало, что мне стало смешно.

– А интервью будет? – с надеждой продолжил Мерин, и я понял, насколько дискомфортно он чувствует себя без привычного внимания. Что ж, с меня не убудет. Тем более что поговорить действительно нужно.

– Конечно! – я плюхнулся в соседнее кресло. Хм, пусть оно и уродливое, но весьма удобное. Сколько тебе говорили, Нежданов, не делай поспешных выводов. Оцени ситуацию со всех сторон. Но что поделать – черта характера. Я с детства торопыга. – Ваши творческие планы?

Более избитого вопроса не придумаешь, и задается он, как правило, в конце интервью, когда вроде бы уже все сказано, а уходить рано... Вот и мучается звезда, соображая, какие у нее творческие планы. Мерин не мучился: у него вообще какие бы то ни было рефлексии отсутствуют.

– Планов у меня много! – сообщил он доверительно. – В ближайшем будущем собираюсь записать новый альбом. Песни будут ну очень-очень сексуальные. Прямо как я.

От слова «сексуальный» меня стало слегка подташнивать. Секс, конечно, хорошая штука, но нельзя же произносить это слово всуе!

– Петь будете сами или... дуэтом с кем-то?!

– Ох уж мне эти папарацци! – кокетливо рассмеялась звезда. – Все-то вы знаете. Ладно уж, так и быть, раскрою тайну. Я буду петь с замечательной певицей. Это будет сексуальная бомба для всего шоу-бизнеса.

– С кем-кем?

– Разумеется, с Наташей Минор. С кем еще? Только она у нас самая красивая и сексуальная.

Как говорится в дурных романах: тут челюсть у главного героя и отпала. Я был готов услышать любое имя, но только не это. Мерин победно глядел на меня, словно сделал самое важное сенсационное признание в своей жизни. Я переваривал информацию.

– А вы в курсе, что Наташа... э-э... больше не поет?

Мерин заволновался:

– У нее пропал голос? Песни? Сексуальность?

Может, стукнуть его? И он станет серо-буро-малиновым в крапинку. Достал своей сексуальностью!

– У нее пропал продюсер.

– Как это?

– Вы не читаете газет и журналов?

Он грустно понурился:

– Нет. Они больше про меня не пишут. А если меня нет, то о чем там читать?!

– Значит, вы не в курсе, что Наташа после громкого скандала исчезла со сцены?

Он облегченно рассмеялся:

– Ах, это! Какая ерунда! Скандалы укрепляют репутацию артиста.

Самое противоречивое заявление из всех, которые я слышал.

– Может быть... Но если у артиста нет продюсера, ему придется несладко.

– Ты не в курсе, – Мерин снова приобрел лощеную безмятежность. – Он собирается на ней жениться, и мы будем петь на его свадьбе.

У меня было четкое ощущение, что я попал в театр абсурда.

– Скажите, Сергей, а вы ведь были на вечеринке у Наташи?

– Конечно. Но только инкогнито. Мы должны были обсудить несколько щекотливых моментов.

– Каких?

– Денежных, разумеется. А вы знаете еще какие-нибудь щекотливые моменты?

Вопрос я проигнорировал. Можно ли считать предупреждение о твоём физическом устранении щекотливым моментом?! Думаю, да.

– И вы встречались с Наташей?

– С Наташей и с Разумовским.

– Разве он был там?

– Конечно, – меня встретил наивный взгляд прозрачных глаз. – А что тебя удивляет? Это же вечеринка за его деньги.

Меня удивляло все. Словно в тумане, я вернулся в зал, выслушал аплодисменты, краем сознания отметил, что Роман получил Гран-при, отстраненно его поздравил, отказался от фуршета и вышел на улицу.

Ничего себе, сходил на сеанс красоты.

То, что Мерин встречался с Наташей, как раз неудивительно. Если принято решение о совместном проекте, то стоит ли время тянуть? Надо встречаться и договариваться. Но вот информация о том, что на этой вечеринке присутствовал и сам Разумовский, стала для меня неприятным открытием. Возможно, конечно, что он уехал раньше. И почувствовав, что контроль ослабел, Наташа и приняла лишку. Такое вполне могло быть. По слухам, Разумовский сам может выпить, но своих женщин, и уже тем более артистов, держит на алкогольном воздержании. Я не раз слышал истории, как с кем-то расторгали контракт по этому поводу.

Но что, если он был там весь вечер? Значит, он знал, в каком состоянии была Наташа, знал, что я все это буду фотографировать, и не остановил съемку. Возникает вопрос – почему?

Я резко остановился, осознав, что буквально несусь по улице, сбивая прохожих. Я не понимал, что происходит. Еще вчера ситуация казалась предельно простой: меня подставили, и надо найти того, кто это сделал. Предельно ясно и четко. Сегодня ситуация стала размытой и еще более напряженной. Сейчас мне казалось, что ко мне привязаны ниточки, и я, словно марионетка, дергаюсь во все стороны.

Итак, что мы имеем? Сергей Мерин будет петь с Наташей Минор. Проект изначально дутый и провальный. Разумовский как хороший бизнесмен должен это понимать. В творческом дуэте хотя бы один человек должен уметь петь. Минор и Мерин не поют, их голоса вытягивают за счет фонограммы. Факт общеизвестный. За счет эпатажа и, будь она неладна, сексуальности, долго не продержишься. Да и если быть объективным, нет в этих артистах ни того, ни другого. Тогда зачем проект? Посмешить публику? Ничего себе шутка, ценой в несколько миллионов евро. Однако у меня сложилось впечатление, что Мерин воспринял данное сотрудничество как долгоиграющее и очень перспективное. И, судя по всему, деньги он за это тоже получил. Более того, он даже не в курсе, что из-за скандала певческая карьера его партнерши находится под угрозой.

Так кто кого за дурака держит?!

Я разозлился. Бегаешь тут, понимаешь, как савраска в поле, пытаешься доказать свою непричастность, а в итоге получается, что лузер – это ты сам. Все в игре, один ты вне ее. Я достал мобильник и прокрутил телефонную книгу. Где же она? А вот, Наташа Минор собственной персоной. Глупо, конечно, звонить Разумовскому и спрашивать, что за фигня происходит. А вот позвонить его бывшей протее и поинтересоваться некоторыми подробностями можно.

Ну! Ну?

Будь хорошей девочкой! Возьми трубку. Через добрый десяток гудков

раздался хриплый голос.

– Алё...

Теперь важно, чтобы она меня не послала.

– Добрый день, Наташа. Я журналист. С телевидения. Мы готовим новый проект – «Звездные свадьбы». Хочу подъехать к вам, поговорить... Мне кажется, что вы станете настоящим украшением нашего канала.

Что за чушь я несу? Какой проект? Какие звездные свадьбы? Впрочем, чушь оказалась к месту. Звезда скушала и не поперхнулась.

– Телевидение? – голос слегка оживился. – А какой канал?

А что нам, красивым таким, мелочиться?

– Первый, разумеется. Какой же еще?

Для осмысления этой информации Минор потребовалось минуты три. Секунды чикали, сжигая трафик. Но мне было плевать. Сейчас мне вообще на все было плевать.

– Приезжайте, – сказала она наконец и повесила трубку.

Щас спою! Нет, лучше станцю! Это же какая уверенность у девочки в собственной значимости! Она ни на йоту не сомневается, что я знаю ее адрес. Звезда, млин.

Пришлось задействовать личные связи, и спустя пятнадцать минут я писал на коленке адрес звезды. Райончик так себе. Средненького пошиба. Скорее всего, квартиру она там снимает после скандала. Хотя... Москва разрастается так быстро, что порой и не знаешь, где выстроили очередной престижный квартал.

Я люблю спонтанность, но все же не до такой степени. Предстоящий визит слегка нервировал: одно дело отрекомендоваться по телефону, приду-мав вполне удобоваримую легенду, и совсем другое – позвонить в дверь. Если учесть, что это я – причина всех несчастий Наташи, то у нее есть полное право выставить меня за порог. И что тогда?

В раздражении на себя и окружающий мир я заглянул в кафе по дороге. Мозг и душа срочно требовали чего-то вкусного и сладкого. Заказал чай и пирожное, присел за столиком. Будь я в Питере, то обязательно бы зашел в Zoom на Гороховой, куда ходило полгорода. Но несмотря на сумасшедшую популярность, в этом местечке всегда было уютно и хорошо. Я обожаю администраторов этого кафе – Машеньку, Оленьку и Анечку. Милые, яркие, добрые, они согревают своим присутствием. Сейчас мне особенно не хватало той питерской атмосферы: когда хорошо молчать и думать о чем-то своем – без суеты и нервотрепки. В Москве так почему-то не получается.

Вкуса пирожного я так и не почувствовал. Будто картон. Телефон напомнил о себе мелодией. Костик.

– Ну как? Ты ее нашел? – судя по голосу, он находился в жутком похмелье.

– Кого?

– Весту!

- Она прислала мне вчера сообщение и снова исчезла.
- Плохо, – он замолчал. На заднем фоне я услышал слабое бульканье бутылки, – надо что-то делать. Вчера уже по ее душу приходили.
- Кто? – пришла моя очередь задавать вопросы.
- Ангелы.
- Костик, ты совсем спятил? Какие ангелы?!
- Один белый, другой серый... Два веселых гуся, – пропел он и отключился.

Костик точно спятил. Или это я с ума сошел, а все вокруг нормальные и местами даже вменяемые?!

Я расплатился по счету и направился к выходу. Какой смысл оттягивать неприятную встречу, тем более, мной же и назначенную?

...

Красота – всегда индивидуальна. То, что кажется тебе красивым, у другого вызывает недоумение. Женская красота к тому же еще и неуловима. Женщина даже в течение суток может выглядеть по-разному: утром она вызывает сочувствие, днем – интригует, вечером – соблазняет. Оценивать женскую внешность с позиции «красавица – не красавица», по меньшей мере, глупо. Тут нужны другие критерии.

Как-то мы обсуждали с Watchman эту тему. Он тогда сказал: «Женская красота – самообманка для мужчины. На словах вам каждый скажет, что главным женским качеством должна быть сексапильность, соблазнительность. То есть женщину мужчины оценивают только с одной точки зрения – насколько хорошо с ней будет в постели. Отсюда начался и женский кошмар с кодовым названием «60-90-60», испортивший тысячи женских сердец. Но если вдуматься, внешняя сексуальность, я бы сказал, «товарность» женщины, играет второстепенную роль. Намного важнее ее готовность разделить с мужчиной его судьбу. С годами это понимаешь особенно четко и ясно. Поверьте мне, Саша, женщина, которая не предаст вас даже в самых тяжелых обстоятельствах, стоит миллиона длинноногих глянцевого красотока. А если она еще и умна, то цены ей нет».

Беда в том, что в шоу-бизе женский ум не в чести. Ну, не приживается он, хоть что делай. Гламурная дурочка – самый распространенный типаж. Хотя... Умная женщина воспользуется и этим. Знаю несколько начинающих звезд, амплуа которых – недалекая блондинка, падкая на шмотки и дорогие подарки. Их нынешних покровителей вполне устраивает подобное положение вещей. Они ни на йоту не задумываются, а что, собственно, происходит в хорошенькой головке протее? А зря... Недооценивать женщину, с которой живешь, непростительная ошибка. Жаль, что многие мужчины это понимают слишком поздно.

Я позвонил в дверь. Наташа встретила меня в голубом спортивном

костюме, босиком. Волосы зачесаны в хвостик. Ни грамма косметики.

– Привет. Проходи.

Я ошалело оглянулся. Кому это она? Мне?

– Да проходи же, – рука у нее оказалась на удивление сильной. – В ногах правды нет!

Квартира оказалась небольшой и очень уютной. Три комнаты, обставленные со вкусом. В одной – небольшая студия.

– Ты извини, у меня сейчас урок вокала. Подождешь на кухне? Чай готов. Пирожки есть, бутерброды, ешь – не стесняйся. Я скоро.

Она радушно улыбнулась и исчезла в комнате. Я увидел за пианино пожилую даму, явно консерваторского типа. Сюрприз за сюрпризом, однако.

Сюрпризы продолжились на кухне. Зеленый чай, заваренный по всем правилам. В супнице – великолепный украинский борщ. В керамической мисочке – рыночная сметана. Сто лет такую не ел. Маленькие горячие пирожки.

Ей-богу, пожалуй, первый раз в жизни я растерялся. Что делать-то? Я Наташу подставил, а она меня обедом решила накормить.

Ничего не понимаю.

Но борща себе налил, закусил пирожком с мясом. Мм, как вкусно... Я схватил второй пирожок, теперь с картошкой, и едва не подавился.

Из комнаты полился невероятно красивый голос – плавный, с легкой соблазнительной хрипотцой, сильный и опытный. Наташа исполняла адажио Альбиони, но не в классической, а в джазовой обработке. И это было настолько хорошо, что я забыл обо всем на свете. Даже о борще с пирожками, хотя они были тоже произведением искусства.

Голос смолк. Затем шепот в коридоре. Хлопок двери. Наташа появилась на пороге кухни, сладко потянулась.

– Как борщ?

– Поэма.

– Это мое коронное блюдо, – сообщила она и налила себе тарелку. – Когда я пою, то после всегда хочу есть. Хорошо, что не поправляюсь. Пока. Хотя женщины в нашем роду все в теле. Я же с Украины.

Несколько минут мы ели молча. Я соображал, как подступиться к разговору. Наташа облегчила мне задачу:

– Ты, наверное, думал, что я тебя сразу выгоню, как увижу. Мол, карьеру мне загубил и всякое такое.

– Не скрою, опасения были.

– Я сразу поняла, что это ты, а не какой-то там телевизионщик.

– Откуда такая прозорливость?

– А я все проекты Первого канала на год вперед знаю. Нас же приглашают, поэтому мы в курсе. Да и кто про звездные свадьбы шоу делать будет? Вон Тина Какжетак попробовала, но дальше десятой программы дело не пошло. Не любит наш народ про чужое счастье смотреть. Ему «Клуб бывших

жен» подавай. Там сочувствия больше.

– Почему тогда по телефону ничего не сказала?

Она на мгновение задумалась.

– Мы вроде бы в одной лодке. Нас обоих подставили, – догадался я.

– Правильно понимаешь. А те, кто плывет в одной лодке, должны держаться друг друга.

– Что-то типа звездной взаимовыручки?

– Что-то типа, – она весело улыбнулась и подмигнула мне. – Ты ведь не просто так ко мне пришел. Поговорить надо.

– Поговорить действительно надо. Но ты все равно ничего не видела.

– Не видела чего?

– Не видела, кто мог взять эту дурацкую флэш-карту. Ты на первом этаже была.

Она внимательно посмотрела на меня.

– Почему ты так решил?

Я вдруг смутился под этим спокойным и искренним взглядом.

– Я же снимал тебя...

– Снимал ты меня до того...

– Но ты была...

– Пьяная и развратная?

– Ну...

Кажется, я все испортил. В ее голосе послышался холод.

– Ты не думай, я не осуждаю.

Наташа пожала плечами:

– Даже если бы ты и осуждал, что с того? Пока ты сам не захочешь, грязь к тебе не прилипнет.

– Извини.

– Не извиняйся. Ты просто делал свою работу... А я свою. Странно другое...

Я напрягся:

– Что?

– Ты же фотограф, – она недоуменно наморщила красивый лоб. – Именно ты должен был ЭТО увидеть... И понять. Я думала, что сразу просек, что к чему.

– Что понять? – подобные загадки меня всегда напрягали. – Что я должен был увидеть?

– Теперь уже не важно, – Наташа явно решила сменить тему. – Если не заметил, что об этом говорить сейчас.

Все еще хмурясь, она собрала тарелки, загрузила их в посудомоечную машину.

Я вдруг пожалел, что не курю. Сигарета – отличный повод смикшировать паузу и придумать новую тему для разговора.

– У тебя хороший голос, – кинул я пробный камень. – Не ожидал.

– Ты думал, что я вообще петь не умею? – улыбнулась Наташа.

– Если честно, то да.

– Все так думают, – облизала тарелку и подмигнула мне. – На то и рассчитано.

– На что именно? – удивился я.

– У людей стереотипное мышление. Если я приехала из Украины, то должна говорить с фрикативом и готовить борщи. Если я блондинка, то глупа, как пробка. Если я пою попсовые песни, то у меня нет ни слуха, ни голоса. Так?

– Ну, где-то так. Ты права.

– А раз так, то зачем разочаровывать людей? – она налила мне чаю. – Хотели? Получите! С меня не убудет.

– Тебе все равно, что о тебе скажут?

Она пожала плечами.

– Говорить-то все равно будут. Вот когда молчат, тогда страшно. Тогда не по себе становится.

– А скандал... Не задел?

– Скорее, помог, – она рассмеялась. – В какой-то мере я тебе за это даже благодарна.

– За что? – эта женщина не переставала меня удивлять.

– Устала безумно. Концерты, клипы, съемки эти бесконечные. Корпоративы опять же... На себя времени катастрофически не хватало. Веришь, я в последние дни петь нормально не могла. Только начинаю и тут же срываюсь на попсовый визг. Кошмар. А у меня экзамены на носу.

– Какие экзамены?

– В консерватории. Я же там учусь. А второе образование у меня платное – третий курс философского. Диплом вот надо дописывать по теории бессознательного в массовой культуре. Не стоит бросать все в самом финале.

Наверное, в этот момент я выглядел глупо. Она сочувственно похлопала меня по плечу:

– Но все это не для печати, разумеется. Не будем разбивать образ похотливой и недалекой блондинки, потерявшей свое личное счастье. По крайней мере, меня сейчас оставили в покое, и я могу наверстать упущенное.

– А в консерватории... и на философском... там не догадываются?

– О чем?

– О том. Что ты – это ты.

Она мельком взглянула на себя в зеркало, висевшее на кухне. Кокетливо смахнула с лица выбившуюся прядь волос.

– Люди видят то, что хотят видеть. Фамилии у меня – там и там – разные. Внешность тоже. Да и голоса, если вдуматься, по-разному звучат. Мой настоящий ты слышал только что. А тот, попсовый, не запоминается. Он никакой. Так сегодня все поют. К тому же всегда могу сказать, что это не я, а моя

сестра-близнец. Одной повезло в шоу-бизе, второй – на оперной сцене. Не все ж Наташе Суханхиной миражами завлекать. Я тоже хочу.

– Но зачем тебе это? – я действительно не мог понять. – Это же полная шизофрения получается.

Улыбка бабочкой слетела с ее красивых губ:

– Затем, что это интересно.

– Обманывать людей?

– Кто кого обманывает? – мой вопрос, похоже, Минор искренне раздосадовал. – Люди сами обманываются. В шоу-бизе ты как личность никого не интересуешь. Есть у тебя образ, вот и следуй ему, не выходя за рамки. Думаешь, я сначала не пыталась быть самой собой? Пела серьезные и сложные вещи, хотела сделать красивый клип, сольную программу, блог даже открыла. А в ответ слышала: «Да что ты выпендриваешься, детка? Будь самой собой. Не надо этих сложностей. Давай лучше трахнемся, детка, или споем «Ха-ра-шо! Все будет ха-ра-шо!» И мне надоело открывать этому быдлу душу.

– Ты не любишь людей?

Она мельком взглянула на меня, словно раздумывая, нет ли у меня диктофона. Потому решила на откровенность:

– Я их ненавижу. И массу эту ненавижу и глубоко презираю.

– Как же ты тогда поешь для них?

Она фыркнула:

– Легко! Секрет в том, что чем больше ты их ненавидишь, тем сильнее они тебя любят. Главное – никогда открыто в этом не признаваться.

– Мне же признаешься.

– А мы в одной лодке, не забыл? К тому же тебе никто не поверит.

Я вздохнул, признавая ее правоту:

– Я и сам не верю в происходящее.

– Вот видишь. И никто не поверит. Я – хорошая актриса. В этой жизни по-другому нельзя: любовь расслабляет, ненависть заставляет мобилизоваться и идти вперед.

– Ненависть разрушает. Как бы ты ни скрывала свои истинные чувства, рано или поздно они все равно вырвутся наружу.

– Пусть, – отмахнулась она. – Когда вырвутся, тогда и думать буду. Я ставлю перед собой вполне конкретные цели. Так проще.

– А замужество больше не является конкретной целью? Его в планах нет?

Ее тонкие пальцы нервно отбивали джазовую дробь по столешнице.

– Ты про Разумовского?

– Ты вроде за него замуж собиралась.

– Вроде да, а теперь подумаю.

Право слово, она невероятна!

– Как это – подумаешь? Он же тебе дал от ворот поворот.

Наташа презрительно усмехнулась:

– Версия «желтой» прессы. На самом деле все не так. Как и любой мужчина, Андрей уязвлен и разозлен. Но со временем он поймет, что подобные вещи – это пустяки.

– Ничего себе, пустяки... Минет в режиме онлайн.

Она спокойно отреагировала на мою ремарку:

– Не надо пошлости. Тебе это совершенно не идет, хоть ты и папарацци. Иногда, Саша, видимость важнее сути. Но суть со временем выходит на первое место. Такой, как я, у него больше не будет. И он скоро это поймет. Впрочем, сейчас это совсем неважно. Мне нравится нынешнее положение вещей. Правда-правда. Но тебя на самом деле интересует совсем другое. Выражаясь языком Элизы Дулиттл: «Тот, кто тетку укокошил, тот и шляпку спер!» Иными словами – кто взял эту флэшку, тот и распространил ее по СМИ.

– Кто отнес фотографии в СМИ, я знаю, – перебил я Наташу.

Она странно взглянула на меня:

– Оперативно. Не ожидала. Ты не стоишь на месте. Остается спросить у этого человека, кто дал ему флэшку.

– Не могу. Человек пропал.

– Чудны дела твои, Господи! – Наташа на мгновение задумалась. – Пропал, говоришь? Интересный поворот.

– Сергей Мерин сказал, что ты с ним петь собираешься.

– Да, Разумовский подумывал об этом проекте, правда, я была не в восторге. Не мой уровень. Да и денег Мерин много хотел. Мы в тот вечер с Андреем жутко разругались.

– И ты решила его наказать?

В ответ улыбка Моны Лизы. Понимай, как хочешь: ни да, ни нет. Но, скорее, да.

– Значит, Разумовский был на втором этаже?

– Был, и довольно долго. Но если ты думаешь, что это он по твоему фоту шарился, то глубоко ошибаешься.

– И мысли не было.

– Врешь. Была у тебя такая мысль. Больно уж картинка заманчивая, но увы... Андрей уехал до того, как я начала на танцполе зажигать. Иначе он бы прекратил всю эту вакханалию. А вот Мерин остался. И с большим интересом за всем этим наблюдал. Мне Слава потом рассказала.

– То есть ты думаешь, что он мог взять флэшку?

– Взять бы он мог, если бы знал, что это такое и как достается из фотоаппарата, – Наташа весело хихикнула. – Для нашего блондинчика это очень сложно. Я вообще не думаю, что это кто-то из звезд мог сделать. Слишком много телодвижений. И слишком много риска. Не комильфо, в общем. Советую тебе поискать среди своих. Там больше шансов.

– Со своими я уже разговаривал. Толку-то...

– А ты думал, что они вот так возьмут и признаются? Нет, милый, все не так просто. Ты извини, мне в университет собираться надо. Встреча с научным руководителем, – она сделала милый книксен и совершенно по-женски заинтересовалась: – А что, Разумовский обещал тебя убить?

– Обещать не обещал, но намекал.

Она довольно щелкнула пальцами:

– Он может. Он такой. Без секса совершенно звереет. А кроме меня, ему никто не нужен.

Не повезло тебе, Нежданов... Докатился... Стал разменной монетой в сексуальных интересах поп-звезды.

19.40–00.00

Может, в клуб? Ездили же раньше русские писатели к цыганам. Когда на душе было муторно и противно. Я задумался, куда податься. Клубов – пруд пруди, но какой выбрать? Атмосфера, тусовка, музыка... После недолгого раздумья выбрал клуб Димати – Black Star Club в ТЦ «Европейский». Хотя я не поклонник R'n'B. Просто именно в этом клубе несколько дней назад мы встречались с Разумовским. И теперь меня, как бы выразился герой детективного романа, «тянуло на место преступления».

Говорят, что своим интерьером новый клуб напоминает хорошо известный в гламурной тусовке клуб VIP-Room в Сен-Тропе. Не знаю, не знаю. Я объездил полсотни стран, побывал во многих городах, но в Сен-Тропе еще не был. Впрочем, какие мои годы, еще побываю и сравню. А сейчас мне срочно требовалось отвлечься.

«Европейский» – особое место на карте Москвы. По сути, это целый мир, созданный для золотой молодежи. Мир, в котором зависают всерьез и надолго, не считая денег и знакомств.

Первой, кого я увидел, была администратор Димати – Света Азарова. С Димати она начала работать еще со времен четвертой «Фабрики звезд», дело пошло так хорошо, что работает с ним до сих пор. Мне в Свете импонирует ее житейская жилка, она – этакий пацан в юбке. Но сколько парней вьется вокруг нее! Несочетаемое иногда сочетается. Подозреваю, что именно это и есть гармония.

– Привет, Нежданов! – В отличие от меня, Света явно пребывала в хорошем настроении. – Тусишь?

– Тую.

– Это правильно, – одобрила она. – Если организм требует хорошего расслабона, то большой грех не дать этого расслабона организму.

– Сама придумала?

– А то! Причем только что!

– Можешь, когда захочешь, – улыбнулся я в ответ.

– Я всегда могу, когда хочу, – ответила Света. – Искусство, Нежданов, в другом: мочь, когда не хочешь...

И она затерялась в неоновых бликах. Я оглянулся: кто здесь сегодня?!

Ну конечно! Как же без него! Ваня Артонкин собственной персоной. Вот уж кому я всегда рад. Ваня заметил меня и сделал приглашающий жест: мол, давай, присоединяйся. Рядом с ним охорашивались две симпатичные девчонки – блондинка и брюнетка.

– Мохито? – вместо приветствия спросил Ваня.

Я кивнул.

Словно по волшебству передо мной появился мохито. Мы всегда с ним пьем именно этот коктейль, когда встречаемся. Когда были чуть моложе и чуть более бесшабашней, мотались за шмотками в Италию. Не симпатизировать Артонкину нельзя, он мгновенно располагает к себе: в меру щедр, в меру мажор, в меру себе на уме. Прибавьте отличное чувство юмора – и вы поймете, почему все барышни в возрасте от пятнадцати и выше от него без ума.

Если бы Ваня вел курсы пикапа, то у него не было бы отбоя от учеников. Хотя по мне, пикап – это врожденное. Научиться пикапу можно, но это будет искусственный пикап. Только зеленые юнцы могут постоянно ходить и канючить: «Девушка, а можно с вами познакомиться? Нет? А почему?» Избитые фразы типа: «Девушка, вы не знаете, где находится ноефелет? У вас самое прекрасное имя, и я сейчас его угадаю... Ира? Света? Маша?» так же не катят. В лучшем случае это срабатывает с девочками пубертатного возраста, но они мало кому интересны. С женщинами, знающими себе цену, такой номер не пройдет.

А у Вани настоящий талант. Я до сих пор не могу понять, в чем тут дело. Вроде он ничего не делает, а порой ничего и не говорит, но барышни слетаются, словно пчелы на мед. Как он это делает, ума не приложу.

– Чего грустный такой? – по щелчку его пальцев девушки встали и обижено ретировались. – Проблемы?

– Мозг требует перезагрузки.

– Может, тебе Nuts и какую-нибудь симпатичную девицу в костюме белки?

– Шутишь?

– А почему бы и нет? Смотри на жизнь проще, Саня. Ты живешь здесь и сейчас, пользуйся моментом. Завтра может и не быть.

– Да ты философ, – ответил я и не к месту вспомнил про Наташу Минор, без пяти минут выпускницу философского факультета.

– Я реалист и вполне адекватно воспринимаю этот мир, – ответил Ваня и отхлебнул мохито. – Ты сидишь в хорошем клубе, пьешь вкусный коктейль. Общаешься с людьми, которые как минимум тебе симпатичны... Что еще надо?

– Понять.

– Законы мироздания?

– Да нет, кое-что попроще – женскую психологию.

Ваня хмыкнул:

– Проще понять законы мироздания. А женская психология... Ты просто прими как данность: она есть, и ее не может не быть.

– И?

– И все. Я никогда не загружаю мозг на тему, о чем думает моя девушка и чего она хочет.

– Почему?

– Это бесполезно. Проще спросить ее напрямую: «О чем ты думаешь и чего ты хочешь?» Умная девушка отвечает: «Я думаю о тебе и хочу норковую шубу». Или как вариант: «Я думаю о норковой шубе и хочу тебя». Тоже принимается.

– А глупая?

– А с глупыми я не общаюсь. Зачем мне лишняя головная боль?

Я выпил мохито и подумал: «И то верно, а зачем мне лишняя головная боль?»

И тут позвонила Веста.

ЧЕТВЕРГ

8.00–12.00

У англичан есть хорошая пословица: «Не будите спящую собаку». Есть ситуации, которые лучше не пытаться разрулить. Лучше их оставить в том состоянии, в каком они есть. Время все расставит по своим местам. Но я по своему характеру и темпераменту не люблю ждать и всегда тороплю события, словно боюсь чего-то не успеть. И потому нередко совершаю ошибки. Впрочем, не ошибается лишь тот, кто ничего не делает.

Меня разбудил дождь. Сумрачный московский дождь. Я лежал, уставившись в потолок, и отгонял от себя назойливую мысль-муху: я упустил что-то очень важное. Но что? Мысль противно жужжала, нарушая утреннее спокойствие, и от этого мне становилось не по себе.

Я вспомнил скомканный разговор с Вестой, и на душе стало еще гаже... Собственно, и разговора как такового не получилось. Она позвонила в тот момент, когда на полную мощность вружили музыку. Пока я бегом пробирался к выходу, слышал отдельные слова:

– ...флэшка... позвонить... прости... уезжаю... хотела сказать... этот не так... подставила...

А я кричал в трубку:

– Подожди! Только не отключайся! Прошу тебя, не отключайся! Слышишь?

Но как только я оказался в пределах слышимости, услышал короткие гудки. Вернулся к Ване. Тот сочувственно похлопал меня по плечу:

– Не переживай. Они всегда возвращаются, – наткнулся на мой бешеный взгляд и неловко произнес, – иногда... возвращаются.

Но сейчас у меня было чувство, что в этот раз Веста ушла от меня навсегда. И восстанавливать отношения уже не имеет смысла. Я не держал на нее зла, но отчего-то стало очень горько. И еще этот дождь...

На мое счастье Watchman был в сети.

Застегнутый Врасплох (8.15)

Доброе утро. Не побеспокоил?

Watchman (8.15)

Доброе утро. Всегда рад. Какие новости?

Застегнутый Врасплох (8.17)

Чем глубже я погружаюсь в это дело, тем больше запутываюсь. Ничего не понимаю. Кто мне друг, кто враг. Близкие люди, те, кому я так доверял, вдруг и как бы невзначай признаются в совершенных подлостях. Недруги, наоборот, сочувствуют. Но самое главное, я так и не приблизился к разгадке. А сегодня четверг. Начинаю думать о смерти.

Watchman (8.25)

И что надумали?

Застегнутый Врасплох (8.26)

Иронизируете?

Watchman (8.26)

Не без того. Ирония, как оплеуха, приводит в чувство. Саша, а что собственно случилось?

Застегнутый Врасплох (8.27)

Только то, что меня могут убить.

Watchman (8.27)

Кодовое слово «могут», но не «убить». Не паникуйте. Паника – отвратительный советчик.

Застегнутый Врасплох (8.28)

Это не паника. Просто... Просто я анализирую знаки, которые подкидывает мне судьба в последние дни, и понимаю, что все может быть. Обиднее всего, что повод довольно глупый...

Watchman (8.28)

Насколько я понимаю, что вы стали невольной причиной бед другого человека.

Застегнутый Врасплох (8.29)

Да нет же, нет! Еще вчера утром я так и думал, но выясняется, что с Наташей все в порядке. Она довольно спокойно воспринимает эту ситуацию, словно ничего и не произошло. И я сам начинаю думать: ничего такого – смертельного – не произошло. Ну да, фото попали в прессу... Да, временно ее карьера прервалась. Ну и что? Почему я в таком случае должен

жертвовать своей карьерой или жизнью?!

Watchman (8.30)

Никто и не говорил вам, что вы должны чем-то пожертвовать. Никто прямо вам не сказал, что в воскресенье ваша карьера закончится или вас физически уничтожат. Это всего лишь ваши домыслы. Это вы и только вы придумали то, как будут развиваться дальнейшие события. И ведете себя в соответствии с придуманной вами же матрицей. С тем же успехом вы могли бы сказать себе еще в минувшее воскресенье: «Ничего не произошло, жизнь идет, как идет». Я прав?

Застегнутый Врасплох (8.32)

Правы. Да... Наверное...

Watchman (8.33)

Но вы этого не сделали. Вы пропустили ситуацию через себя, значит, она вас задела. По-настоящему задела. И не в Разумовском деле, а в вас. Именно здесь и ищите корень своей проблемы.

Застегнутый Врасплох (8.34)

В себе?

Watchman (8.35)

Истинный корень проблемы – в человеке. Попробуйте понять, почему вас так задела эта ситуация. Какой стороне вашего «я» был брошен вызов? Профессиональной? Личной? И почему именно сейчас вы готовы закрыть глаза на ситуацию и сделать вид, что ничего особенного не произошло.

Застигнутый Врасплох (8.43)

Я подумаю над вашими словами.

Watchman (8.45)

По-моему, эта ситуация – очень важный жизненный урок, один из тех, которые проверяют личность на «вшивость». Ваша задача – выдержать этот экзамен. Если говорить о знаках, то все зависит от того, как их воспринимать. Почему вы думаете, что считываете знаки верно?

Он отключился. Несколько минут я сидел в полной тишине, осознавая жесткость и справедливость сказанных слов. Watchman прав. Как всегда. Сказав, что ничего особенного не случилось, я признал свое поражение и свою же принадлежность к той стороне шоу-биза, которую всегда презирал и ненавидел. Любую подлость можно оправдать. И уверяю вас, причины для оправдания будут вескими и значимыми. Карьера. Жизнь. Благополучие твоих близких. Но суть проблемы никуда не исчезнет. И подлость останется подлостью, как ее не ряди в красивые гламурные тряпки.

Фишка в том, что, понимая весь негатив, которые несет с собой шоу-бизнес, всю его порочную, извращенную и гиблую природу, я не могу жить без этого мира. Потому что в нем есть и нечто хорошее, пусть и не так заметное на первый взгляд. Помимо фальшивых отношений, иллюзорной искренности и кукольных улыбок, в нем встречаются настоящие талантливые люди, способные дарить свою дружбу, не требуя ничего взамен.

В свое время Гурукен, один из лучших столичных журналистов, гуру для всей московской тусовки, отнесся ко мне с пониманием. Я еще был зеленым мальчишкой и бегал по пресскам. Он мог бы послать меня «в песочницу, поиграть со сверстниками» и с профессиональной точки зрения, наверное, был бы прав. Не стоит путаться под ногами у настоящих профи. Но вместо этого не раз помогал в сложных ситуациях. Зачем? Да просто человек хороший.

Или Юля Коломийцева, с ней мы работали в Питере. Во многом благодаря ей я получил возможность фотографировать лучших звезд и делать с ними интервью. А Питер, как известно, это трамплин в Москву. В свое время Юля также могла мне дать от ворот поворот. И опять же была бы права: начинающий журналист не может сравниться с настоящими профи. Но Юля помогла без лишних слов. Спустя несколько лет я услышал, как она кому-то рассказывала об мне, ставя в пример: «Тот, кто хочет чего-то добиться, всегда добивается! Вот Нежданов... Сашка появился как-то ниоткуда... Лет 5 тому назад. Просто позвонил и сказал, что хочет снимать не то «Золотой граммофон», не то еще какой-то большой сборный концерт, на который не каждый фотограф и «с именем» может получить аккредитацию. Ну ладно... пусть «поснимает». Носился за кулисами, приставал с какими-то вопросами, даже раздражал, если честно... Но после концерта принес в офис охапку фотографий, которые удивили: красиво, со вкусом, прекрасные моменты. Волновался очень – а вдруг не понравятся. Понравились! Вот с тех пор и стал приходить на все программы, и вопрос об аккредитации отпал сам собой. Ну а потом понеслось: Москва–Питер, Питер–Москва, съемки за границей... Даже грустно, что так редко видимся». Действительно грустно, встречи стали редкими. Но я исправлюсь, Юля, честное слово....

Шоу-бизнес – это не только звезды. Эту гигантскую систему обслуживают тысячи людей: стилисты, администраторы, журналисты, пиарщики, костюмеры, осветители, звукооператоры, клипмейкеры. И здесь, как и в любой сфере, также предпочитают работать с лучшими из лучших. Вот, скажем, Олеся Сазыкина, которая начинала с обычного администратора на канале «МузТВ», а стала там мегаважной персоной. На ней не просто держится весь PR, она придумывает программы, их креативную начинку и потом курирует все от и до. Понятное дело, что за такого человека канал будет держаться.

Или Дима Коровкин, который работает на Первом канале, помощник Юрия Викторовича. Приехав в Москву из Питера, он сделал хорошую карьеру на телевидении. Мне иногда кажется, что он вообще никогда не спит, а только работает. До сих пор не пойму, как в отведенные нам всем 24 часа в сутки Дима успевает переделать не сто, а тысячу дел. Потрясающая организованность и деловая хватка, в общем, есть чему поучиться.

Многому меня научил Андрей Сивков, которого в тусовке называют Андежеушка. Андрей работает в «Первой концертной компании», которая

занимается организацией концертов и дорогих корпоративов. Ведь это совсем другой жанр, в котором есть свои нюансы.

Тот, кто хочет чего-то добиться, никогда не остановится на достигнутом. Пока ты идешь вперед, ты учишься и совершенствуешь мастерство. А мастерство бесконечно. Так мне говорил мой первый учитель – Валерий Юрьевич Ободрелов, открывший мне мир музыкальной журналистики. Он заметил меня, когда я еще учился в Школе телевизионного мастерства и привел в журнал «Твой», был моим наставником. Как там древние говорили? Учитель, воспитай ученика! Воспитал. И теперь, по словам Валерия Юрьевича, я его лучший ученик. Мне лестно. Я люблю быть лучшим. Во всем и всегда.

Что ж, для таких, как я, шоу-бизнес – идеальная площадка. Хочешь быть лучшим? Вперед! Выбирай свой путь и следуй ему без рефлексий. Я никогда не осуждаю тех, кто пытается пробиться через постель, или, не выдержав груза первой славы, попадает в наркотический или алкогольный омут. У каждого свой путь. И свою судьбу творим мы сами. Если ты не в силах противиться искушению, это твоя беда и твоя проблема, но не стоит винить окружающий мир в несправедливости и жестокости. Мир такой, какой он есть, – ни хороший, ни плохой. Но он тебе дает шанс сделать его лучше.

Да, в шоу-бизнесе очень много однодневок – имя им легион. Приходят, уходят, никто потом и не вспоминает. К счастью, есть и те, кто своим трудом, талантом, невероятным творческим потенциалом доказывают: даже в такой сложной паутине, как шоу-бизнес, можно добиться того, чего хочешь. Без постели. Без прогибаний. Без предательства своего «я».

Мне иногда кажется, что самое страшное в шоу-бизнесе – не забвение. Человеческая память – штука странная: сегодня забыли, завтра – могут и вспомнить.

На мой взгляд, в шоу-бизе самое страшное то, что называют форматом. Формат – лишь временная удача, которая очень быстро заканчивается. Как ни парадоксально это звучит.

Формат – это гибель для любого артиста. Да что там артиста! Формат – гибель для любого творческого человека. Слишком уж быстро меняются эти самые форматы: и то, что сегодня модно, через месяц становится неактуальным, проектом в духе second hand. И куда, спрашивается, деваться артисту, если формат изменился? Уходить со сцены? Или подстраиваться под новый формат? Но ведь так можно и себя растерять, разменять... Но и это твой путь.

Как-то после концерта я вдруг разговорился с одним певцом, безумно популярным в семидесятые годы. Однако последние десять лет он практически не пел и очень редко появлялся на публике. В тот вечер его выступление вызвало настоящий аншлаг. После концерта я попросил разрешения сделать несколько фотографий. Даже не для публикации в СМИ, а для мамы, которой он всегда нравился. Артист согласился. Слово за слово, и мы разговорились. Я спросил, почему он так редко выступает.

– Видите ли, Саша, – ответил он после некоторой паузы. – Артист, как бог. А боги не должны стареть, болеть. По идее они даже не должны умирать, но с этим фактом, увы, ничего не поделаешь. В какой-то момент я почувствовал, что мой голос стареет, и испытал ужас. Публика считает тебя секс-символом, она поклоняется тебе, обожает, а ты с каждым годом поешь все хуже и хуже.

– Вы и сейчас в великолепной форме!

– Спасибо за комплимент, но вам так кажется, – горько улыбнулся он. – Я чувствую, вот здесь дал слабину, здесь не дотянул, голос мне больше не подвластен. А если так, то какое у меня право обманывать публику? Если ты не можешь превзойти самого себя, то как ты можешь превзойти кого-то другого? Она ведь мне верит безоговорочно и пытается оправдать людские мои промахи. В какой-то момент я проанализировал все, что делаю на эстраде, и принял решение. Пора уступить дорогу другим, более приткым, резвым, амбициозным.

– Но ведь многие поют хуже вас!

– Хуже, лучше – это всего лишь оценочная категория. Для кого-то выпускник «Фабрики звезд» – кумир, для кого-то кумиром остается Утесов.

– Не сотвори себе кумира...

– Знаю, знаю... Но ведь творим. И я не берусь осуждать фанатов или поклонников современных звезд. Иногда нужно, чтобы в твоей жизни был кто-то – прекрасный, недостижимый и совершенный. Это помогает выжить.

Мы помолчали. И я не рискнул спросить, кто был его кумиром. На прощание этот немолодой уже человек, сказал:

– Поверьте мне, Саша, уходить надо вовремя, так, чтобы у оставшихся сохранилось легкое чувство сожаления. Дескать, все было так хорошо, и вдруг... И не поддавайтесь на уговоры: если решили, уходите. И лучше поанглийски. Так проще для всех...

Вручив снимки маме, я передал ей наш разговор.

– А знаешь, он совершенно прав, – задумчиво сказала она, рассматривая фотографии когда-то любимого артиста. – В звездах шоу-бизнеса мы любим не конкретных людей, не отдельную личность, а собственные иллюзии. И этот образ должен быть безупречным. Никаких морщин, никаких неприятностей, никаких домыслов и сплетен, как только все это происходит, звезда теряет ореол недоступности и становится одной из нас. Ее статус занижается. Теперь она как все. Вспомни, легендами стали только те, кто вовремя ушел...

– А деньги? Слава? – взвился я тогда.

– Деньги кончаются. Слава тускнеет. Остается лишь собственное «я» и осознание правильно выбранного пути. Не переживай, к этому приходишь не сразу. Нужен опыт и житейская мудрость... И то, и другое – дело наживное.

И вот сейчас я вдруг осознал, что подобный выбор и есть тот самый

путь. Может быть, самый сложный из всех: добровольно отказаться от любимого дела смогут лишь единицы. Но вот парадокс: именно их имена и войдут в историю.

Возможно, когда-нибудь и я... Но сейчас рано думать об этом. Я залпом допил чай и начал собираться. Сегодня я целый день планирую посвятить Диме Вилану. А посему пора отправляться к нему в офис: свои обещания надо выполнять.

На улице резко похолодало. Чувствовалось приближение осени. Високосный год всегда тяжелый, а этот особенно. Еще весной мои зарубежные друзья стали говорить о наступлении экономического кризиса, и вот теперь прогнозы начали сбываться. Я шел по Москве и размышлял, чем это может для меня обернуться. Как ни крути, ничем хорошим. Первым делом сократят всех фрилансеров, что обязательно ударит по моему банковскому счету. Проблемы с обналичкой, инфляция... Однако тот, кто владеет информацией, владеет миром. По моим скромным подсчетам еще был шанс подстелить себе соломки до того, как весь мир рухнет в одну большую долговую яму.

В любом случае у меня пока что остается договоренность с Димой Виланом и Сергеем Эксмешевым. Быть персональным фотографом звезд такого уровня это... Это, в общем, неплохо. Кокетничаю, конечно, но почему бы и нет.

Мне нравится бывать в офисе Димы. В голове сразу возникают ассоциации с фильмом «Дьявол носит Prada». Упаси боже подумать, что Яна Рудовская ассоциируется с героиней Мерил Скрипт. Хотя... По жесткости и деловой хватке Рудовская может, пожалуй, и превзойти этот великолепный образ. Что бы нам ни говорили, но сильные женщины, которые знают, что хотят от жизни, всегда притягивают мужчин. Яна из таких.

Впрочем, я отвлекся. Итак, офис Вилана. Здесь царит творческий хаос, которым виртуозно управляют три прекрасные грации: Марина Царева, Олеся Вискользина и Света Рогданова. Для них нет ничего невозможного: они могут заказать билет за два часа до вылета, сделать визу, договориться об интервью, ответить на все вопросы, подготовить тур и накануне мероприятия разнести, словно сказочные феи, промопакеты по всем адресам, указанным в списке.

В этой команде есть еще один человек, без которого жизнь будет серой, унылой и скучной. Это Set – наш вечный Микки-Маус. Я люблю ее улыбку и какой-то солнечный позитив. Set в любое время суток может перечислить всех диснеевских героев и одновременно ответить на любые вопросы по райдеру Димы Вилана. Как в ней все это уживается, до сих пор не пойму. Поскольку Set ценит умных и искренних людей, не страдающих звездной болезнью, то и круг общения у нее именно такой – умный, искренний и без всякого намека на звездную болезнь. Однажды мы говорили о своих мечтах, и она призналась, что хочет доучить английский и стать Президентом

США. А что, это было бы прекрасно! Микки-Маус сразу же приобрел бы статус национального героя Америки, а я бы стал штатным фотографом в Белом доме. Классная мечта! Пусть сбудется!

Поразительно, это совсем молодые девчонки, но они уже профи и прекрасно знают всю подноготную шоу-бизнеса. Диме Вилану можно только позавидовать: у него молодой, красивый и очень сплоченный коллектив, который способен претворять в жизнь самые невероятные проекты.

12.00–19.00

...Я открыл дверь и оказался в совершенно ином мире.

– Привет, – сказала Света, одновременно она отправляла факс и беседовала по мобильному телефону.

– Привет! – Марина лихо барабанила по клавишам. – Проходи. Располагайся. Яна скоро будет.

– А Дима?

– И Дима скоро будет, – Олеся выскочила из комнаты имени Вилана. – Уф, вроде все расставила.

– Новые поступления? – я снял куртку и бросил ее на ближайший стул, чувствуя, как сам заряжаюсь энергией девчонок.

– А то! Вчера концерт. Позавчера концерт. Поклонницы решили одарить своего кумира, – Олеся кивнула на дверь. Мол, если хочешь, то смотри.

Говорят, музей программы «Поле чудес» способен поразить воображение даже самого невозмутимого человека. Не знаю, не был. И честно говоря, после «музеев» подарков имени Вилана и не хочу. Потому что вряд ли найдется другой такой «музей», где бы концентрировалась невероятная аура человеческой любви к артисту. Чего тут только нет! Награды, призы, открытки, плакаты, подушки с изображением Димы, какие-то невероятные фенечки. И самое главное, что все это работает на артиста.

В энергетику этой комнаты я не верил. Но сам видел несколько раз, как после тяжелых концертов или сложных переговоров Дима приезжал в офис. Усталый, раздраженный, измотанный. Однако ему было достаточно провести полчаса в этой комнате, как всю усталость словно рукой сняло.

– Да все просто! – сказала он, когда я спросил, в чем загадка. – Единственное, что подпитывает любого артиста, – это любовь зрителей. Без нее – мы никто, мы чахнем и болеем. Все эти предметы заряжены невероятной энергетикой, я ее чувствую, когда касаюсь подарков, и мне становится лучше и спокойнее на душе.

Девчонки порхали по офису, успевая переделать сотни дел. Я невольно залюбовался их слаженными и красивыми движениями. Ни капли раздражения, улыбаются... Вот что значит – любимая работа.

– Работаем? – в легком шлейфе вкусных духов в офис влетела Яна. – Молодцы! Что у нас нового?!

На секунду я оглох. Три грации синхронно рапортовали о достигнутых успехах, Яна в ответ довольно кивала. Удивительно, но ни одна из девочек не сбилась со своей сольной партии, а Рудовская поняла всех трех. И не только поняла, но и в считанные мгновения проанализировала имеющуюся информацию.

– Отлично! На сегодня у нас много работы. Нужно продумать рекламную кампанию нового тура Димы. Сначала Россия. В начале года – Европа. Подогреем интерес к российскому «Евровидению». Скоро подойдет Манюня Хлебникова – обсудите с ней план встреч в российских фан-клубах. Это тоже важно, – пока Яна отдавала указания, она набирала номер телефона, и, услышав ответ, скрылась в кабинете.

Новый тур – это хорошо. Значит, будет много работы.

– Точные сроки уже есть? – спросил я у девочек.

– Сроки уточняются. Если что, ты узнаешь одним из первых, – улыбнулась Марина. – Сам понимаешь, без тебя никуда.

Слова – дорогого стоят. На самом деле, персональных фотографов у Вилана два. Я и Катя Латышева. Я как фрилансер езжу с Димой по европейским городам, Катя – в основном по России. Другой человек в такой ситуации завидовал бы мне страшно. Ишь, как устроился: ему, видите ли, Европу подавай! А мне, получается, достается что попроще: Тверь, Мурманск, Екатеринбург и все Золотое кольцо России. Другой бы человек начал подсиживать, интриговать, пытаться переключить на себя внимание. Но только не Катя. Она в этом отношении уникальна. Никому не завидует, никого не подсиживает – тихо и без помпезной суеты делает свою работу, и снимки у нее, надо сказать, получаются блестящие.

Я вообще заметил, что Вилана окружают хорошие и очень интересные люди. Плохая энергетика с ним не задерживается. Яна как-то сказала, что у Димы очень сильный ангел-хранитель за правым плечом, и он артиста бережет и охраняет. Иначе как назвать череду тех случайных совпадений, которые в конечном итоге привели его к победе на «Евровидении»?!

Впрочем, не стоит умалять и заслуги Яны. Именно она придумала в свое время номер с балеринами и пианино, она добилась того, чтобы Дима поехал во второй раз на «Евровидение», ей принадлежит идея с великолепным трио: соло, скрипка и танец. Она вообще полна невероятных творческих идей. Одного не пойму: когда она все успевает? Может, тайм-менеджмент, которым сейчас «заболели» все, кому не лень?!

– А вот и Манюня!

Манюня – это основатель и президент фан-клуба Вилана. Поклонник у Димы много, фан-клубов тоже, но этот официальный. Так сказать, признанный на самом высоком уровне. Все остальные под ним. Несмотря на свой юный возраст, Манюня – великолепный организатор и прикольная

девчонка, ее любят и уважают. Все встречи с поклонниками организовывает Манюня, и надо сказать, что, в отличие от других звезд, они проходят на самом высоком уровне. Артисту важно, чтобы его ждали, чтобы его встречали. Без этого и артист не артист. Чего-то не хватает.

Пожалуй, другой фан-клуб, чья работа заслуживает уважения, это клуб Сергея Эксмешева. Причем в случае Сергея многие встречи проходят по его инициативе. Еще со времен группы «СМЕРШ» у Сергея было намного больше поклонниц, чем у второго артиста – Влада Моталова. Последний, по слухам, очень на это обижался. Приезжают на вокзал: Сергея встречает толпа поклонниц с букетами и транспарантами, а Влада носильщики с вопросом: «Вещи грузить будете?» Обидно, да?

– Как мы относимся к людям, так и люди относятся к нам, – признался мне Эксмешев во время одного из интервью. – Я люблю своего зрителя. И мне хочется знать о нем больше. Что ему нравится? Что не нравится? Почему он приходит на мой концерт? Мне интересно, чем живут эти люди, о чем думают, о чем мечтают. И когда они чувствуют, что этот интерес искренний, они идут навстречу. Я дарю людям свою энергетику, они в ответ отвечают мне добром. Но если ты презрительно относишься к тем, кто тебя окружает, это отношение вернется к тебе бумерангом.

– Но ведь разные фанаты бывают, – возразил я. – Некоторых лучше держать на расстоянии.

– Я предпочитаю слово «поклонники», – ответил Эксмешев. – Ты прав, люди бывают разные, но мне везет. И я люблю своих поклонников.

Везло и Вилану. Поклонницы у него были на редкость преданными, тактичными и хорошо организованными, но в последнем я видел заслугу Манюни.

...Манюня вошла уверенно, и сразу стало понятно – она здесь своя. И в этом еще одна отличительная особенность команды Вилана. Дима и Яна довольно долго присматриваются к новичкам, прикидывая – свой или чужой, но когда понимают, что свой, – допускают в свой мир. И это доверие дорогого стоит. За своих они горой. Я сам не раз бывал в обстоятельствах, когда та или иная ситуация казалась неразрешимой. На помощь приходила Яна, приходил Дима, и проблемы разрешались сами собой.словно по мановению волшебной палочки. Собственно, именно Яна настояла, чтобы я поехал в первую поездку по Европе в качестве фотографа. Она увидела мои снимки, поговорила со мной и после минутного раздумья сказала:

– Будем работать. Остальное покажет время. Если ты наш, то сработаемся. Если нет, то расстанемся без проблем. По рукам?

По рукам.

Я оказался своим, и уже потом, когда мы случайно коснулись в разговоре этого щекотливого момента «свой – не свой», Яна призналась:

– Я не первый год в шоу-бизнесе и со временем поняла, что не зря при приеме на работу американцы ставят на первое место деловую репутацию.

Это правильно. У нас же это качество стали ценить только в последнее время. Но деловая репутация – очень большое подспорье при приеме на работу. Просто когда ты берешь человека с улицы, то вытаскиваешь лотерейный билет: повезет – не повезет. Поэтому я в последнее время стараюсь брать людей на работу при наличии большого количества рекомендательных писем и хорошей деловой репутации. Это только кажется, что я поговорила с человеком и сразу его взяла. Ничего подобного! Для начала я всегда навожу справки.

Точно так же Яна решила работать с Сашей Титянко, которая сейчас является администратором Вилана в Европе. История Саши вообще уникальна. Те, кто ее знают, до конца не верят, что подобное вообще возможно в шоу-бизнесе. Невероятное стечение удачных обстоятельств и собственной энергетики. Начинала Саша с группы «Туту». Европейский MTV искал, во что бы вложить деньги. Саша предложила: «Вложите в «Туту», это очень перспективный проект. Европейцы ошалеют, когда увидят наших девчонок». И как в воду глядела: европейцы не просто ошалели, они сошли с ума... Началась «тутумания». Саша, которая представляла интересы этой группы, оказалась в выигрыше, причем как в материальном, так и в профессиональном. Но все хорошее рано или поздно заканчивается.

И в один прекрасный день Саша позвонила Яне. Они проговорили час. На следующий день Саша стала работать с Виланом. И та, и другая стороны не прогадали.

– Мы с тобой, тетка, не артисты, – сказала мне потом Саша. – У нас тобой другая задача – удержаться и заработать.

– А творчество?

В ответ последовал ироничный взгляд.

– И творчество. И все-таки главная наша задача – выжить. А для этого, впрочем, как и в любой другой области, нужно стать незаменимыми. Понимаешь, о чем я?

Я понимал. Каждому из нас хочется быть незаменимым. Вот только не каждому это удастся. Саше удалось.

– Не жалеешь, что эпоха «Туту» закончилась? – спросил я ее.

Она пожала плечами.

– Любой проект живет несколько лет, а затем...

– А затем?

– Затем он либо умирает, либо меняется. И это нормально. Только не все артисты оказываются готовы к тому, что нужно меняться. Отсюда – проблемы. Мы перестраиваемся намного быстрее, и в этом наш главный козырь. То, что «Туту» прорвались – стало для всех культурным шоком, феноменом, если хочешь. Они же долгое время были уверены, что в России медведи по улицам ходят в буденовках и в пионерских галстуках. А тут вдруг две девчонки – пришли, спели, поцеловались, и все на каком-то сумасшедшем драйве. Запад от такого нервяка в оргазме бьется. У них все как положено,

а тут русские...

– Со своим «самоваром»...

– Но ведь сработало! На Западе они стали первыми. Представляешь, тутушек до сих пор помнят... Задаю вопрос западным людям из шоу-бизнеса, кого они знают из наших артистов, они отвечают – «Туту». Наши девчонки перепахали европейские мозги похлеще, чем нам в свое время «Капитал» Маркса.

После паузы она добавила:

– Хороший был проект. Но он закончился. Перевернули страницу. Живем дальше.

Саша действительно стала незаменимым человеком в команде Вилана. На гастролях она переводила (благо знает английский язык в совершенстве), решала многие вопросы. По сути, именно она продвинула бренд Вилана в Европе. И теперь европейцы сходят с ума от энергетики Вилана.

Саша вошла с букетом красных лилий – еще одна ее визитная карточка. На плече MacBook Air. Воплощение бизнес-леди. Она любит жить со вкусом. Дорого, на широкую ногу. И в этом я ее только поддерживаю. Если у тебя есть такая возможность – живи так, как ты хочешь. Пользуйся материальными благами и радуйся тому, что ты многое можешь себе позволить. Тем более что все это оплачено твоим трудом, талантом и креативом. В общем, когда я вижу Сашу, у меня сердце радуется – для меня она образец успешного человека, который всего добился сам.

Вскоре подошла и Катя. Весь коллектив в сборе, осталось дожидаться Диму.

...

Он приехал, когда мы захлеб обсуждали возможный сценарий его клипа. Не исключаю, что потом сценарий закажут профессионалам, но такой «мозговой штурм» тоже бывает весьма полезен. Особенно хорошие штурмы получаются у Яны с Димой. Наблюдать за ними в момент обсуждения – одно удовольствие.

– Самое главное в создании проекта – это идея и команда, которая над ней работает, – ответила Яна, когда я спросил ее, в чем секрет. – Был уникальный случай, когда выступление перед «Евровидением» делала я сама от и до. А иногда мы сидим с Димой и вместе все придумываем. У нас с ним действительно команда, мы работаем не как продюсер и артист, а как друзья и коллеги, как люди, которые понимают друг друга. Дима – безумно талантливый и тонкий человек. И потом, не забывай – мы одного с ним знака. Сошлись два Козерога, у одного – стремление, хватка, большое желание работать, а другой – человек творческий, который ежедневно готов доказывать, что он все может. В общем, у нас уникальный тандем. Другого такого ты не найдешь.

Но сейчас один из Козерогов запаздывал...

Сценарий клипа – один из самых сложных жанров. Уложить в три минуты историю жизни невероятно трудно. И только единицам это удастся сделать красиво и талантливо. Два притопа, три прихлопа уже не впечатляют, как и навороченные спецэффекты. Виды Парижа, Пальмы де Майорки, Тибета и прочих мест, столь любезных сердцу человека, не цепляют. Впрочем, и монохромность также оставляет желать лучшего. И приходит момент, когда артист задается вопросом: «А что будем снимать?» Заметьте, не режиссер, а сам артист. Ведь порой от клипа зависит – понравится песня или нет.

Новая песня Вилана – стопроцентный хит. В принципе, Вилану достаточно выйти в своей любимой белой майке и джинсах и просто спеть. Но...

– Уже было, – сказала Яна. – Думаем дальше.

– Может, конкурс объявить? – спросила Манюня.

– Объявляй! – разрешила Яна. – Иногда самые гениальные идеи появляются именно так. Прочитала то, что нам прислали сценаристы. Печально, ребята, кризис творческой мысли. Ничего нового, а этой песней мы должны поразить Европу в самое сердце.

– Только Европу? – спросил я.

Яна хитро посмотрела на меня.

– А ты считаешь, что Россия к Европе не относится?

Вопрос в духе Черчилля. По воспоминаниям, он тоже любил подобные ловушки. Вне зависимости от того, скажешь ты «да» или «нет», ты все равно проиграл. Поэтому лучше промолчать.

– А сам Дима что думает? – спросила Марина.

– Я думаю о стиле ретро, – ответил Дима, появившись на пороге.

Его эффектное появление было встречено радостными улыбками.

– Почему ретро? – нахмурилась Яна. – У тебя же песня динамичная...

– Ну, сама посуди... Сейчас ведь кризис, так? – Дима присел рядом с нами. – Все переживают не лучшие времена. В Америке тоже не лучшие времена, совсем как в 1929 году, в дни Великой депрессии.

Яна кивнула:

– Точно! Мафия, сухой закон, гангстеры, подпольные синдикаты... Дима, ты гений! Это же блестящая стилизация. И песня замечательно в этот образ ложится.

– Вот и я тебе о том же, – кивнул Дима. – Только давай в этот раз без девиц сделаем...

– То есть как это без девиц? Вон у нас сколько моделей на выбор!

– Ну, пусть они фоном идут... Никаких там встреч, прогулок друг другу навстречу, финальных пауз глаза в глаза. Поверь мне – не надо этого. Пусть будет мужской жесткач – красивый и стильный. И в финале я как бы перепрыгиваю в наше время...

– Здорово! – оценили все.

– Сценарий сами сделаем, – решила Яна. – Идея есть, осталось облечь

ее в форму. Кстати, Саша...

Она повернулась ко мне...

– Ты обещал фотографии. И много...

– Обещал!

– И где? – в этот момент она напомнила мне маленькую капризную девочку, которой так и не дали долгожданную игрушку.

– Да вот же они!

Все-таки хорошо работать с теми, с кем ты находишься на одной волне. Пусть и музыкальной.

Пока Яна вместе с девочками рассматривала фотографии, я решил поговорить с Димой.

– Какие проблемы? – Дима излучал стопроцентный американский оптимизм. Я мельком подумал, что из него получился бы великолепный актер для какого-нибудь американского боевика.

– Что ты можешь сказать о Разумовском?

Он невольно оглянулся на Яну – не слышит ли. Упоминание имени одного продюсера в присутствии другого – это дурной тон. Всем известно, насколько щепетильна Яна в вопросах деловых отношений – и если ей не доверяют, она расстанется с этими людьми. Говорит, что такой подход экономит ей нервы и силы.

– Пойдем в «музей».

Когда мы закрыли дверь, Дима спросил:

– Что у тебя за дела с Разумовским?

Я вкратце рассказал. Дима помолчал, мысленно анализируя ситуацию, теребя ремешок Patek Philippe за 60 000 евро.

– Плохо, что ты попал в его поле зрения, – сказал он наконец. – Погнался за деньгами и влип. Другое дело, что из любой ситуации можно найти выход. Физически устранять тебя никто не будет. Не тот случай.

– Разве что громил своих попросит, – горько пошутил я. – Мне сломают обе руки и нос, чтобы впредь неповадно было.

Дима сочувственно кивнул. Мы оба хорошо помнили некрасивую историю, которая произошла несколько лет назад. На популярного певца, обвинившего Разумовского в нечестной игре, было совершено нападение. Певцу сломали нос и руку, после чего он навсегда эмигрировал в маленький провинциальный Цюрих. По слухам, разводит розы и не помышляет о возвращении на родину.

Но мне Швейцария не светит.

– Что бы ты сделал на моем месте? – спросил я Диму. Все-таки в его жизни так же случались тяжелые времена, и он не раз был загнан обстоятельствами в угол. Но всегда с честью выходил даже из самых непростых ситуаций.

– Твоя проблема в том, что ты собрал массу разрозненных кусочков, но единой картинки у тебя пока не получилось. То ли каких-то кусочков не

хватает, то ли сложил ты их неправильно. И вместо того чтобы остановиться и подумать, ты бросаешься на поиски новых улик и доказательств. А самого главного у тебя по-прежнему нет.

– Чего?

– Того, что есть в каждом преступлении, Саша, – ответил Дима. – Начиная с банальной кражи и заканчивая убийством. У тебя нет мотива.

Я вспомнил, что Watchman говорил о том же.

– Я ищу его, Дима, но...

– Не стоит искать черную кошку в черной комнате, особенно если ее там нет.

– Это ты к чему?

– А ты не думал, что в этой истории вообще нет мотива?!

19.00–00.00

Господи, как же я устал!

Вышел из офиса Вилана и снова поймал себя на этой мысли. Взгляд со стороны помог объективно посмотреть на ситуацию. Мне с самого начала казалось, что в ней есть что-то неправильное. По наивности я сначала думал – причина в Разумовском. Но сейчас мне так не казалось. Получается, что это все-таки мой враг?!

Но почему? Профессиональная зависть? Уверенность, что Нежданов везунчик, каких свет не видел, и все ему удастся?

Радоваться чужим успехам сложнее всего. Бывает, вроде и симпатичен тебе человек, но мысль о том, что он в чем-то превзошел тебя, становится невыносимой. Ты фальшиво улыбаешься, делаешь вид, что рад, но на сердце все равно кошки скребут зависть. Это чувство я отлично знаю и вот уже несколько лет выжигаю его в себе железом каленым. Если ты любишь человека, чувствуешь к нему расположение, то ты радуешься его успехам, вне зависимости от того, что эти успехи в несколько раз превосходят твои.

Зависть – сильный грех. Как и жадность. Гребут под себя. Гребут, словно все это можно унести с собой на тот свет. Я за красивую, дорогую жизнь, доставляющую тебе удовольствие, но при условии, что она не становится культом.

Опять я отвлекся... Может, пришла пора вспомнить про своих врагов? Но что толку вспоминать того, чего нет?! Были в моей жизни люди, с которыми я расставался с огромным облегчением, боясь себе признаться, что еще чуть-чуть, и мы стали бы – нет, не врагами! Скорее, заклятыми недругами. Я не люблю взращивать в себе негатив, это чувство дырявит ауру. А как жить с дырявой аурой? Ответ сам собой напрашивается – плохо.

Так в чем причина? Во мне или не во мне? Еще немного – и я впаду в состояние Гамлета: «Быть или не быть? Вот в чем вопрос!»

Если Дима прав и мотива как такового вообще не существует, то зачем разыгрывать эту странную комбинацию?

А если... Я замер от неожиданной мысли. А что, если главная цель – не я и не Разумовский. Главная цель – Наташа.

Какой же ты идиот, Нежданов! Почему эта простая мысль не пришла тебе в голову? Ты заикнулся на собственной персоне. Потом переключил внимание на продюсера. Но кто больше всех пострадал в этой истории? Наташа! Она и только она! Счастье, что она довольно спокойно восприняла ситуацию, а ведь могла бы сейчас... Я поежился. Вариантов развития дальнейших событий – масса. Вплоть до суицида: шоу-бизнес знает немало историй, когда люди, лишившиеся популярности, кончали с собой.

Однако Наташа оказалась сильнее. И тот, кто украл флэшку, просчитался.

Но почему в качестве исполнителя выбрали Весту? Как раз вот это можно объяснить. Как я уже говорил, Веста часто бывала на тусовках. Многие ее знали, следовательно, впоследствии имя Весты могли связать со мной. Просто, как все гениальное.

Как вам такая версия? Чтобы пропиарить себя, Нежданов сам вынул флэшку из камеры, передал ее своей подруге и приказал отнести во все издания, где он печатался до этого. И вуаля – цель достигнута!

Наверное, именно на это мне и намекала Наташа, когда сказала: «Ты так ничего и не понял». А я думал только о себе...

Стоп, стоп, стоп... Дышим ровно, думаем медленно. Какие враги могут быть у Наташи?

Первое имя – Марина, подруга Славы. Ведь если бы не Наташа, у Марины вполне могла бы получиться неплохая карьера... Или я домысливаю? Впрочем, с врагами поп-звезды всегда просто: кому дорожку перебежала, тот и враг.

Я и сам не заметил, как ноги понесли меня к «МузТВ». Знаю только одного человека, который мне может помочь.

...

Агнетта Красильщикова – PR-директор «МузТВ». Говорят, что каждый день на «МузТВ» начинается с того, что народ делает ставки: в каком экстравагантном наряде сегодня придет на работу Агнетта. Ее наряды – всегда верх вкуса и оригинальности. Она яркая актриса, а когда иногда выступает в театре, в свободное от работы время, то Маргарита в ее исполнении – довольно таки божественна и обворожительна.

В офисе полным ходом шла подготовка к «Премии МузТВ».

– Привет, Саша, – Агнетта, казалось, даже не удивилась моему появлению. – Какими судьбами?

– А чего это вы тут делаете? – вопросом на вопрос ответил я. – «Премия»

же недавно была!

– А ты предлагаешь все в последний момент делать? – осведомилась Агнетта. – Плавали, знаем. Накладка на накладке. А кто виноват? Я!

– Ладно тебе, – я примиряющее поднял руки вверх, демонстрируя, что сдаюсь против столь убедительной женской логики. – И кто в претендентах на будущий год?

– С мужчинами все понятно: Вилан, Эксмешев... А вот с номинантками сложнее. Благодаря твоей камере мы потеряли одну из главных претенденток на главный приз.

– Минор?

– Она самая. Жаль, талантливая девчонка, у нее были все шансы.

– Погоди списывать ее со счетов, – посоветовал я. – Впереди много времени. Все еще может измениться.

Агнетта как-то странно взглянула на меня. Секунду она колебалась, потом приняла решение.

– Пойдем-ка, кофейку попьем.

– Кофе на ночь вреден, – сообщил я известный трюизм.

– Жить вообще вредно, от этого умирают. А вот поговорить в спокойной обстановке надо.

Спустя несколько минут мы сидели в кафе. От кофе мы оба отказались, выбрав напитки чуть крепче. Рабочий день давно закончился, можно было себе позволить.

– Значит так, Нежданов, – Агнетта сразу взяла быка за рога. – Ситуацию я знаю. В общих чертах, но и этого достаточно. В то, что ты это сделал, ни минуты не верила, хотя такая версия у многих возникла сразу, скрывать не стану.

– И почему не поверила?

Она пригубила вино и авторитетно изрекла:

– Ты же не дурак.

Не дурак, она права.

– Так о чем ты хотела поговорить?

– Ты считаешь, что хотели подставить Минор? – и снова четкость и предельная откровенность. Видимо, дело серьезнее, чем я предполагал.

– Пришла в голову такая мысль. Вчера я беседовал с Наташей. И понял, что она...

– Не та, за кого себя выдает? – улыбнулась Агнетта. – Я давно это просекла. У нее потрясающий голос и великолепные актерские способности. У нее есть ум, есть желание работать и совершенно не женская деловая хватка. И еще...

– Что?

– Она – звезда, Саша. Не однодневка. Поверь моему чутью. Такие на нашей эстраде появляются очень редко.

– И поэтому ее решили убрать?

– Хорошие вопросы задаешь, Саша. Очень хорошие. Главное, что они правильные, – Агнетта сделала паузу. – Шоу-бизнес – это бабки. Очень большие бабки. А любой артист – это объект для инвестиций. Наташа – очень выгодный проект. Как PR-директор я чувствую в ней гигантский потенциал. При удачном раскладе сил даже Примадонне придется подвинуться. Естественно, что кому-то такой расклад может не понравиться.

– И кому же?

– А ты будто не знаешь? – она тонко улыбнулась. – Кто из наших продюсеров выводит на сцену новые проекты? Проанализируй списки номинантов «Премии МузТВ», и ты поймешь.

– А что дальше?

– Дальше предоставь эту информацию Разумовскому и спи спокойно. Он разберется. Это уже не твоя печаль. Сам ты ничего не сделаешь.

– Допустим. Но остается одна проблема...

– Какая?

– Мне важно знать, кто вынул флэшку из камеры и передал ее Весте.

– Зачем?

– Во-первых, я не хочу иметь с этим человеком ничего общего.

– Есть и во-вторых?

– Да. Я хочу посмотреть ему в глаза.

Она грустно рассмеялась.

– Ты неисправим, Саша. Сколько ты лет в шоу-бизнесе? Десять? Двенадцать?

– Неважно.

– И ты по-прежнему веришь в его светлую сторону.

– Верю, Агнетта.

Задумчивый взгляд из-под длинных ресниц:

– Счастливый. Завидую.

...

Расставшись с Агнеттой, я, подобно Штирлицу, пошел по коридору. То и дело встречались знакомые лица. Ни к чему не обязывающее общение: «Привет! – Привет! – Как дела? – Отлично! – Что нового? – Да все!» И все это торопливо, на бегу, с изображением искренней радости. Я поймал себя на мысли, что это начинает меня раздражать. Странно... Неужели взрослому?..

В одном из павильонов только что закончились съемки передачи. Я обратил внимание, что среди зрителей – молодые люди. У каждого второго под мышкой журнал «КВИР». Единственное издание, которое предпочитает читать гей-тусовка. Причем не просто тусовка, а гей-селебы. Когда «КВИР» только-только появился в России, ему прогнозировали скорое забвение. Мол, не может прижиться подобный журнал в стране с патриархальными

традициями. В конце концов, запрещают же у нас проведение гей-парадов. А журнал, глядишь, еще и похуже будет: ежемесячная пропаганда нетрадиционной любви. Однако «КВИР» выжил и стал довольно-таки популярным в своей среде. «КВИР» победил и покорила мужскую аудиторию, в первую очередь, благодаря его создателям и идейным вдохновителям Эду Мишину, Владимиру Волошину и Севе Галкину.

Вскоре стали появляться и группы, и артисты, которые не стеснялись своей нестандартной сексуальной ориентации. К счастью, у многих хватало ума не делать сей факт главной фишкой для раскрутки. Просто из своей ориентации не делали тайны: «Ну да, я гей, она лесби. Что в этом такого? Мы говорим о музыке или о постели? О музыке? Тогда при чем тут вопросы о моей частной жизни?»

Это раньше известие о том, что артист испытывает слабость по отношению к собственному полу, могло разрушить его карьеру. Достаточно, к примеру, вспомнить Жана Маре, который всю жизнь поддерживал репутацию героя-любовника и страшно переживал, что кто-то может раскрыть его тайну.

На российской эстраде законы были еще более жесткими. Фальшивые браки, усыновленные дети, изображение пылких чувств по отношению к женскому полу, преувеличенный мачизм – все, чтобы никто не догадался и не подумал чего нехорошего. Женщинам было проще: о последовательницах школы Сафо у нас мало кто догадывался. Так что наличие мужа и ребенка снимало всяческие некорректные вопросы.

Новое время – новые правила. То, что ты гей, уже не разрушит твою карьеру, просто станет чуть меньше поклонниц и чуть больше поклонников. Артисты старой формации мысленно завидовали молодым – тем не надо надевать маску счастливого семьянина или Дон Жуана. Каждый теперь может быть самим собой. Теперь наступило время для поколения би, для которого нет запретов и которое с легкостью избавляется от комплексов.

Пожалуй, единственное, что мне не нравилось, – это то, с какой легкостью новоявленные звезды приоткрывали секреты своей частной жизни. Попасть в программу «Секс с Инессой Плеховой» – считается теперь большой жизненной удачей. За три минуты ты выворачиваешь горы грязного белья и гордишься своей незакомплексованностью. Надо раздеться? Пожалуйста! Сокопиться? Пожалуйста! Показать откровенные фото бывшей пассивки? Нет проблем! Вот от этой грязи, честно говоря, мутило и мутит. Я понимаю людей, которым нравятся представители собственного пола. Я не против того, что люди любят друг друга и живут вместе, невзирая на моральные устои современного общества. Но я не понимаю, как можно предать доверие человека, к которому ты был неравнодушен!

Несколько лет назад вышла автобиография режиссера Андрэ Кочаловского, сына известного советского поэта, облащенного властью и жизнью.

В книге было столько звездных женских имен, что она практически сразу стала бестселлером. Моя мама, которая не пропускает ни одной новинки, естественно, прочитала. И с некоторой брезгливостью отложила в сторону. Такое отношение меня удивило – книга ведь неплохо написана, – и я спросил, в чем дело.

- Знаешь, чем отличается мужчина от самца?
- У мужчины есть деньги, – вспомнил я известный анекдот.
- Я серьезно.
- Ну... А чем?

– Мужчина никогда не упоминает имя своей женщины всуе. Причем неважно – расстались они или до сих пор живут вместе. Подробности частной жизни касаются только двоих. И верх неприличия выносить их на публику. Когда мужчина рассказывает, сколько раз и как именно он спал с женщиной, это пошло. А пошлость никого не украшает. Поэтому вне зависимости от того, что в дальнейшем снимет это кинорежиссер, его фильмы я смотреть не стану.

Впоследствии, когда я включал телевизор и попадал на шоу очередной супруги Кочаловского, то ловил себя на странной мысли: а если они разведутся, он тоже про нее напишет?

Именно по этой причине я стараюсь не смотреть разнообразные шоу, в которых герои выносят свои частные проблемы на публику. Тот, кто это делает, всегда жалок. Тебе нечего сказать о себе, и ты говоришь о тех, кто тебе доверял.

Настроение было на нуле. На улице посмотрел на мобильный как на единственное спасение. И спасение пришло.

– Саша, привет! – я сразу узнал голос Егора. – Ты где бродишь? Который день в Москве и ни разу не заглянул. Демон тут. Сидим и тебя ждем. Мать вкусностей наготовила. Отец уже пять раз заглядывал с вопросом: «Саше позвонили?» Вот и звоним. Когда тебя ждать?

Я невольно улыбнулся:

– Сейчас и ждите. Еду.

Дима (Demon) и Егор (Scorpion) – мои лучшие московские друзья. Мы знакомы с 16 лет, и они мне как братья. Бывает такое, когда вдруг понимаешь: ты находишься с человеком на одной волне, у вас много общего. Со временем он становится тебе как родственник, родной пусть не по крови, а по духу. Вот для меня Demon и Scorpion такие люди – близкие по духу и энергетике. Когда у меня не было квартиры в Москве, я останавливался у Егора. У них даже есть раскладушка имени Саньки Нежданова. Отец Егора говорит, что когда я стану миллионером, то они продадут раскладушку, на которой я спал. Продадут и сразу разбогатеют. Когда я представляю эту картину, то меня всегда разбирает смех. Я свернул в сторону метро. Москва вновь впала в привычный вечерний коллапс – кругом пробки. На метро будет проще и быстрее.

Телефон пискнул, принимая sms: «Саня, привет! Давно не виделись. Давай встретимся на следующей неделе, если ты в Москве».

Ох, отпускает! Ледяной ком у сердца понемногу стал таять. Я вдохнул и выдохнул горячий московский ночной воздух, пропитанный запахом духов и столичной суетой. Подумать только: всего одно сообщение, а сразу стало легче на душе. Еще один хороший человек вспомнил обо мне. Всегда важно знать, что на свете есть тот, кому ты небезразличен. Ирочка Манилова – моя хорошая подруга. Тот, кто говорит, что мужчина и женщина не могут дружить, сильно ошибается. Такая дружба проверяется временем и дарит массу положительных эмоций. К тому же Ира неизменно вызывает у меня чувство восхищения: ей все удается. Она из тех, кто идет по жизни легко и смеясь... И семья у нее замечательная. Я люблю у них бывать.

Я быстро написал ответное сообщение: мол, на следующей неделе обязательно к ним заеду. Ира ответила на французском. Она знает несколько языков и безуспешно пытается приобщить к ним и меня. Но здесь я пас: языки – это не мое.

Я ехал в душном метро и думал о людях, с которыми меня сталкивает судьба. Мне везет на встречи с хорошими людьми. Так, в трудную минуту я познакомился с человеком из Питера. Как его зовут в реальности, не так уж и важно. Я называю его Traveller, потому что у него душа путешественника: к своим тридцати годам Traveller объездил весь мир. Это уникальный человек: все знает, все умеет. Любая проблема для Travellera становится лишь забавной задачей, которую нужно решить, чтобы получить новые знания и жизненный опыт. Но самое главное, что меня привлекает в этом человеке, – это его ощущение избранности. Он VIP – всегда и во всем. Думаете, это так просто? Попробуйте!

Или, скажем, Леха Воробьев, мой хороший друг и актер сериала «Мечты Алисы» и участник шоу «Секрет успеха». Вот уж у кого могла голова закружиться от успехов. Но... Звездная болезнь прошла стороной. Никаких понтов. В общем, хороших людей намного больше, чем плохих. С этой мыслью я вышел из вагона и пошел в гости... Все-таки Винни-Пух ошибался... В гости надо ходить по вечерам, но не засиживаться... И только тот, кто так делает, поступает мудро.

Я позвонил в дверь, меня встретили добрые улыбки и запах вкусного ужина.

– Привет! А вот и я!

Этот день Рекс решил начать с того, что дал мне пощечину мягкой лапой. Мол, вставай, Нежданов, нас ждут великие дела. Но сначала – есть давай. Сонный (вернулся поздно), я побрел на свою кухню и от щедрот насыпал Рексу элитного кошачьего корма. Тот благодарно мявкнул и принялся завтракать. Я включил чайник, сделал пару бутербродов и, взяв ноутбук, удобно устроился в кресле на кухне. За окном шуршал листопад. Рекс наелся и вскочил ко мне на колени. Довольно заурчал.

Watchman уже был в Сети.

Застегнутый Врасплох (9.15)

Доброе утро. С пятницей вас!

Watchman (9.17)

И вас также. Конец недели, можно слегка и расслабиться. Я люблю выходные. А вы?

Застегнутый Врасплох (9.18)

По выходным я работаю. Так что привык радоваться любой свободной минутке. Сегодня кастинг на «Фабрике». Поеду снимать.

Watchman (9.20)

Кастинг? Очередной? Как быстро время летит. Звезды зажигаются. Звезды гаснут. И снова вспыхивают. Если смотреть на это философски, то многое можно понять о человеческой природе. Но это я так, отвлекся. Лирическое отступление. Хотя ваш интерес понимаю: кастинг, пожалуй, самое интересное, что есть в этом проекте. Всегда интересно угадывать, кто станет участником шоу и кто победит.

Застегнутый Врасплох (9.21)

Вы угадывали?

Watchman (9.22)

Иногда. Когда этого хотел.

Этот человек интриговал меня все больше и больше. Интересно. Кто он? Но спросить открыто я не решился. А если попробовать окольными путями? Журналист я или не журналист, в конце концов?

Застегнутый Врасплох (9.23)

А вы на самом кастинге присутствовали?

Watchman (9.24)

Случалось. На первой «Фабрике» был, на третьей... Только не пытайтесь угадать, кто я, Саша. Зря время потеряете.

Застегнутый Врасплох (9.32)

Хорошо, не буду. Но вы согласны, что «Фабрика» – это шанс? И многие готовы на все, чтобы им воспользоваться.

Watchman (9.34)

М-м...

Застегнутый Врасплох (9.35)

Не согласны?

Watchman (9.36)

Были духи такие в советские времена «Последний шанс». Модные, но дешевые. И когда я слышу слово «шанс», сразу вспоминаю о них. Люди часто произносят: «Это мой шанс, я должен им воспользоваться». Произносят и с головой бросаются в очередную авантюру. А если подумать? Допустим, «Фабрика» – это шанс. Один на миллион. И вы вытянули свой счастливый билетик. В течение трех месяцев вы зажигаете на Первом канале. А потом? Что потом, Саша? Заметьте, победители «Фабрик» не так уж и популярны. Здесь очень многое зависит от продюсера и от его заинтересованности, от его умения придать человеческому материалу некую завершенность. Сделать из фабриканта звезду ручной работы. На это способны единицы. И получается, что ты вроде бы ухватил свой шанс, потратил нервы, силы, время, а выстрел-то оказался холостым. Фальшивым. И через полгода о тебе забыли. Я за индивидуальный подход. Во всем и всегда. Пусть появляются новые артисты, пусть они проходят свой тернистый путь, но... не надо штамповать одинаковых мальчиков и девочек.

Застегнутый Врасплох (9.45)

А как прорваться без продюсера, без денег и связей?

Watchman (9.50)

Будь я старым брюзгой, сказал бы, что для этого нужен талант. Талант приведет к успеху. Но я не старый брюзга и понимаю, что талант – это 60% успеха, остальное – счастливый случай, нужное место, нужное время и нужные люди. Поэтому отвечаю так: нужно знать, что ты хочешь, и добиваться этого.

Застегнутый Врасплох (10.00)

Но это просто: все знают, что они хотят.

В ответ мелькнула виртуальная улыбка.

Watchman (10.01)

Вы ошибаетесь, Саша. В этом и заключается главная проблема. Люди в большинстве случаев не знают, что именно они хотят, поэтому и совершают ошибки. А теперь прошу прощения, мне пора.

Я с сожалением выключил ноутбук, согнал Рекса с колен и начал собираться на кастинг новой «Фабрики звезд».

Watchman прав, когда говорит, что кастинг, пожалуй, одно из самых интересных событий «Фабрики». Среди тысячного потока претендентов ты пытаешься выбрать самых ярких и талантливых, но при этом понимаешь, что можешь и ошибиться. Тот, кто показал себя на кастинге, может стучаться на концерт, и наоборот.

Интересно прогнозировать, кто получится из будущих фабрикантов. Вот этот мальчик, который сейчас жадно ест свердловскую булочку, в будущем поедет на «Евровидение», а эта длинноногая блондинка с саксофоном составит счастье какого-нибудь олигарха. Мы никогда не знаем наперед, кто из них станет настоящим артистом, а кто пропадет навсегда, став отработанным музыкальным материалом.

Я продирался сквозь живую очередь (служебный вход оказался закрыт) и слышал шипение вслед: мол, блатной идет. Что ж, отчасти они правы. Любая «Фабрика» – это соотношение блатных и неблатных. Когда блатных и неблатных ровно пополам, когда пропорции меняются в ту или иную сторону. Ну и что? Звездные дети также имеют право на свой шанс на то, чтобы стать известными и не за счет своих звездных или богатых родителей.

Другое дело, что никто из тех, кто идет на кастинг, не понимает одной простой истины. «Фабрика», прежде всего, это труд. Подчас тяжелый. Как-то мы разговорились с одним из композиторов, и он мне сказал: «Эти ребята не понимают, на что именно они подписываются. Они думают, что «Фабрика» – это вечный праздник, концерт раз в неделю, красивые одежды, знакомство со звездами и в финале неприятное голосование. Но извини, Саша, все это мишура. Чтобы улучшить свое мастерство, артист, как минимум, должен работать по восемь часов каждый день: это и вокал, и танцы, пластика, речевая и актерская подготовка. А кто из этих молодых, девственных с точки зрения музыки ребят работает более чем по 8 часов ежедневно? Они держатся за счет пиара и непонятных пиар-акций. Но ты сам знаешь, как быстро угасает интерес публики. Публика – не дура. Она чувствует непрофессионализм и фальшь. Посмотри, первыми всегда вылетают менее профессиональные ребята».

С теми, кто попадает на «Фабрику», сразу же подписывают довольно жесткий контракт. Фактически с этого момента артист уже не принадлежит себе. Он принадлежит продюсеру. На самом деле – пятничные концерты, эта двухмесячная раскрутка – полная ерунда по сравнению с тем изнурительным чесом, который начинается после того, как «Фабрика» заканчивается и победитель получает свой законный приз. Сотни городов, концерты в Домах культуры, гостиницы, изнурительные переезды. Понимают ли они, что их концертная судьба закончится в тот момент, как только начнется следующая «Фабрика» и им на смену придут новые лица? Думаю, да, но,

как говорится, позднiак метаться – контракт он и есть контракт.

За все «Фабрики» вышло более сотни фабрикантов, а кто остался на плаву? Многие до сих пор сидят на контракте с продюсером, который либо вкладывает в них деньги, либо нет. Откупиться и не ездить в тур могут дети только очень состоятельных родителей. За всю историю «Фабрик» я знаю только пару случаев. Дети обычных родителей такой возможности не имеют и вынуждены мотаться по России. Вот и получается дилемма: канал дает людям уникальный шанс пробиться на эстраду, а воспользоваться им могут лишь единицы. «Фабрика» – отличный старт, но для артиста нужен еще и заинтересованный продюсер. На одном пиаре далеко не уедешь.

– Куда прешь? – взвизгнуло юное создание, которое вылило на себя флакон маминых французских духов.

Я остановился. Обернулся. Смерил взглядом от макушки до бежевых туфель и сказал:

– Можешь и не пытаться! Не пройдешь!

Она подбоченилась.

– Продюсерам накапаешь?

– Не имею такой привычки. Просто ты не так одета и не так причесана.

Спеси в барышне слегка поубавилась. Стоящие ближе подошли, чтобы позлорадствовать и узнать, насколько они сами в формате.

– И что во мне не так? – с подозрением спросила девчонка. – У меня самые модные тряпки. Фирма!

– Вот именно. Ты думаешь, что удивишь жюри костюмом от Versace прошлогодней коллекции? Ошибаешься. Там сидят богатые люди, и они давно уже прошли этап, когда встречают по одежке, провожают по уму.

– Ну и что! Зато у меня песня Селин Дион – на английском, – фыркнула моя собеседница. – У меня замечательное английское произношение, я ее месяц репетировала.

– Вторая твоя ошибка, – в меня как будто бес вселился. – Петть надо только на русском.

– А я буду на английском!

– Тебя никто не станет слушать! Первый этап кастинга всегда идет на русском языке. Не хочешь – не надо.

– А как надо? – тихо спросила меня ярко-рыжая девчушка, которая стояла рядом.

– Ярко. Ты должна выделиться из толпы и привлечь к себе внимание. Вы что, думаете, что вас каждого по отдельности будут слушать?

– Конечно! – загудела очередь.

– Ничего подобного! Прослушивать вас будут партиями. Скажем, по десять человек. Дадут песню и скажут спеть, пока поете, вас слушает педагог по вокалу. Тот, у кого есть слух и голос, перейдет на следующий этап. У кого нет ни слуха, ни голоса – в отсеб. Все происходит довольно быстро и жестко.

– А что в финале?

– В финале ставят человек 30 и говорят каждому: «Выходит и пой быстро, что хочешь!» Те, кто тупят и тормозят, пролетают.

– Я не тупая! Я пройду! – уверенно сказала барышня в прошлогоднем костюме от Versace. – Правда, Пеппи?

Рыжая девчушка кивнула.

– Пеппи?

– Прозвище у нее такое, – словоохотливо объяснила подруга. – Она тут со мной за компанию.

Я внимательно взглянул на Пеппи.

Маленькая, щуплая. На носу россыпь веснушек. Рыжие кудряшки торчат пружинками во все стороны.

– Пеппи, а ты петь умеешь? – спросил я.

– Умею! – она вздернула подбородок. – У меня даже диск есть. Вот!

И она показала дешевую болванку со своей фотографией.

– Телефон свой записала? – деловито спросил я.

– И телефон, и сайт. Только я не буду пробоваться. Я с ней.

– Она не пройдет. А ты пройдешь.

Очередь на секунду замолчала.

– Почему?

– Закон жанра, – пожал я плечами. – На кастинге проходят те, кто пришел с друзьями за компанию. Почему так происходит – понятия не имею. Но происходит.

Я обогнул молчаливую живую очередь и направился в зал для прослушивания. Они не знают еще одного секрета, а вот Пеппи интуитивно о нем догадалась... Не будет она прослушиваться. Как же... Так я ей и поверил! У нее в глазах написано: «Хочу на «Фабрику звезд».

Ах да, секрет... Выигрывает тот, кто оставляет свои диски с парой песен на русском (в разных жанрах), яркими фотографиями и контактной информацией. Таким часто звонят и берут на финальный кастинг или в свои команды помощников. Так что вписаться на «Фабрику» реально, главное, сделать это с умом...

В свое время мне тоже предлагали стать участником одной из «Фабрик». Но, подумав, я отказался. Задав себе вопрос: «Оно мне надо?», прикинул и решил – не надо. Лучше уж быть фотографом на проекте, чем конкурсантом, который в любой момент может вылететь.

...

Честно говоря, я обрадовался, когда узнал, что продюсером очередной «Фабрики» станет Филипп Корольков. До этого он появлялся на проекте в качестве звездного гостя. И я долгое время не понимал, почему никому раньше в голову не пришло пригласить Филиппа – ведь он же отличный

продюсер! Как в свое время призналась ведущая Яна Курикова, «Фабрика» была и остается штучным продуктом на телевидении. Проект появляется только тогда, когда находится продюсер, способный его вытянуть. А хороших продюсеров в России, да что там – в России, в мире – очень мало.

Филипп – один из немногих, кто способен сделать яркое и красивое шоу, которое запомнится всем.

...Я осторожно вошел в зал, где шло прослушивание: вдруг помешаю.

Филипп оглянулся:

– Саша? Привет! Проходи! Решил присутствовать при рождении новых звезд?

Я кивнул.

Приятно, когда тебе рады. Присел рядом.

Филипп разговаривал с руководителем дирекции музыкального вещания, Юрием Викторовичем, человеком, от которого зависит музыкальная политика на Первом канале.

– Второй день сижу здесь, – пожаловался Филипп. – Ощущение полного дежавю. Одни и те же лица, одни и те же песни. Голоса тусклые.

– А кто сказал, что будет легко? – отозвался Юрий Викторович. – Ты думал, придешь, а тут тебя и ждут – все яркие и оригинальные? И тебе только и остается – что выбирать лучших из лучших?!

Корольков улынулся.

– Где-то так... Думал, что талантов у нас побольше будет.

– Не переживай... Таланты чуть позже появятся. Это как золото искать – моешь песок, моешь, сначала галька идет, потом вдруг золотые крупички появляются. А еще чуть позже есть шанс и золотые самородки найти. Нужно только набраться терпения.

Кастинг мне чем-то напомнил фильм «Кордебалет». Молодые артисты приходят на пробы в поисках профессионального счастья. И до конца картины ты так и не знаешь, кому из них повезет, а кто останется за бортом бродвейского шоу. Только там они танцуют, а здесь поют...

Первая волна отсева прошла для меня почти незаметно. Все было так, как я и предсказал в кулуарах. Ребятам выстраивали по десять-пятнадцать человек и просили по очереди пропеть известную песню. Далее следовало: «Спасибо, вы свободны» или «Спасибо, вы останьтесь». Свободных было больше. Несостоявшиеся фабриканты реагировали по-разному: кто-то плакал, кто-то умолял, кто-то срывался на юношескую грубость.

Всегда обидно, когда выбирают не тебя. И фраза «конкурс есть конкурс» звучит еще обиднее, когда выбирают не тебя. Простите за мой банальный каламбур. Но что есть, то есть. Можно успокаивать себя, что вся жизнь впереди, и будут еще победы, но... первая горечь поражения все равно ни с чем не сравнится. Ты рассчитываешь прийти и поразить воображение сильных мира сего, чтобы они онемели от восторга и сказали: «Вот он (она)! Наша новая звезда! Наше все!» Ты приходишь, поешь и где-то в

глубине души знаешь, что голоса-то у тебя нет, слуха тоже, а вся твоя харизма – это новые картонно сидящие шмотки и слой грима. Под которым нет ничего стоящего. Под которым ты сам – серенький, обычный человек. И от этого становится еще больше и обиднее. Почему? Ну почему ты такой обыкновенный?!

Именно эту невысказанную мысль я видел в глазах тех, кто не подошел. В глазах тех, кто остался, теплился огонек надежды.

– Завораживает, правда? – тихонько спросил меня Филипп. – Смотришь на них и пытаешься угадать – которая из них будущая звезда? Когда-то я и сам был таким...

– Это правда, что славу вам предсказала Ванга? – осмелился я спросить.

Его черные глаза подернулись поволокой.

– Правда. В 1975 году я заболел свинкой, поднялась высокая температура, родители запаниковали и отвезли меня к Ванге. Та успокоила, сказав, что я скоро поправлюсь. Мама поинтересовалась: «Что будет с сыном в будущем?» Ванга ответила: «Вижу вашего сына на высокой горе, в руках у него металлическая палка, и он ей машет». Мама была в шоке...

– Кто мог подумать в то время, что высокая гора – музыкальный олимп, а палка микрофон?

– Да, тогда об этом и не думал. Вот и они, – он кивнул на сцену. – Надеются. Но пока всерьез не думают о своем будущем. Будущее в дымке неопределенности. Они просто хотят быть знаменитыми.

– Не так уж и плохо...

– Слава – это не овалы, не цветы, не бешеные гонорары и виллы на Майями. Слава – это одиночество и... ответственность.

– Перед зрителем?

– В первую очередь, перед собой. И потом – перед зрителем. Звездная болезнь, Саша, противная штука. Я переболел ею, но из-за нее потерял самого близкого мне человека.

Я понял, о ком он говорил. Филипп задумчиво продолжил, при этом он не отводил взгляда от сцены:

– Что такое звездная болезнь? Представь, что у тебя температура. Ты весь горишь, но тебе хорошо. Это оргазм от самого себя. Нет никого лучше, чем ты! И ходишь, как павлин, смотришь в зеркала, отмечая вот эту улыбку, эту черточку. Люди уходят, а тебе все равно – ты лучший! А потом приходит похмелье – жесткое и тягучее... Ты оглядываешься – а мир-то изменился... И ничего уже не вернуть. Зато какую прививку получаешь – иммунитет на всю оставшуюся жизнь. Никакая слава не сравнится с близкими людьми.

Появилась новая группа претендентов. Среди них я заметил мисс Селин Дион и Пеппи. Началось прослушивание. Девочки горланили что-то типа: «Я сошла с ума... Мне нужна она!» Горловые связки напоминали сплетение вен – вот-вот лопнут от напряжения. Интуитивно я почувствовал, как Филипп подался вперед...

– Вот...

Его взгляд был прикован к Пеппи. Юрий Викторович тоже ее заметил:

– Интересная девочка... Оставляем?

– Оставляем, – кивнул Филипп. – Number 1.

– С почином вас, Глеб Егорыч!

Настроение Королькова заметно улучшилось. И даже когда претенденты сбивались на фальцет, он уже не морщился – не умеют, что ж уж теперь...

– В детстве мне попала пластинка Хампердинка «Feelings». Я был заморожен этим тембром. Мне захотелось так же извлекать этот голос, так же петь. И когда попал в Музыкальное училище Гнесиных, я для себя выстроил низкое тембральное звучание голоса. В силу моих физиологических способностей получилось именно низкое. Но петь я научился гораздо позже. Голос – это ведь тренировки, живая работа, живой звук, живой концерт, тренинг. Связки – это те самые мышцы, которые дают возможность держать себя в тонусе. Только сейчас я могу сказать, что полностью владею голосом, не задумываясь о том, проснулся – не проснулся, репетиция – не репетиция, успел – не успел. Я выхожу на сцену, и он у меня всегда будет звучать. Потому что я умею им пользоваться, в отличие от многих, кто считает, что у них голос от природы, они его получили от Господа Бога и больше делать ничего не надо. Но если, не дай Бог, вдруг что-то случится с этим голосом по болезни...

– Не смогут восстановиться?

– Дело не в этом... Они просто не знают, как его извлечь. А я его делал, я его создавал. Благодаря своим учителям, благодаря своему безумному желанию петь. Потому что никто не верил в мой вокал, никто не верил, что я вообще когда-либо буду петь, и, тем не менее, сегодня я могу это делать.

– А научить сможете?

– Не знаю, Саша. Очень надеюсь. Это ведь взаимообратный процесс – учитель и ученик. Это большая удача для артиста, когда ты попадаешь на своего педагога. Артист получает роль в кино у хорошего режиссера, неизвестно, это будет удачный фильм или нет. Это лотерея. Может быть педагог сильным, и сколько таких сильных педагогов по вокалу я знаю, которые работают с ребятами, артистами эстрады! Но кому-то они подходят, кому-то нет. У кого-то получается найти общий язык, у кого-то нет. У кого-то получается стать певцом, у кого-то нет. Лотерея. И то, что сейчас происходит, тоже лотерея. Возможно, для кого-то этот конкурс станет судьбоносным.

– А вы бы согласились еще раз принять участие в конкурсе?

– Понимаешь, «Евровидение» для меня – это... азарт, это безумно интересно – быть у истоков чего-то, что потом выливается в одно из главных событий для страны. Когда я там пел, рейтинг у «Евровидения» среди зрителей был ниже среднего. Сейчас – это самое рейтинговое шоу на отечественном телевидении и вообще в Европе. Особенно в нашей стране, сегодня

на «Евровидение» едут, как на чемпионат мира по футболу. Поэтому я обязательно вернусь на сцену «Евровидения» в любом качестве. Я тогда не думал, что триумфально вернусь как композитор. Моя песня с Шаманом заняла шестое место. Это отличный результат! Все-таки для Белоруссии это победа – страна никогда не выходила из полуфинала в финал, где-то в хвосте вечно. И это не предел! Я возьму «Евровидение» измором. Я поеду еще и еще, пока этот конкурс не сдастся на милость победителя.

Мы не заметили, как вокруг нас собралась целая компания. Видимо, «Евровидение» – особая тема не только для Филиппа. Я не удержался от подкола:

– Измор измором, но второй раз его вряд ли проведут в Москве.

– Почему? Швеция выигрывала. Так что прецедент имеется, – возразил Юрий Викторович, – лучше Филиппа никто не знает этот конкурс.

– Это правда, – согласился Корольков. – Я могу вернуться как режиссер-постановщик, как креативный продюсер, как помощник, как менеджер, как продюсер. Я наблюдаю этот конкурс изнутри все время, я все время подпитываюсь его энергией, все время изучаю, обогащаю свой опыт.

Филипп всегда был большим и самобытным артистом. И еще гуру в «Евровидении». Я понимал, что он знает этот конкурс изнутри, как говорится, вдоль и поперек. Причем не только историю, но и специфику, так сказать, изнанку конкурса. «Изнанка» же – это почти 80% успеха на конкурсе. Филипп как никто другой чувствует предпочтения и капризы аудитории и может с точностью до 99% предсказать финал. Он настолько хорошо знает законы построения шоу, что может создать яркий, запоминающийся номер, который люди будут смотреть на одном дыхании. Так, к примеру, было с номером Ани Ролак. И если бы не победа Димы Вилана, Ани стала бы первой. Помощь Филиппа в свое время помогла и Диме Вилану добиться второго места и тем самым подготовить почву для финального, звездного рывка. В свое время только благодаря песне Королькова и умело продуманной пиар-кампании Дмитрий Шаман смог вырваться на шестое место, что для Белоруссии стало весьма значимым результатом.

«Евровидение» – стихия Филиппа, а он мегамозг этого конкурса.

– А сейчас давайте вернемся к работе, – напомнил Юрий Викторович. – «Евровидение» «Евровидением», но не забывайте, зачем мы все здесь собрались.

Мы вновь повернулись к сцене. Осталось около сотни участников. В финале этого дня наберется едва ли двадцатка. Еще несколько дней кастинга, и очередная «Фабрика» сможет назвать своих героев.

Я смотрел на эти юные лица и думал о том, что их ждет. Это будут самые интересные два месяца, это будут самые тяжелые два месяца. И все ради славы и пятничного концерта.

В восемь утра фабрикантов на автобусе привезут на канал. Для генеральной репетиции. Номер, который целую неделю готовишь в звездном

доме, совсем по-другому смотрится на сцене. С утра до вечера они репетируют, потом гримируются... Бывает, что артисты, принимающие участие в концерте, не могут выступить вечером, и они приезжают днем. Потом номер в записи идет на всю страну, в том числе и на Дальний Восток.

Для многих концерт является серьезным испытанием. Справиться с нервами удастся не каждому, но ребята стараются. Большую поддержку оказывают друзья и родные, которые приходят на такие концерты каждую неделю: приносят плакаты, аплодируют. Вот только пообщаться с близкими после концерта практически никому не удастся: несмотря на то, что у Останкино собирается целая толпа, организаторы шоу делают живой коридор из охраны. А дальше автобус и снова звездный дом, снова волнение от будущего голосования и репетиции, репетиции...

Я один из немногих представителей СМИ, кому разрешено присутствовать на «Фабрике» в момент подготовки к концерту. Журналистов редко допускают в святая святых. Я работаю как фрилансер: ранним утром в пятницу приезжаю, снимаю фабрикантов, потом отдаю фотографии на телевидение. Иногда бывают очень эксклюзивные фото, но дальше меня ничего не идет. Репутация и доверие дорогого стоят. Я это и без истории с Разумовским знаю. Вот и бегаю как сумасшедший от гримерки к сцене и обратно, чтобы успеть сделать самые интересные фотографии. Каждая «Фабрика» хороша по-своему и не похожа ни на одну другую. Во многом она зависит от продюсера: подобно Пигмалиону, продюсер лепит молодых артистов под себя. Это ни хорошо, ни плохо. Это факт.

Я смотрел на Филиппа и думал, какой будет его «Фабрика». Интересно, по каким критериям он выбирает артистов?

– Индивидуальность, – ответил Корольков. – И голос. Невероятное сочетание, а шику-блеску мы добавим, правда?

Юрий Викторович улыбнулся:

– Шик-блеску добавим. Без проблем.

– А что самое сложное в «Фабрике»? – спросил я Юрия Викторовича. – Дойти до финала?

– Остаться человеком, – без тени пафоса ответил он. – Любое шоу – это битва, очень жесткая, а порой не по правилам. Выживают сильнейшие. Но не всегда выживают порядочные.

– Замкнутый круг получается. Если хочешь стать первым, иди по головам, – не удержался я от комментария.

– В любой ситуации надо оставаться человеком, я так думаю. Поэтому самое сложное – когда нужно сделать выбор. И выбор честный. Если ты заметил, психологическая ломка происходит именно в момент голосования. Можно справиться с нервами, можно выделиться на сцене, но когда приходит минута сделать выбор, многие теряются.

– Выбирают друзей...

– Не думаю, что это дружба, – не согласился Юрий Викторович.

– Симпатия, может быть... Но симпатия переменчива. Не забывай, Саша, что почти все фабриканты – очень молодые люди. Почти подростки, их жизненный опыт минимален. Он легко поддаются на похвалу, верят в то, что им говорят. Поэтому и разочарование бывает очень болезненным: как же так, вчера этот мальчик или девочка говорил или говорила, что я самый лучший, умный. Красивый. Талантливый. Он или она убеждали, что у меня есть все шансы на победу. А сегодня взяли и проголосовали против меня... Как же так?

– Легко «слить» конкурента, – подхватил тему Филипп. – Но вот попробуй дать шанс тому, кто сильнее тебя, кто намного талантливее... На это способны единицы. Так и проверяется характер.

– И закаляется, – грустно добавил Юрий Викторович. – Потому что в следующий раз этот сильный и талантливый может проголосовать против, посчитав тебя опасным конкурентом. В общем, «Фабрика» – как жизнь. Здесь все по-настоящему. С той только разницей, что всегда остается надежда на маленькое чудо...

...Рассвет в солome, крылья, паутина-провода,

Я мягким тигром сторожу тебя в окне.

И обалдевшая от нежности вода

Несовершенна!

А я к тебе стремлюсь,

Я нагибаюсь до земли,

Я в этом марте, в этом марте навсегда...

На сцене после многих часов кастинга стояла маленькая рыжая Пеппи и самозабвенно пела песню «Ночных снайперов». Сильный голос с чувственной хрипотцой совершенно не вязался с детским обликом, которому чуждо искушение шоу-бизнеса. А в огромных голубых глазах невыплаканными слезинками блестела надежда на чудо...

В душе вдруг потеплело...

Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно!

СУББОТА

10.00–14.00

Рекс совсем обнаглел! Прильнул к плечу – и хвостом по лицу. Пушисто, но щекотно!

Я сонно отмахнулся:

– Уйди!

Рекс рассмеялся мелодичным женским смехом и снова пощекотал меня пушистым хвостом.

Я нехотя открыл глаза... Ё-мое...

Где я? С кем я?

Ольга Арбузова провела пушистым помпоном по моему лицу и подмигнула:

– Посыпайся, соня, почти уже приехали. Мы уже на шоу!

И я все вспомнил.

Вчера вечером я вышел из Останкино. Или уже была ночь? Неважно. Отправился в клуб, где молодые, красивые и успешные просаживали свое здоровье, с трудом восстановленное в SPA-салонах и тренажерных залах. Нормальный столичный ритм: днем ведешь здоровый образ жизни и правильно питаешься, а ночью – сжигаешь себя на танцполе, выпивая один коктейль за другим. Дни складываются в недели, недели – в месяцы, месяцы – в годы. Тебе – двадцать лет, и ты думаешь, что так будет всегда, но однажды ты просыпаешься и понимаешь, что тебе уже за сорок... Оглядываешься на прошлое, а вспомнить нечего – один день похож на другой.

Именно поэтому я не люблю бывать в клубах. Мне жаль потерянного времени. Но вчера, сам не знаю, как получилось... А там гуляли участники самого долгоиграющего реалити-шоу России. Ну, вы понимаете, о чем я говорю. Там, где люди строят любовь уже который год и никак не могут остановиться. К сожалению, реальных звезд на этом проекте становится все меньше. Но с теми, кто успел засветиться в первом сезоне, я успел подружиться: Оля Арбузова, Алена Большегрудова, Степан Водонаев, Роман Семаков, Саша и Наташа Неклюдовы...

Да, много ребят прошло через этот проект. Кто-то сумел извлечь выгоду, кто-то, наоборот, впал в депрессию, так и не сумев взять от жизни то, что хочется. Вот только в любовь в свете камер я до сих пор не верю. И, судя по всему, правильно делаю. Человек, который спустя два дня после знакомства признается в любви на всю жизнь, а еще через три дня переключается на другую пессию, достоин жалости.

– Долго я спал? – спросил я, усаживаясь удобнее в машине.

Оля хихикнула.

– Тебя отрубило часа в четыре. Мы тебя в машину погрузили, решили, что так лучше будет.

– А разбудить не пробовали?

– Да где там! – подала голос Оля Зинякова, пиар-директор проекта. – Легче мертвого поднять, чем тебя.

– Странно, ты же совсем не пил, – Арбузова достала из косметички пилочку и теперь придирчиво рассматривала свой маникюр. – Сделал три глотка вина, и все – нет человека. Полпраздника проспал!

– А что тут странного? – вступилась за меня Оля Зинякова. – На Сашку достаточно один взгляд кинуть, чтобы понять – измотан до предела. В таком состоянии нельзя вообще пить. Алкоголь действует как снотворное.

– Э... – вклинился я в разговор. – У меня два вопроса.

Девушки с интересом посмотрели на меня.

– Давай твои вопросы.

– Вопрос первый – что вы вчера праздновали? И вопрос второй – куда мы едем?

– Давай я со второго вопроса начну, – предложила Оля Зинякова. – Едем мы на проект. Ты вчера согласился поснимать новых участников.

– И меня, – капризно напомнила Оля Арбузова.

– И Олю, – согласилась вторая Оля. – Куда ж мы без нее? А праздновали мы вчера еще одну годовщину проекта. Уже со счета сбились, какую именно.

– Только праздника не получилось, – Оля Арбузова все еще занималась своим маникюром. На мой взгляд, слегка преувеличенно. – Ромка со своей... приперся.

– Оля! – одернула ее Зинякова.

– Сашка свой, – парировала Арбузова. – Он в курсе. Я и так целый вечер держалась безупречно, даже когда они целоваться начали.

История Оли Арбузовой и Романа Семакова даже против воли произвела на меня впечатление. Я так и не понял, любили они друг друга или же убедили себя в том, что любят. Впрочем, в условиях телевизионного проекта это почти одно и то же. Они так самозабвенно играли в чувства, что убедили не только окружающих, но и самих себя. Даже книгу написали о самой красивой истории любви.

А потом что-то произошло... Думаю, просто прошло время, ребята повзрослели и изменились, у каждого появились свои цели в жизни. Рома, как и любой провинциал, мечтал пробиться и закрепиться в Москве, проект, который дал ему шанс, со временем превратился в весьма ощутимые кандалы. Жить по контракту может не каждый – жизнь-то продолжается, вне зависимости от лобного места и еженедельных голосований. И то, что хорошо в 18 лет, в 30 кажется не слишком интересным и почему-то пустым.

А вот Оля хотела остаться, мечтала выиграть главный приз – гигантский особняк. Рома скептически отнесся к мечтам своей половинки. И тут я его понимаю – приз давно уже стал эфемерным, а проект до сих пор кажется бесконечным. Да и популярность начала сходиться на нет.

В реальной жизни это шоу скорее вредит, чем оказывает пользу. Участников рассматривают как никчемных бездельников, которые могут себе позволить тратить все свое время на пустословие и различные конкурсы на потребу публики. А если прибавить к этому факт, что многие так и не смогли закончить институт, ситуация и вовсе кажется плачевной. Человек приезжает из провинции, заходит за периметр и... живет проектом пять лет. Но жизнь-то не стоит на месте, она стремительно меняется, пока ты сидишь в звездной резервации. И когда ты из нее выходишь, выясняется, что ты, собственно, никому не нужен. Рома это понял намного быстрее, чем Оля. Впрочем, так и должно быть, ведь он ее старше.

Перед тем, как уйти из проекта, он позвал ее за собой. Ольга ответила: – Я раз в полгода говорю себе: «Надо уходить!» Но не ухожу. Не потому, что не хочу, а потому, что не могу. Теперь я почти уверена, что буду на проекте до конца. Это мой дом, и мне страшно выходить за периметр, страшно подумать, что меня ждет там. Теперь это моя работа – как любая другая.

Роман принял другое решение – и ушел. В принципе, уже на том этапе можно было бы ставить точку в их отношениях. Но какое-то время они цеплялись друг за друга... Любовь на расстоянии обречена. Я был и раньше в этом уверен, а теперь получил лишнее тому подтверждение.

Спустя полгода после своего ухода с шоу Роман женился... С Ольгой они встречались более трех лет. Но какое значение имеют временные рамки?

Услышав о готовящемся бракосочетании, Оля, как и любая женщина, почувствовала себя уязвленной. На мой взгляд, самый сильный удар Рома нанес ей, когда сравнил свою жену с бывшей возлюбленной. Мол, женился он на улучшенной копии Ольги. А с Ольгой так и не связал свою судьбу потому, что не был до конца уверен в этой блондинке.

– Не уверен он был во мне, как же, – грустно заметила Оля. – Почему при разрыве мужчина, так или иначе, перекладывает вину на женщину? Три с половиной года он жил со мной, признавался мне в любви, строил планы на будущее, участвовал в ток-шоу – и все это время он меня проверял, подхожу я ему или нет.

– Оля, расслабься, – мягко посоветовала Зинякова. – Пусть живет так, как хочет. Не сошелся же на нем свет клином. Свадьба в високосный год, невеста в черном платье – сплошные дурные приметы.

Арбузова кивнула.

– Свет клином не сошелся, ты права. Да и чувств давно нет, так, уязвленное самолюбие. Но и это пройдет.

– А ты из проекта не собираешься уходить? – спросил я, окончательно проснувшись. За окном мелькали знакомые места.

– А куда уходить? – Ольга подкрасила губы и улыбнулась.

– Ждешь новую любовь?

– Уже нет. Но глупо уходить, когда столько времени отдано проекту. Это моя жизнь, нравится это кому-нибудь или не нравится.

– Тем более, сейчас у Ольги второе дыхание открылось, – заметила Зинякова. – Ты не представляешь, сколько у нее сейчас поклонников.

– А может, она феромонами пользуется? – лукаво заметил я. – И является постоянной посетительницей сайта dixi.ru? Знаешь, от этих феромонов весь Интернет сейчас такой влюбленный!

Щеки Оли покрылись легким румянцем смущения. Оля Зинякова, напротив, заинтересовалась:

– Неужели действуют?

– Еще как, модная фишка.

– Может, и мне попробовать?
 – А попробуй! – вскинулась Арбузова. – Что в этом плохого? Мы и так каждый день пользуемся парфюмом.
 Машина дернулась и остановилась.
 Мы приехали.

...

– И что я тут делаю? – спросил я себя часа через два.
 А с другой стороны, хорошо, что за город вырвался, хоть свежим воздухом часок подышу. Пусть и несколько насильственная, но перезагрузка.
 – А ты в журналы наши фотки отдашь? – спросила меня гламурная барышня в сапогах-ботфортах. Сапоги были грязными. На проекте вообще грязно. Когда новые участники приходят, они начинают убираться, а затем забивают на все и сами начинают мусорить. Собственно, жизнь здесь делится на две неравные части: до эфира – большая часть, и во время эфира – меньшая часть. Во время эфира все старались продемонстрировать свои лучшие качества, но затем снимали маски и становились такими, какие они есть на самом деле.
 – Ты в какие журналы наши фотки отдашь? – барышня оказалась на удивление настойчивой.
 – В какие возьмут, – лениво ответил я, прикидывая, как теперь отсюда добираться до Москвы.
 – Как это? – она искренне удивилась. – Это же самый раскрученный проект, наши фотки все хотят.
 – Кто тебе сказал? – пришла пора удивляться мне.
 – Интернет, – сообщила бесхитростная барышня.
 Нашла, кому верить! Это раньше проект был одним из самых популярных, а теперь его рейтинг стремительно падает, что бы там ни говорили его организаторы. На проекте завязаны большие деньги, отказываться от которых никому не хочется. Но в любом случае, новых звезд на проекте не появилось... Появление звезды – процесс многоступенчатый и сложный. Звездную пыль щедро расточают не только продюсеры, но и публика. Но в данном случае либо публика устала от бесконечного грязного белья, либо подбор персонажей оказался неудачным. Я мысленно сравнил первые месяцы проекта, когда внимание всей страны было приковано к телепроекту, и нынешнюю агонию... Ничто не вечно под луной.
 – Как ты думаешь, у меня есть шанс стать знаменитой? – барышня изогнулась, продемонстрировав свои бэк-достоинства. – Я специально пришла на проект, чтобы стать звездой.
 – Ты не по адресу обратилась.
 – Почему? Тебя на машине сюда привезли. Ты по всему дому спокойно ходишь. Значит, в Москве не последний человек, сможешь замолвить за

меня словечко кому надо. Я и петь могу. Только голос у меня тихий.

– А мне какая радость от твоего пиара?

Она подалась вперед:

– Так ведь я не просто так. Я отплачу. Хочешь, прямо сейчас? – она кивнула в сторону кустов.

– Не хочу.

– Ну, как знаешь, – она дернула плечиком. – В общем, если скажешь про меня хорошим и богатым людям, то я найду, чем тебе отплатить.

Да... В своем стремлении прославиться люди готовы на все. Она, не задумываясь, предложила себя первому встречному, лишь бы подняться на ступеньку выше.

Стало тошно и противно. Я повернулся и вышел за ворота. По дороге машину поймаю.

...

Я уже подъезжал к Москве, когда пришла sms от Сергея Эксмешева: «Саша, привет. Мы с Димати снимаем новый клип в центре Москвы. Хочешь приобщиться?»

Он еще спрашивает! Конечно!

Я рассчитывал увидеть совместный номер Эксмешева и Димати, но ошибся. Димати предстал в необычном для себя амплуа – в роли саундпродюсера. И новая песня Эксмешева оказалась необычной: гимн современного мужчины на тему нынешних отношений мужчины и женщины. Если раньше отношения разбивались о быт, то сейчас они разбиваются о неумение отдавать себя в любви – такова основная идея трека.

Когда я появился на съемочной площадке, два вокалиста спорили о том, каким должен быть вокал Эксмешева.

– В первой части, – говорил Димати. – Дашь сексуальную хрипотцу, чтобы у девочек вся душа в точку G ушла. Понимаешь? А вторую сделаем твоим обычным тембром. Покажи им любовь!

Я расчехлил камеру, кивнул обоим и начал снимать. Съемки клипа – одно из самых увлекательных занятий. Очень любопытно наблюдать, как рождается оформление песни.

– Тебе самому нравится? – спросил я у Эксмешева, когда группа взяла небольшой тайм-аут.

– Очень! Это что-то новое, – ответил он. – Пою и понимаю, что главное – в любви и в отношениях – отдавать. Если ты не способен на это, то это уже не любовь, а мастурбация.

– Но и получать нужно что-то взамен, – парировал я и сделал очередной снимок.

– Знаешь, беда людей в том, что они не умеют быть счастливыми. Отсюда все проблемы. Стирается грань между плохим и хорошим, счастьем и

несчастьем. Для многих несчастье – это работа целый год без отпуска. Но есть люди, у которых нет дома. Есть дети без родителей. И даже они считают себя счастливыми, умеют радоваться. А благополучные люди теряют эту грань. Не понимают, что если мы ходим, просто ходим – это уже счастье, потому что многим это не дано. Когда ты счастлив, то не задумываешься – сколько ты отдаешь и сколько берешь. Все происходит гармонично. Себя надо программировать на счастье. Воспитывать себя, чтобы каждый твой день был счастливым. Даже если у тебя нет новинок от Roberto Cavalli.

– А у самого получается? – камера в моих руках была живым инструментом. Снимки получались контрастными и очень удачными.

– Конечно! Я вообще благодарен судьбе, что занимаюсь своим любимым делом. Ты же помнишь, что со мной было после того, как я ушел из «СМЕРШ». Я не понаслышке знаю, что это значит, когда вдруг все исчезает. Теперь я еще более бережно отношусь ко всему, что меня окружает, и ценю все, что мне дает судьба.

Сергея отвлек стилист, и я отошел в сторону – прикинуть, что еще могу снять.

– Как тебе идея? – Димати подошел ко мне почти бесшумно, напомнив бенгальского тигра – красивого и опасного.

– Классная! Такого еще не было!

Димати довольно кивнул:

– С Сергеем интересно работать. Вокалистов его уровня на эстраде очень мало. И он не прочь поэкспериментировать. А мне всегда нравится все новое.

Мы еще раз прослушали музыкальный кусок.

– От твоих песен тема весьма отличается, – заметил я.

– Так мы и разные. И песни у нас разные, не говоря уже об аудиториях. Те, кто слушает Экссмешева, меня не поймут, и наоборот.

– Не задевает? Он про любовь поет, а ты про клубы?! – подколот я Димати.

Он философски пожал плечами:

– Что, по-твоему, нужно нести с помощью песен? Рассказывать об обычной жизни – школьной, институтской – не вижу смысла. Люди для того и идут на концерты, на тусовки, чтобы отвлечься от обыденности. И если об этих тусовках и вечеринках поют в песнях – это двойной эффект. В общем, девочкам это нравится. А если так, то и я доволен. Меня вообще моя нынешняя жизнь устраивает. В ней есть все, что нужно: секс, деньги, рейтинг, музыка и еще очень много личного пространства.

– Личное пространство – это мегакруто. Но до поры до времени. Как только ты становишься публичным человеком, все твое личное сразу же переходит в раздел общественного интереса. Заходишь в Интернет, а там вся твоя жизнь в виде рейтинга.

– Так уж и вся? Не обольщайся, – Димати пребывал в ироничном

настроении. – Люди видят и знают только то, что ты им показываешь. И только ты решаешь, до какой степени приоткрыть дверь в свою жизнь. Раньше я распахивал ее, но потом перестал. Правда все равно никому не нужна. Нужны легенды. Эмоции. Слухи и сплетни. Если ты умеешь разграничивать интимное и личное, то все будет хорошо. Все хотят знать об интимном, но ты допускаешь только в личное. Эта тонкая грань и позволяет не сойти с ума!

– Сойти с ума тебе вряд ли грозит! – пока Димати говорил, я снова сделал кадр. На фоне Красной площади саундпродюсер смотрелся просто фантастически.

Краем глаза отметил, что слева и справа собираются толпы поклонниц. Вопрос, чьи они – Эксмешева или Димати. Невероятный тандем!

– Ты всегда знаешь, чего хочешь.

– Правильно заметил. Хочешь успеха – ставь перед собой конкретные цели. Не люблю тех, кому все равно. Ты или любишь, или ненавидишь – но ты определившийся! Не аморфная масса. Быть в массе – быть никем. Я это понял в 13 лет, когда в Америку приехал. Почему в Америке кто-то добивается успеха, а кто-то нет? Потому что кто-то выпрыгивает из массы, а кто-то предпочитает стать ее частью, серой и безликой. Второй путь проще, ибо он ведет в никуда.

– Мне сегодня девчонка на проекте предложила переспать с ней, только бы я ей помог.

– Она тебе не понравилась? – деловито спросил Димати.

– Нет.

– Значит, правильно сделал, что отказал. Секс должен быть по добровольному согласию и без всяких оговорок и условий.

– И даже без подарков? – не удержался я, зная о щедрости артиста по отношению к его многочисленным пассиям.

– Подарки вне секса. И секс вне подарков. Постель – не место для торгов. Когда женщина начинает ставить условия, она уже проигрывает. Умная женщина ставит тебя перед фактом. И ты ведешься, как дурак. А куда деваться? За тебя все срежиссировали...

В голове щелкнула мысль. Перед глазами мелькнула недавняя картинка.

Димати продолжал:

– Но таких женщин поискать надо... Ведь ум должен быть цепкий, мужской, должно быть умение анализировать и прогнозировать дальнейшую ситуацию и...

– И что еще? – мысль не отпускала, пульсировала в висках.

– И еще творческая составляющая. Попробуй-ка, придумай комбинацию, чтобы мужик не просто сделал по-твоему, но и чтобы он ничего не заподозрил! Это не каждая сможет.

И тут я все понял.

Как все просто, оказывается.

А я-то, дурак такой, мучился, играл в Шерлока Холмса, а разгадка на поверхности лежала.

Я достал i-Phone и сделал всего лишь один звонок.

Марафон длиною в неделю закончился.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вне времени

...Я сидел в кабинете и ждал ее вот уже тридцать минут. На столике мне оставили сервировку по высшему разряду: чай, кофе, минеральная вода, алкоголь, канапе, фрукты. Мол, угощайся, Нежданов, и ни в чем себе не отказывай.

Она задерживалась. Что, собственно, меня и не удивляло. По сценарию она должна задерживаться, а мне положено нервничать. Ведь мои догадки – это всего лишь мои догадки. А сегодня час X. И через несколько часов господин Разумовский призовет меня к ответу: кто подставил подопытного кролика Нежданова?! Тьфу, какие мысли в голову лезут.

Хотелось пить. Я мелком взглянул на сервированный столик и презрительно улыбнулся. Спасибо, конечно, но извините. Вашего – мне не хочется. А вот стакан, пожалуй, позаимствую. Достал из рюкзака бутылку перье и налил себе. Выпил. Стало легче.

Мысленно вспомнил 16 мая 2004 года – мой самый счастливый день в жизни. День, когда я обрел себя и понял смысл своей последующей жизни. На душе стало светло. У меня есть смысл в жизни, есть, за что и за кого бороться. И я не дам себя «уничтожить».

Включил ноутбук и подключился к Интернету. Лично мне теперь спешить некуда.

Я листал интернет-странички многочисленных дневников и думал о человеческой природе как о самом податливом материале. Зная человеческие слабости, из него можно лепить все, что хочешь. Дергать за ниточки. Направлять в нужное тебе направление. И ожидать вполне прогнозируемого результата. Главное – понять, что ты хочешь от того или иного человека. Вот этот жалуется на одиночество и кричит, что его не понимают. Дай ему эту иллюзию, приручи словами, и он твой. Другой мечтает о популярности, как вчерашняя девчушка из реалити-шоу. Будь я последней сволочью, я бы переспал с ней и какое-то время держал бы ее на крючке, суля невероятные перспективы в шоу-бизе. И она бы верила. Как и вот этот лох, который купился на виртуальные обещания богатства и теперь не знает, сможет ли расплатиться с долгами.

Печально, что и я в какой-то момент стал такой же марионеткой. Меня

дернули, и я послушно пошел. Хороший урок я получил на всю оставшуюся жизнь. Другое дело, что результат получился совсем другим.

Нас делают, в ответ мы кого-то делаем. Круговорот подлостей в природе.

– Ну, здравствуй!

Я не повернулся. Смотрел на пушистый ковер, по которому аккуратно ступали туфельки от Manolo Blahnik. Она обошла меня и встала рядом. Взглянула на нетронутые деликатесы.

– Я почему-то так и думала, что ты не станешь есть и пить за мой счет.

– Ты не ошиблась.

Слава улыbnулась.

– Умный мальчик. Так ты догадался?

– Догадался.

– Жаль.

Мы помолчали.

– Весту ты зачем впутала?

Слава села напротив, налила себе коньяку.

– Попалась под руку. Вместе с твоим так называемым другом – Кости-ком. Костик на мели был. Веста тебе мечтала отомстить. В общем, пришлось ко двору. Кстати, ты знаешь, что Костик – того...?

– Что значит, того?

– Помер вчера. Передоз. Так что места под солнцем шоу-биза стало на-много больше. Поздравляю тебя, Саша!

Стало трудно дышать... Костик... Мой черный человек, мой конкур-ент... Бедная Веста! Ей будет тяжело, если она все-таки любила Костика.

Слава восприняла мое молчание по-своему:

– Не переживай! Он и так уже давно не жилец был... Что уж теперь...

Я молчал. Слава, не сумев удержать паузу, затараторила:

– В любом случае ты в выигрыше. Сейчас придет Разумовский, и ты все спишешь на Костика. Весту, я думаю, впутывать не будем. Она здесь совсем ни при чем. Это наши частные сложности. А с Костика не убудет – нет чело-века, нет проблемы.

Она выжидающе смотрела на меня: приму ли я эту игру в поддавки.

Я не принял.

– ЭТО ТЫ ВЗЯЛА ФЛЭШКУ.

Она с достоинством приняла удар:

– Не получилось. Какой ты все-таки упертый, Нежданов. А ведь могло бы получиться. Плохо. Придется по-другому.

– И как же?

– Сейчас придет Разумовский. И я ему скажу, что все это придумал ты. Ты этого хочешь?

– А как насчет этого? – Я бросил на столик стопку фотографий.

Фужер с коньяком покачулся и упал на пол. На светлом ковре осталось

янтарное пятно.

Слава брезгливо взяла пачку.

– Нежданов, ты больной? Кого ты пытаешься удивить? Эти фотографии давно опубликованы.

– И я на них замечательно получилась! – Наташа вошла бесшумно и грациозно уселась в соседнее кресло. – Я так понимаю, что наш папарацци на компромисс идти не хочет?

Слава притворно вздохнула:

– Не хочет. Фотографиями грозит.

Минор улыбнулась.

– Мило. А чего старым архивом грозить? Пьяная я тут, у мужика беру... И что? Все видели, все знают...

– За исключением одного момента, – сказал я.

Мне надоела эта болтовня, да и до приезда Разумовского оставалось не так уж много времени.

Девушки замерли.

– Какого момента? – насторожилась Наташа.

– Когда ты сказала, что я так ничего и не понял, я решил, что ты говоришь о себе. Мол, подставить решили тебя... А ведь ты говорила совсем о другом.

– О чем?

– Да эти фотографии не имеют цену только в том случае, когда мы верим, что женщина, изображенная на них, – пьяна. По пьянке чего только не удивишь. Но парадокс, Наташа, в том, что ты-то совершенно трезвая.

– Что? – Наташа побледнела и переглянулась со Славой. Той тоже явно стало нехорошо.

– Можно сыграть опьянение – тут даже большого актерского таланта не требуется... особенно в компании, где все поголовно пьяны. Но вот взгляд сыграть невозможно. Тебе было необходимо создать иллюзию – пьяная женщина на вечеринке делает минет. Но достаточно посмотреть в твои глаза – вот этот кадр хорошо получился, крупным планом, и понимаешь – глаза-то у тебя трезвые и расчетливые. Ты позируешь на камеру! А если так, то неувязочка получается.

Наташа налила себе сока, осушила бокал и хрустнула яблоком. Я ее не торопил. Пусть подкрепит внезапно угасшие силы.

– Ну и что? – спокойно сказала она. – Пусть и позирую. Это у меня профессиональное. Назови хоть одного человека в шоу-бизе, который этого не делает. Разбуди ночью – я тебе и спросонья попозирую. И глаза у меня будут такие, как надо.

Я кивнул.

– Нисколько не сомневаюсь в твоих способностях. Ты вообще на удивление талантливый и артистичный человек.

– Нежданов, по-моему, твои комплименты сейчас не к месту.

– Как знать. Как знать... Позвольте, барышни, рассказать вам одну занимательную историю.

Барышни синхронно кивнули.

– Жила-была девушка по имени Наташа. Умная, красивая, талантливая. Но была у Наташи одна проблема: жила она в провинции. А Наташе страсть как хотелось славы, денег и красивой жизни. Переехала она в Москву. Попыталась счастья на кастингах в различных шоу, но провалилась. Ты ведь с оперным репертуаром туда полезла, так?

Минор кивнула.

– А опера ко двору не пришлась. Деньги заканчивались, в Гнесинку не приняли, и решилась Наташа на весьма рискованный поступок – бросилась под машину к продюсеру Разумовскому. Ход банальный, но сыграл. Ибо наша Наташа – хороша собой невероятно.

– Спасибо, – Минор была явно польщена. – Но испугался он тогда жуть как.

– А дальше все шло по плану. Разумовский не устоял – пригрел, накормил, отмыл и даже дал путевку в шоу-бизнес. И жениться пообещал. Вроде все у девушки было – деньги, слава, карьера, любовь, секс, перспективы. Живи да радуйся, но ей захотелось большего!

– Чего же?

– Быть самой собой. Разумовскому ты ведь тоже лапшу на уши навешала. Пела писклявым голосом, а он тебя в студиях вытягивал. Ты представила, что будешь питать всю жизнь – и испугалась. Попробовала убедить его дать тебе шанс. А он в ответ посмеялся – сиди, девочка, и радуйся своему счастью. Вот тогда ты и завелась. Решила, что справишься и без продюсера-мужа. Благо и агентство подвернулось в виде Славы. А у Славы свой зуб на Андрея Константиновича имеется...

– Какой? – удивилась Наташа.

Где-то вы умные, а где-то полные дуры.

– А это ты у нее спроси, – посоветовал я.

Слава скромно потупилась.

– Но сейчас это не важно. Для второй части вашей гениальной комбинации Слава нашла исполнителей – Костика и Весту. Сама же воспользовалась моментом и вытащила флэшку из камеры. Тебе же, Наташа, досталась главная роль в этом шоу.

– Как ты догадался? По фотографиям?

– Когда я узнал, что Разумовский был на той вечеринке, то сначала не придал этому значения. А потом понял – если ты была с ним, то не могла не драться в хлам. Он уехал минут за десять до того, как ты начала приставать к тому мужику. Даже если влить в тебя винтом водку, все равно по времени не успеваешь так опьянеть.

– Но если водку винтом...

– Ты бы просто отключилась. И уже была бы не способна ни на какие действия.

- А у меня организм выносливый!
 - Выносливый?
 - Выносливый! И попробуй, возрази.
- Я молчал.

– Так что, Нежданов, – насмешливо спросила Минор. – Крыть-то нечем?!

– Почему же... Кое-что имеется. Одна маленькая нестыковочка. У тебя, Наташа, индивидуальная непереносимость алкоголя. Ты вообще не пьешь. Не потому, что не хочешь, а потому, что тебе нельзя. Всего один бокал спиртного, и ты на больничной койке. Это в лучшем случае. В худшем – отравишься на тот свет. Об этом знает, или точнее, догадывается очень ограниченный круг людей. Очень удобно иногда разыгрывать пьяную девицу, не правда ли? При пьяном человеке иногда говорится много лишнего.

Слава была так искренне изумлена, что я понял, что она об этом секрете Минор ничего не знала. Наташа с ненавистью смотрела на меня. Костяшки ее пальцев побелели от напряжения.

- Откуда ты знаешь?

Я мысленно поблагодарил Весту за ее последнее – прощальное – сообщение. Четкое и лаконичное, оно пришло уже под утро. Мне потребовалось навести кое-какие справки, чтобы убедиться в том, что я прав.

– Профессия у меня такая – все знать. Ты – великолепная актриса, раз тебе до сих пор удавалось все скрывать.

- Почему ты мне ничего не говорила? – вклинилась в наш разговор Слава.

– А зачем? – ответил я вместо Минор. – При пьяной барышне мужские языки развязываются намного быстрее. Да и к тому же весьма опасно делать такой секрет публичным. Узнай кто, Наташа мгновенно попадает в группу риска. Не дай бог, на какой-нибудь вечеринке ей вместо сока дадут сок с водкой. Думаю, даже Разумовский не в курсе. Ты и его обвела вокруг пальца.

- Все равно ничего не докажешь! – Минор облизнула пересохшие губы.

– А мне и не надо! Разумовский ненавидит ложь. Во всех ее проявлениях. А ложь любимой женщины – это... Это ложь любимой женщины со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мне достаточно только намекнуть, что у тебя есть такая особенность. И он все проверит сам. По своим каналам. Интересно, как ты ему объяснишь свою внезапную страсть к мужским ширинкам? Впрочем, это уже не мое дело. Ты прокололась.

- Она усмехнулась.

– Ты прокололась и в другом, дорогая. Пока вы проворачивали свою аферу, нежданно-негаданно наступил кризис. И агентство Славы переживает сейчас не лучшие времена. Оно не будет вкладывать деньги в неформатную певицу. Не так ли, Слава?

– Наташа, извини, но он прав. Твой проект вчера отвергли. У нас нет денег на твою раскрутку.

– И когда ты мне собиралась об этом сказать? – холодно поинтересовалась Наташа.

Слава смутилась:

– Не знаю. Сегодня, завтра.

– Никогда, – услышав мой ответ, Наташа резко повернулась ко мне.

– Почему?

– А твоей подруге невыгодно, чтобы Разумовский вкладывал в тебя деньги. У нее есть другая кандидатура – ее любовница.

Лицо Наташи превратилось в маску Снежной королевы.

– Как интересно!

– Вечно ты лезешь туда, куда тебя не просят, Нежданов, – прошипела Слава.

Я проигнорировал ее ремарку и обратился к Минор:

– У тебя единственный шанс – вернуться к Разумовскому.

Минор кивнула:

– А ты умнее, чем я думала. Обидно, когда в твои планы вмешивается экономика Соединенных Штатов и предательство подруги. Кто ж знал? Я думала, что сниму несколько клипов... Фьюжн бы прекрасно подошел. Пипл соскучился по хорошей музыке. А там, глядишь, можно было бы и иностранцев привлечь. Они бы обязательно заключили со мной контракт. Чем я хуже «Туту»?

– Но не получилось...

Мы услышали звук лифта.

– Разумовский, – прошептала Слава и побледнела. – Саша, ты решил? Ты с нами или...

– Главный закон шоу-бизнеса – я сам по себе. Разумовский не дурак, поймет, что к чему. Так что, девоньки, справляйтесь сами.

Естественно, я блефовал. А что еще оставалось?!

– Я не могу потерять работу, – весь лоск сошел со Славы. – Наташа, сделай что-нибудь. Я обещаю, что протолкну твой контракт! Я что-нибудь придумаю!

Лифт остановился. Не слухом, но сердцем мы уловили тяжелые шаги.

Разумовский шел по коридору.

Наташа вскочила.

Голубые глаза стали темными и безумными. Она схватила фруктовый нож и резанула себя по запястью. Тягучая темная кровь закапала на светлый ворс.

– Я не могу без него жить! Не могу! – закричала она. – Лучше умереть!

В кабинет вошел Разумовский.

– Что тут происх... – начал он и осекся.

Лицо Наташи стало пепельным. Кровь струилась по рукам.

– Прости меня... Я ошиблась... Я виновата... Но я больше так не могу... Дай мне умереть.

И она грациозно скользнула на ковер.

Разумовский как-то по-женски взвизгнул и бросился к ней. Приподнял голову Наташи, зарылся лицом в каскад роскошных волос.

– Это ты меня прости! Я думал, тебе все равно... А ты вот как меня любишь!

Ресницы Наташи дрогнули. Она что-то слабо прошептала.

– Что вы стоите! Вызовите «скорую»! – закричал нам со Славой Разумовский.

Слава некрасиво засуетилась, достала мобильный и начала бестолково тыкать в кнопки телефона.

Детский сад!

Я вынул из нагрудного кармана чистый носовой платок и подошел к Наташе.

– Андрей Константинович, вы позволите?

– Что? – казалось, от страха за Наташу он ничего не соображал.

– Надо кровь остановить, – объяснил я ему как неразумному ребенку. – Разрешите?

Ресницы Наташи еще раз дрогнули, на этот раз благодарно.

Я осторожно и аккуратно перевязал ее запястье. Платок тут же пропитался кровью, но через несколько минут стало понятно, что кровотечение удалось остановить.

Еще через пару минут Наташа позволила себе застонать и открыла глаза.

Разумовский благоговейно поцеловал ее ладонь.

– Все для тебя, моя девочка! Я теперь никуда тебя не отпущу. Ничего не говори, все в прошлом.

– «Скорая» едет, Андрей Константинович, – Слава решила, что может вмешаться в их разговор. Мы все выяснили – Нежданов тут ни при чем. Это все другой фотограф, Костик... Из зависти.

– Да-да, – взгляд Разумовского стал более осмысленным. – Я тоже провел расследование. Мою девочку напоили и заставили заниматься этими гнусными вещами. Никогда себе не прощу, что оставил тогда ее одну... Они заплатят за это. И этот ваш фотограф, и тот, с кем она...

– Андрюша, – Наташа заплакала.

– Ты ни в чем не виновата, – успокоил Разумовский свою невесту. Все будет хорошо. Как только ты поправишься, мы поженимся. И ты будешь петь, обещаю. То, что ты хочешь!

... К «скорой» он вынес ее на руках. Под вспышки фотокамер. Я понял, что Слава только разыгрывала беспомощность, а на самом деле умудрилась поставить в известность о происходящем сразу несколько изданий. Что ж, ей воздастся!

– Красиво уехали! – сама Слава вниз спускаться не стала, заняв выигрышную позицию у окна. – Завтра во всех изданиях будет. Эффектная концовка. Пипл будет рыдать!

– Тебе не стыдно?

– За что? – искренне удивилась Слава. – Для нас все закончилось хорошо. Ты вообще теперь можешь не волноваться. Разумовский тебя теперь в обиду не даст: ты же фактически спас его будущую жену.

– А Костик? А тот мужик, которого вы подставили? Они в чем виноваты? Слава жестко улыбнулась.

– В этой жизни, Нежданов, нужно грамотно и умно вписаться – в общее дело, в ситуацию, в тусовку. Эти – отработанный материал.

– А Веста?

– Веста – девушка умная, вовремя сообразила, что к чему. И затихарилась. Месяца через полтора о ней никто и не вспомнит. С ней все в порядке. И с тобой все в порядке.

Я так не думал.

– Ты лучше вот о чем подумай, – к Славе вновь вернулась ее уверенность, – ты с кем теперь – с нами или против нас.

Я молча направился к двери. На душе было тошно.

– Ну и дурак! Это же шоу-бизнес!

Не обернулся.

На улице, как в голливудских фильмах, шел целлулоидный дождь. Каждый в этой игре вытянул свой билетик – счастливый или несчастливый. Славе повезло. Наташе Минор повезло вдвойне. А вот Костик остался за бортом.

А какой билетик вытянул я?

Белый или черный?

Впервые в жизни я не мог дать ответа на этот простой, в общем-то, вопрос. Мне хотелось разделенного с кем-то одиночества.

Я достал плеер, надел наушники и набросил на голову капюшон.

Палец нажал кнопку «Play».

Хорошая музыка всегда помогает обрести покой и найти нужные ответы даже на невысказанные вопросы.

Я не знаю, так это или нет...

Но, возможно, «Ночные снайперы» и их альбом «Армия 2009» – это как раз то, что мне сейчас было нужно. Фиксация времени в себе.

Я шел по улице и слышал, как в такт музыке бьется мое сердце.

Я еще не знал, что всего через полгода эта история будет вспоминаться как досадное приключение, слегка потрепавшее мне нервы. И что волею судеб я окажусь в эпицентре других событий, где ставкой снова станет человеческая жизнь. Жизнь тех, кто не мыслит себя без шоу-бизнеса. Жизнь звезд.

Впрочем, это совсем другая история. Но если хотите, я вам ее расскажу. Как-нибудь... Когда и у вас, и у меня будет время.

Выражаю свою благодарность моим родным, друзьям и коллегам.
Без вашей помощи на душе не было бы столько положительных эмоций:
в жизни, работе и творчестве!

Большое спасибо:

моей Мамочке — за твою любовь, постоянные молитвы обо мне
и вообще за мою жизнь

Антону и Марине Ждановым —
за любовь, воспитание, теплоту и доброту

Артистам:

Филиппу Киркорову — за профессионализм и поддержку

Яне Рудковской — за внутренний стержень и веру в меня

Лолите — за жизненную позицию

Диме Билану — за волю к победе и яркость

Диане Арбениной и «Снайперам» — за нежность, дерзость, стойкость

Спасибо моим Учителям:

Галине Николаевне Панкеевой — за выбор жизненного пути

Анастасии Монастырской — за светлые мысли и всеразмерную помощь

Валерию Обогрелову — за первые шаги в профессии

Нatalье Георгиевне — за ваше терпение и чудесный английский

Друзьям:

Михаилу Зарубину — за покорение мира
 Алексею Ишутину — за ценные советы в жизни, Барселону и Хорватию
 Екатерине Чижовой — за взаимное обожание
 Анне Шлейниковой — за любовь к зелёному чаю с жасмином
 Олеся Молоковой — за доброе присутствие в моей жизни и помощь всегда
 Лиле Алексашиной и Марианне Бельковой — за тёплую компанию
 Владимиру Бязрову — за пример и вдохновение
 Дарье Белозеровой — за любовь, критику и преемственность
 Станиславу и Александре Луневым —
 за дружбу, совместные вечера и открытость
 Ольге Зиняковой — за искренность и «Дом-2»
 Светлане Макаровской — за былое и Ярославль
 Владимиру Волошину — за правильно ориентированную работу
 Андрею Грудкину — за необычную мудрость, работу и фотошоп
 Галине Буцевой — за мир фотографий и кофепития
 Анне Тафинцевой — за светлые искорки в глазах
 Илоне Крыжановской — за фотографию и этнографию
 Елене Оляниной — за магию рук
 Максиму Фраю — за новую веру в чудеса навсегда
 Наталье Юрковой — за диплом, поездки и добродушие
 Андрею Коновалову — за высочайшие стандарты
 Марии Юриной — за детскую искренность и теплые ладошки
 Екатерине Конновой — за «Зум» и Малдера
 Станиславу Мореву и Бориславу Фролову — за безбашенность и мудрость
 Камилле и Нине Викторовне Кубаевым — за теплоту и шерстяные рейтузы
 Юлии Коломийцевой — за наши начинания
 Алексею Саввину — за добрую память на всю жизнь
 Сати Казановой, Ирине Тоновой и Александре Савельевой —
 за женственность и максимальное обаяние
 Всем выпускникам «Фабрики звёзд» —
 за насыщенную и по-настоящему интересную работу
 Альбине Джабанаевой и группе «ВИА Гра» — за симпатию и шёлк
 Павлу Дурову и Льву Левиеву — за веб-реализации
 Юрию Аксюту —
 за ощущение надёжности и за высокие планки
 Алёне Беловой — за долгую дружбу и совместные достижения

Дмитрию Коровкину — за открытость и честность
Алёне Жигаловой — за Тайны Звезд
Марии Ремизовой — за улыбку и поддержку
Елене и Наталье Орловым — за салон и красоту
Роману Ленсуа — за креативные стрижки и цвет волос
Александрe Титянку — за VIP-будни
Алексу Бего — за невероятные снимки
Арсению Ньюарсу — за детскость и плёнки
Максу Кудрявцеву — за вечный позитив и Киев
Руслану Рощупкину — за поддержку в кулуарах
Агнетте Красильщиковой — за Маргариту
Вячеславу Шадронову — за высокие мысли и чёткие слова
Евгению и Марине Липатовым — за вашу свадьбу и гостеприимство
Светлане Азаровой — за гастролы и житейскую мудрость
Вадиму Пономарёву — за дружеские беседы и настоящую журналистику
Ксении Маренниковой — за мысли на двоих
Евгении Соколовой — за смех и Крым
Анастасии Гоголь — за совместный труд
Нелли Смирновой — за белорусские драники и «Славянские базары»
Андрею Сивкову — за рукопожатия и Пять звезд
Максу Чудаеву — за помощь и поддержку
Ольге Макаровой — за голоса и заботу
Екатерине Гордеевой — за дружбу и ученичество
Татьяне и Людмиле Макеевым — за ваши чувства и симпатию
Наталье Березиной — за отсутствие стандартов
Ольге Ясюк — за корректуру и журналистские годы
Алине Катран — за наши яркие цвета
Наталье Махортовой — за Белград
Екатерине Кошелевой — за внимание и эмоции
Светлане Богдановой и Марине Цаневой —
за слаженную работу и поддержку
Дарье Плетнёвой — за дружбу и дизайны
Ивану Штокалюку — за энергичность и PR-мастерство
Юлии Конторовой — за долгие творческие перекрёстки
Вячеславу Лысову — за отданную теплоту, которую сохранил
Зое Абрамовне — за симпатию и «Ровесник»
Павлу Воловову — за испанское появление и Мадонну

Михаилу Турову и Андрею Головченко — за московские тусовки
Наталье Атаевне Лапиной — за новую жизнь
Игорю и Светлане Мальцевым — за времена на Диване
Александру Игудину и Алине Герман — за прекрасные клипы и моду
Елене, Яне и Олесе — за прекрасное трио
Дарье Кремер — за долгие айсикию
Лилии Шарловской — за драйв и фото
Светлане Анатольевне — за чудесного ребёнка
Евгении Гришечкиной — за COOL-времена
Ирине Геннадьевне — за прекрасных воспитанных детей
Ивану Дорну — за сумасшедшие эмоции
Роману Санду — за долгие кропотливые ночи
Вадиму Юдину — за верстку книги
Весте — за первую любовь
Любимым фотостудиям — за помещения, которые вдохновляют
Penabar и Повари — за лайфстайл
Кофе Хауз — за теплые кофейные кружки

Special thanks to Lufthansa — german airlines for planes, where always feels as at home and IHG for hotels, where can live every moment and everywhere.

Отдельно благоДарю:

Александра Шульгина —

за ваши мысли, ваше общение,

вашу искренность и тёплые душевные эмоции

www.starsbook.ru — сайт автора
www.ajdnevnik.ru — блог
<http://vkontakte.ru/id668132> — вконтакте
ya@alexjdanov.ru

Верстка и дизайн

MADE BY
MANU
graphics

www.manu.lv

Если вы хотите стать героем третьей книги
и оказаться на ее обложке связывайтесь:

info@starsbook.ru

<http://vkontakte.ru/alexander.zhdanov>

<http://www.ajdnevnik.ru/>

<http://twitter.com/alexzhdanov>